

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

№ 6

2008

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2008. № 6

Издается с 2004 года

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2008

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

Е. Л. Березович (Екатеринбург),

М. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

Л. А. Феокистова (Екатеринбург)

Члены редколлегии

М. В. Голомидова (Екатеринбург), *Н. В. Васильева* (Москва),

А. Ф. Журавлев (Москва), *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург),

И. И. Муллонен (Петрозаводск), *Е. Н. Полякова* (Пермь),

В. И. Супрун (Волгоград), *С. М. Толстая* (Москва),

К. Хенгст (Лейпциг, Германия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Васильев В. Л.</i> Заметки по славянской топонимической архаике Новгородской земли (<i>Псижа, Плюсса, Плиска, Пскова</i> и др.).....	5
<i>Шапошников А. К.</i> Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Боспор Киммерийский (европейская часть).....	18
<i>Сироткина Т. А.</i> Этнонимы как речевые маркеры категории этничности (на материале этнонимии Пермского края).....	37

Финно-угорское наследие в русской топонимии

<i>Кузьмин Д. В.</i> К вопросу об освоении Беломорской Карелии западнофинским населением (по данным топонимии).....	47
<i>Муллонен И. И.</i> Загадка <i>Выга</i>	58
<i>Захарова Е. В.</i> Прибалтийско-финский субстрат в топонимии Коллодозерья.....	64
<i>Кабинина Н. В.</i> Ономастопозитическая лексика в субстратной топонимии Архангельского Поморья.....	75
<i>Амбросиани П.</i> Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии.....	83

СООБЩЕНИЯ

<i>Картавенко В. В.</i> Древний Вержавск: к этимологии названия.....	93
<i>Супрун В. И.</i> Пушкинский автографоним.....	97

МАТЕРИАЛЫ

<i>Махрачева Т. В.</i> Материалы к Словарю хрононимов Тамбовской области. II. Л–Я.....	104
--	-----

Трибуна ономатолога

<i>Матвеев А. К.</i> Эволюционные процессы в ономастике.....	130
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы	137
XXIII Международный конгресс по ономастическим наукам (<i>О. Т. Молчанова</i>).....	137
О I Крымских Международных Михайловских чтениях «Собственное имя в русской и мировой литературе» (<i>А. А. Фомин</i>).....	140
О работе ономастической секции Всероссийской научно-практической конференции «Слово и текст в культурном пространстве эпохи» (<i>М. Э. Рут</i>).....	142
Ономастическая проблематика на XII Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (<i>Т. Н. Дмитриева</i>).....	143
VIII Международная научная конференция «Славянские апеллятивно-ономастические омонимы в диахронии и синхронии» (<i>М. Олейник</i>).....	145
Краткая информация.....	148
Рецензии	149
Лабунец Н. В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта (<i>Л. В. Кёркина</i>).....	149
Имя: Семантическая аура (<i>М. В. Голомидова</i>).....	161
Младенова Д. Звездного небе над нас: Этнолингвистично изследоване на балканските народни астронимы (<i>М. Э. Рут</i>).....	169
Обзоры	172
Ономастика в Австрии (<i>Ф. Ш. Пашаева</i>).....	172
Новые книги	175
Новые диссертации по ономастике	180
СОКРАЩЕНИЯ	188

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vasilyev V. L.</i> Notes on Slavic Toponymic Antiquities of Novgorod Region.....	5
<i>Shaposhnikov A. K.</i> The Oldest Names of the Tauria Peninsula. Kimmerian Bosphorus (the European sector)...	18
<i>Sirotkina T. A.</i> Ethnic Terms as Speech Markers of Ethnicity.....	37

Finno-Ugrian Legacy in the Russian Toponymy

<i>Kuzmin D. V.</i> Toponymic Evidence of the White Sea Karelia Settlement by the West Finnish Population...	47
<i>Mullonen I. I.</i> The Riddle of <i>Vyga</i>	58
<i>Zakharova E. V.</i> Baltic-Finnic Substrate in Toponymy of the Kolodozerje.....	64
<i>Kabinina N. V.</i> Onomatopoetic Words in the Substrate Toponymy of the Arkhangelsk Pomorje.....	75
<i>Ambrosiani P.</i> Parallel Names in Baltic-Finnish and Russian Toponymy of Ingermanland.....	83

REPORTS

<i>Kartavenko V. V.</i> Ancient Verzhavsk: on the Etymology of the Name.....	93
<i>Suprun V. I.</i> Pushkin's Self-Graphonym.....	97

MATERIALS

<i>Makhracheva Yu. B.</i> Materials to the Dictionary of Chrononyms of the Tambov Region. II. <i>L–Ya</i>	104
---	-----

ONOMATOLOGIST'S TRIBUNE

<i>Matveyev A. K.</i> Evolutionary Processes in the Name Stock.....	130
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, congresses, symposia	137
Twenty Third International Congress of Onomastic Sciences (<i>O. A. Moltchanova</i>).....	137
The First Crimean International Mikhaylov Readings "Proper Name in Russian and World Literature" (<i>A. A. Fomin</i>).....	140
The Onomastic Section of the All-Russian Academic and Research Conference "Word and Text in the Cultural Perceptions of the Epoch" (<i>M. E. Rut</i>).....	142
Onomastic Issues at the Twelfth International Symposium "Dialects and History of Perm Languages in Interaction with other Languages" (<i>T. N. Dmitriyeva</i>).....	143
Eighth International Scientific Conference "Slavic Common and Proper Homonyms in Diachrony and Synchrony" (<i>M. Oleynik</i>).....	145
Short reports.....	148
Reviews	149
<i>L a b u n e t s N. V.</i> Russian Geographical Terms in the Situation of a Language Contact (<i>L. V. Kurkina</i>)...	149
Name: a Semantic Aura (<i>M. V. Golomidova</i>).....	161
<i>M l a d e n o v a D.</i> The Star-studded Sky Above: an Ethnolinguistic Study of Balkan Popular Star-Names (<i>M. E. Rut</i>).....	169
Surveys	172
Onomastics in Austria (<i>F.Sh. Pashayeva</i>).....	172
New books	175
New dissertations on onomastics	180
ABBREVIATIONS	188

СТАТЬИ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 6

В. Л. Васильев

ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ (ПСИЖА, ПЛЮССА, ПЛИСКА, ПЕСКО, ПСКОВА И ДР.)*

*The article is devoted to etymological analysis of Slavic toponymical archaisms on Russian Northwest, such as Псижа, Плюсса, Плисса, Песко, Пскова, Плюха etc. In opinion of author, these place names have relict features of structure and is formed from related stems *ples-/plesk-/plъs-/plъsk-/plis-/plisk-* with alternation of vowels and consonants.*

Под славянским топонимическим архаизмом Новгородской земли понимается географическое название, отмеченное разноуровневыми признаками непродуктивности и пережиточности структуры, исчерпавшее потенциал спонтанного возникновения (мультиплицирования) на базе нетопонимической лексики в континууме диалектов обследуемой территории. Выступая обычно реликтами древнеславянского (resp. позднеславянского и древнерусского) времени, топонимические архаизмы сравнительно немногочисленны на фоне продуктивной, как правило, поздней и собственно русской топонимии региона. Основными критериями выявления славянской топонимической архаики служат разнообразные показатели непродуктивности, пережиточности топонимической структуры и специфические особенности территориальной дистрибуции названий.

Топонимический архаизм определяется по одному или нескольким признакам, подразделяемым на мотивационные, деривационные, фонетические и ареальные. М о т и в а ц и о н н ы е признаки связаны с отсутствием очевидных слов, моти-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-04-04120а).

вирующих такие названия в региональном диалектном континууме. Судя по комплексу письменных и диалектных данных, эти нетопонимические слова-мотиваторы после XV в. потеряли (почти или полностью) региональную употребительность, но могут порой сохранять активное функционирование у западных и южных славян и в некоторых зонах восточнославянского ареала: преимущественно в пространстве украинского и белорусского языков, а иногда на некоторых русских территориях, отдаленных от Новгородской земли. Деривационные признаки топонимической архаики отражаются в древнеславянских механизмах и средствах топонимобразования, ставших позднее непродуктивными в формировании собственно русской топонимии. Фонетические признаки являются отражением результатов фонетических процессов, характерных именно для древнеславянского времени. Нередко топонимические архаизмы Новгородской земли отмечены печатью специфических закономерностей древненовгородской диалектной фонетики, позднее деактуализовавшихся. Наконец, ареальные признаки новгородской топонимической архаики проявляются в дискретности ее территориального распределения, в наличии отдаленных топонимических параллелей в различных уголках Славии. Для таких названий обычно обнаруживаются «кросс-диалектные» и «кросс-языковые» линии связей: топоизоглоссы в разрозненных зонах восточно-, западно- и южнославянского языковых пространств, но преимущественно на землях раннеславянского расселения (I – начало II тыс. н. э.), реже на землях более позднего русского заселения; кроме того, вне пределов Новгородской земли искомым топонимическими параллелями может вообще не оказаться.

Находясь у истоков формирования современного регионального тополандшафта, славянские топонимические архаизмы нередко соотносятся с древними, порой до сих пор значительными поселениями и со сравнительно крупными водоемами, а также находят более или менее многочисленные проявления в средневековой письменности.

Ниже предложен анализ группы архаических названий Новгородской земли, которые в отдаленной этимологической ретроспективе оказываются родственными. Они связаны в конечном счете с повсеместно редкими, не прослеживаемыми в апеллятивной лексике новгородских говоров, регулярно соотносимыми вариантами общей основы.

Псижа, один из южных притоков оз. Ильмень. Хотя источники XIX–XX вв. доносят этот гидроним без вариантов, существует производный гидроним, предполагающий вариантность исходного: это *Псюжка*, руч., правый пр. Псижи; по ручью, в свою очередь, получила название д. *Псюжка*, бывшая некогда в Городецкой волости Старорусского уезда [СНМНГ, III, 36–37] (по состоянию местности на 1980-е гг. – р. *Псюжка* при впадении одноименного ручья в р. Псижу)¹. Ниже по течению у правого берега Псижи стоит д. *Псижа* Старорусского р-на Новго-

¹ Ссылки на современные топографические карты различного масштаба, современные административно-территориальные списки селений на Русском Северо-Западе (в границах Новгородской, Ленинградской, Псковской, Тверской областей), за редким исключением, не приводятся.

родской обл., ранее относившаяся к Коростынской волости Старорусского уезда (списки селений начала XX в. указывают здесь одноименные деревню и погост [СНМНГ, III, 68–69]) = д. *Псижа* Коростынского погоста Шелонской пятины 1524 г. [НПК, V, 396]². Сама же р. *Псижа* отмечается неоднократно в писцовых книгах Шелонской пятины Новгородской земли 1-й половины XVI в. в связи с описанием селений, расположенных вдоль реки: Валташино «на речке на *Псеже*» в Буряжском погосте (починок, поставленный в 1540-е гг.), д. Ненова, Кустово, Бахматово, Филистово, Глиняница – все на реке «на *Псижъ*» в Коростынском погосте 1524 г. [НПК, V, 325, 395, 396]³. Приведенные написания, скорее всего, неточно передают впервые услышанную форму *Псижа*, однако здесь можно подозревать и действительные фонематические варианты гидронима.

Этот безусловно архаический гидроним, не находящий, на первый взгляд, межтерриториальных параллелей, членится на основную и формантную части в виде *Пс-ижа* (и *Пс-южка*, с иной огласовкой суффикса). Суффикс *-иж(а)* выделяется в ряде старых славянских названий водных объектов и селений. Таковы, например, несколько славянских топонимических архаизмов на *-ижа* как раз в южном Приильменье, в нескольких десятках километров от *Псижа* / *Псюжка*: руч. *Балогижжа*, левый пр. Тулебли, южного пр. Ильменя [Сп. рек, оз. и вдхр. Новг. обл.] (*Балогижжа* по [Шанько, 1929, 508]), и на ручье д. *Бологижжа* под Старой Руссой (в [СНМНГ, III, 48–49] это деревня на руч. Безымянном; в [НПК] сведений о ней нет); д. *Гостижа* / *Гостижи* и д. *Гарижа* в Околурусье около 1498 г. [НПК, V, 58, 215], соотносимые с современными д. *Гостеж* и *Гарижа* в окрестностях г. Старая Русса (Виленский и Утушкинский сельсоветы). Территориальная близость приведенных географических имен к географии *Псижа* позволяет считать все такие образования в южном Приильменье элементами одной деривационной микросистемы (в эту микросистему входят и локализующиеся поблизости неславянские гидронимы *Снежа*, *Веряжа* с финалью *-жа*, которая, однако, не относится к суффиксу). Далее к юго-востоку от этих пунктов, в соседнем Демянском р-не Новгородской обл. (Вотолинский сельсовет), значится д. *Мстижа* на оз. *Мстижском* [Сп. рек, оз. и вдхр. Новг. обл.], ранее указанная как д. *Мстижи* при оз. *Мстиже* и рч. *Мстижжа* в Ильиногорской волости Демянского уезда Новгородской губ. [СНМНГ, II, 28–29]. Перечисленная топонимия приемлемо объясняется благодаря наличию рус. *гость*, *гостить*; *гарь*, *гореть*; др.-рус. *болого* ‘добро, благо’, рус. диал. ‘хорошо’; др.-рус. *мстити(ся)* ‘воображать, грезить; казаться, мерещиться’, сев.-рус. *мститъ(ся)* ‘казаться, мерещиться, чудиться’, ‘ослеплять, слепить’, и др. [см. СлРЯ XI–XVII, 1; 9, 292; СРНГ, 3, 76; 18, 328]. Вне новгородской территории есть *Вициж*, известный по летописям с 1142 г. древнерусский город, а сегодня – село на Десне неподалеку от Брянска, наряду с параллельным польск. *Uściąg* / *Uściąg*, с. на Висле в Пулавском повите

² Населенный пункт *Псижа* появился не ранее начала XVI в., если судить по примечанию писца в 1524 г.: «а въ Матвееве писме та деревня не писана» [НПК, V, 396] (т. е. в письме Матвея Ивановича Валуева, который, как известно, описывал погосты Шелонской пятины в 1497/98 и 1498/99 гг.).

³ В Указателе географических имен [НПК. Указ. ГН, 191] применительно к р. *Псижа* дана ошибочная отсылка к VI тому.

(*Вициж* < **Устижъ*: к *устье* реки [Трубачов, 1971, 9–10]). Следует учесть еще одну показательную архаическую параллель на Русском Северо-Западе: ойконим *Устеж*, связанный с парой деревень близ впадения р. Суйды в р. Оредеж (т. е. близ *устья* Суйды) в Никольском Суйдовском погосте Водской пятины около 1500 г. [НПК, III, 698, 699]. Этот же древнеславянский структурный тип представлен гидронимией *Гостижа*, *Гастижжа* (повторяется четырежды), *Серижа*, *Очижа*, *Добрижа* в верхнем Поднепровье [Топоров, Трубачев, 1962, 153, 217–218], названиями р. *Хвалиш*, *Луниж* и с. *Любиж* в Рязанском Поочье [Чумакова, 1992, 74–76], г. *Велиж* с р. *Велижа* на Смоленщине и т. д. К варианту суффикса *-юж-* в *Псюжска* ср., например, средневековый новгородский ойконим *Свилюж* / *Свелюж* в погосте Никольском в волости Рай Бежецкой пятины 1545 и 1551 гг. [НПК, VI, 356, 697], трактуемый на базе пск., твер. *свилить* ‘увертываться’, *свилей* ‘извилистый’, *свилюций* ‘увертливый’ [СРНГ, 36, 279–280].

Основа *Пс-* в географическом имени *Псижа*, очевидно, продолжает редкую древнеславянскую основу *pls-* (с гласной на ступени редукции), связанную чередованием с *ples-* / *plis-*. Из этих апофонических вариантов лучше других представлен *ples-*: ср. др.-рус. *плесь*, *плесо* ‘прямой и широкий участок реки со спокойным течением’, ‘прибрежная часть земли вдоль плеса’ [СлРЯ XI–XVII, 15, 87], диал. *плёс*, *плёса*, *плёсо* – народные гидрографические термины, известные в широком континууме пересекающихся «водных» значений во многих восточнославянских и западнославянских (польск. *pleso* ‘озеро’, чеш. ‘глубокое место в реке’, ‘горное озеро’ и др.) диалектах, отраженные в многочисленных гидронимах и иных топонимах [см.: СРНГ, 27, 112–113; Мурзаев, 2, 125–126; Толстой, 1969, 202–206]. Только на территории Новгородской обл. термины *плёс*, *плёсо*, *плесяна*, будучи почти везде характерными и частотными, записаны более чем в двух десятках слабо расчленяемых значений, среди которых главные ‘широкое место в реке, озере’, ‘место в реке со спокойным, тихим течением’, ‘песчаное место у реки’, ‘часть реки, озера, глубоко вдающаяся в сушу’, ‘глубокое место в реке, озере’ [НОС, 7, 148–150]⁴. Вариант основы *plis-*, который можно трактовать как продление *pls-*, более редок и архаичен, не прослеживается в современной лексике новгородских говоров. Однако он представлен в тексте новгородской берестяной грамоты № 390 (после-

⁴ Повсеместность присутствия данных терминов в современных новгородских говорах плохо согласуется с фактом более ограниченного проявления их в материале новгородской ойконимии и гидронимии, исторической и современной. Так, описания селений XV–XVI вв. отмечают лишь три д. *Плесо* (в округе Демон, в Борковском и Холмском погостах Деревской пятины), починок *Плесное* в Офремовском погосте, д. *Плесна* и *Плесенка-Подлипье* в Щепецком погосте Шелонской пятины [НПК, I, 529; II, 591, 835, 861; IV, 349; V, 445, 464]. Такое положение, без сомнения, обусловлено тем, что преимущественная сфера онимизации данной терминологии в прошлом и в настоящем – это сфера микропонимии; ср. многочисленную микропонимию на базе термина *плес*, представленную в [НОС, 7, 150]. К рассматриваемой топонимии следует отнести и ойконим *Плос* в волости Забережье на Мологе Бежецкой пятины 1551 г. [НПК, VI, 784], если видеть за ним специфическую передачу формы *Плёс*, вызванную неупорядоченностью графики в период перехода *e > o*. Подобного рода написания без отражения мягкости согласной *л* перед *e (> o)* встречаются, к примеру, в материалах новгородской берестяной письменности (ср. хотя бы «рублюво» из берестяной грамоты № 256 2-й половины XIV в. [Зализняк, 2004, 639]).

дняя треть XIII в.) термином *плисина*, семантически равным рус. диал. *плесина* ‘плес; одно колено реки меж двух изгибов’ [Зализняк, 2004, 507–508, 778]⁵; ср. также др.-рус. *плись* ‘плес, колено реки от одной луки до другой’: «Полво ручьемъ внизъ три *плиса*; да съ третьяго *плиса* на Игнову ниву» (из обводной межевой записи 1391 г.) [Срезневский, 2, 966]. В Белоруссии известен диалектный термин *плиса*, синоним *плесо*, со значением ‘прямой участок русла реки’, ‘спокойный участок течения реки или водоема, с ровным дном; участок, свободный от водной растительности’ (ср. блр. *не выходзь на плісу* ‘не выходи на открытую воду’) [Жучкевич, 1974, 140, 292], отраженный и в ряде гидронимов преимущественно белорусского ареала: оз. *Плисса* в районе Полоцка на Витебщине [Шульгач, 1998, 215]; р. *Плиса* / *Плисса* (по летописи также – *Плеса*⁶), правый пр. Березины; р. *Плиса*, левый пр. Бобра, левого пр. Березины; р. *Плиса* в бассейне Десны. Перечисленные верхнеднепровские гидронимы *Плиса*, равно как и *Plisa*, р. среди притоков Немана, *Плиса*, оз. на Витебщине, были предположительно отнесены к балтизмам [Топоров, Трубаев, 1962, 202], но сегодня не осталось сомнений в их генетической соотнесенности с вост.-слав. *плесь*, *плись*, *плиса*.

Преобразование *Пльс-* > *Пс-* в новг. *Псижа*, обусловленное утратой плавного, не развившего слоговость, идентично преобразованиям, которые испытали такие названия, как польск. *Pszczyzna* в Верхней Силезии, известное из исторической документации в виде *Plszczyzna*, *Pliszczyzna* [Фасмер, 3, 397], *Псков* – из др.-рус. *Пльсковъ*, *Плесковъ* (см. ниже *Пскова*). Новг. *Псижа* (< **Пльсижа*) допустимо осмыслять как первоначальное гидронимическое указание на плесовый гидроландшафт (‘плесовая река’). Такое объяснение получает некоторую поддержку в материале народных говоров вблизи реки, равно как в особенностях местной гидрографии: на узкой Псиже встречаются характерные расширения русла со спокойным течением, их здесь называют *плёсами*. Например, возле д. Горицы Волотовского р-на Новгородской обл. были записаны микротопонимы *Матюхино плёсо*, *Багрово плёсо*, *Лялюкино плёсо*, *Крестово плёсо*, именующие участки р. Псижи [ЗА, 1998].

Плюса, одна из крупных рек на Русском Северо-Западе, многократно упоминаемая в писцовой документации по Шелонской пятине Новгородской земли XV–XVII вв. как р. *Плюса* [НПК. Указ. ГН, 185, КБЧ, 154, 156]. Течет из оз. *Плюсо*,

⁵ Большое количество географических названий, содержащихся в берестяной грамоте № 390, позволило исследователям (А. И. Попов, А. А. Коновалов, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, И. Ю. Анкудинов и др.) локализовать местность, о которой идет речь в данном документе: это микрорайон, находящийся в нескольких десятках километров от восточного побережья Ильмена в междуречье Мсты и нижнего течения Холовы (на территории бывшего Холовского погоста Деревской пятины). Судя по современным диалектным данным, термин *плисина* на обозначенной территории не зафиксирован, а содержащий его топоним («Дорогуне *плисина*») из этой грамоты остался без соотнесения с конкретным географическим объектом [подробнее см.: Анкудинов, 2000, 123–132].

⁶ О вариантном гидрониме *Плиса* / *Плеса*, относящемся, как считается, к притоку Березины, сообщает Новгородская 1-я летопись под 1140 г.: «Якуна яша на *Плисе*» (по Синодальному списку), но ср. в Комиссионном списке: «Якуна яша на *Плесе*» [НПЛ, 26, 211].

локализуемого на территории бывшего Которского погоста [НПК, IV, 112, 114], поблизости отмечена с 1498 г. д. *Заплюсье* [НПК, IV, 85], существующая по сей день (значится немного восточнее оз. *Плюсо*, которое позднее стало именоваться так же, как и деревня – *Заплюсье* [Андрияшев, 1913, 145]); по реке получила название д. *Плюса* на границе Хмерского и Которского погостов 1498 г. [НПК, IV, 119, 128, 129; V, 125], сегодня это г. *Плюсса* Псковской обл. Внегородские параллельные топонимы чаще встречаются в Белоруссии: блр. *Плюссы* / *Плюсы* (польск. *Plusy* по спискам XIX в.), село и озеро на границе Витебской обл. и Литвы (причем озеро, по-видимому, называют еще и *Плисса* [Шульгач, 1998, 215]), *Плюс-цэ*, бол. в Малоритском р-не Брестской обл. [МБ, 194], и приблизительно там же, в западном Полесье, д. *Плюсьце*, польск. *Plusna*, *Pluso*, водоемы в Минской губ., кроме того, в Орловской губ. есть р. *Плюсна* / *Плеснец* [Агеева, 1989, 161], р. *Плюсна* и, вероятно, *Плюсеевка* в верхнем и среднем Поочье [Смолицкая, 1976, 57, 168], *Plusin* в Латгалии [Zeps, 1984, 384].

Приведенные факты, хотя и сравнительно скудные, дают основания полагать (вместе с Р. А. Агеевой [1989, 161]), что основа новгородского гидронима *Плюса* (> *Плюсса*) и прочих соответствующих названий родственна основе *ples-* / *plis-* и является одним из ее редких вариантов. Еще более показательно, что гидроним *Плюса* соотносится с омонимичной диалектной лексемой *плюса* в значении, правда, не из гидрографической, а сельскохозяйственной сферы – ‘большой участок луга, поля’: «Где же такую *плюсу* косить» (Клин. Моск., 1910) [СРНГ, 27, 170]. В свою очередь, это слово безусловно связано отношениями семасиологической переходности с распространенными гидрографическими терминами *плес(о)*, *плеса*, блр. *плиса*, обозначающими обыкновенно ‘открытый, широкий, со спокойным течением участок водоема’ и т. п. (см. выше), при этом в русских диалектах есть и слово *плеса* ‘участок, полоса земли’ (новосиб.) [СРНГ, 27, 113], семантически равное моск. *плюса*. Можно, наконец, отметить, что неподалеку от правого берега р. *Плюссы* в ее среднем течении некогда значились д. *Плесна* (известна и сегодня к востоку от г. Гдов Псковской обл.) и д. *Плесенка-Подлипье*, в 1571 г. относившиеся к Щепецкому погосту [НПК, V, 464]. Обращает на себя внимание регулярная мена огласовок *e* / *’у* / *и* не только в перечисленных диал. *плеса* / *плюса* / *плиса*, в названиях *Плесна* / *Плюсна*, *Плеса* / *Плиса*, *Плисса* / *Плюссы*, но и постоянно наблюдаемая в апеллятивах с созвучными корнями среди разных славянских языковых групп. Ср. др.-рус. *плесна* и *плюсна* ‘нижняя часть стопы’, *плескъ* и *плюскъ*, *плюсканье* ‘шум от удара, плеск’, *плескати*, *плюскати* ‘хлопать в ладони; хлопать крыльями’ и *плюскати* ‘плескать, брызгать’, ‘производить шум, чмокать, чавкать’ [СлРЯ XI–XVII, 15, 88, 113], рус. диал. (сиб.) *плёска* ‘жаворонок’ и *плиска* ‘трясогузка’, ‘птица семейства дятловых’, новг. *плеснуть* и *плюснуть* ‘ударить’, *плескать* и смол. *плюскать* ‘плескать’, ‘хлопать в ладоши’ [СРНГ, 27, 114, 116, 139, 171], новг. *плюскаться* ‘мыться’ [НОС, 7, 159] наряду с *плескаться*, болг. *плесна* и *плюсна* ‘хлопаю’, чеш. *pleskati* и *plískati*, *pluskati* ‘шлепать; плескаться’, польск. *pleskot* и *plusk* ‘плеск’, наряду со ст.-слав. *īěpŕěū* ‘шум’ и т. п. [Фасмер, 3, 279, 289].

На фоне собственно славянских апеллятивных и проприальных проявлений вариантной основы *ples-* / *pl'us-* / *plis-* не выглядит убедительным возведение новгородского гидронима *Плюс(с)а* к древнебалтийскому источнику, а именно к лит. *pliūšis, pliūškis* ‘тростник’, сближение этого гидронима с прусскими названиями *Pluszekaym, Pluske*, лит. *Plaušelis, Plaušinė, Plaušmirkis* и др., лтш. *Plaušupe, Plauš-up, Plauš-vals* и др., лтг. *Plaušīnīki* и т. п. [Топоров, 1995, 19; 2001, 18].

Удвоение *сс* в новг. *Плюсса* (как и в блр. *Плюссы, Плисса*, пск. *Плессы*) имеет поздний характер: оно закрепилось сначала на письме в 1-й половине XIX в. в соответствии с орфографическими предпочтениями того времени, сложившимися под влиянием массового наплыва заимствованных слов с удвоенными согласными. Подобным образом появились удвоенные *сс*, к примеру, в ойконимах *Русса, Оссия* на территории Новгородской обл., в повторяющихся названиях д. *Спасс* на территории Псковской и Тверской обл. и в других географических названиях Русского Северо-Запада.

В семантико-этимологический контекст с редкой архаической гидронимией *Псижа*, *Плюсса* входит ***Плиска***, рч. вблизи Новгорода, о которой стало известно только из Отписной книги монастырских и церковных пригородных пожен Великого Новгорода 1535/36 гг.: «Пожня на *Плиске* в Козье броду, от Козья броду вверх по *Плиски* по Речной лес» [ПКНЗ, 1, 323]. Все топонимические параллели локализируются за пределами Новгородской земли: пск. *Плиски / Плиска*, д. в Михайловском стане Великолуцкого уезда, согласно писцовой книге 1625–1627 гг. [Янин, 1998, 171, рис. 9, № 26], с. *Плиски* в Смоленской губ., с. *Плиска* в бывшей Витебской губ. Белоруссии и два одноименных села на севере Украины (Волынь, Черниговщина) [Vasmer, 7, 61, 71], *Плиска* как название четырех рек на Украине в бассейне Днепра [СГУ, 429], *Плиска*, бол. в Любешевском р-не Волынской обл. и поле в окрестностях г. Кобрин, и там же, на Кобринщине, средневековое ур. *Бобовиць плиска* (1563 г.), польск. *Pliskowola*, с. в бывшем Сandomирском повете, др.-серб. *Pliska* [Шульгач, 1998, 214–215], сербохорв. *Pliskopole* на острове Вис [Куркина, 1996, 11–12], ср.-греч. *Πλίςκα* в восточной Болгарии и осложненное суффиксом *-ina* польск. *Pszczyna* в Верхней Силезии (< **Plъščina*) [Фасмер, 3, 397].

По всей вероятности, топонимы *Плиска*, которые спорадически обнаруживаются на востоке, западе и юге Славии, имеют этимологическую связь (в рамках чередования *plesk-* / *plysk-* / *plisk-*) с гидрографическими терминами и топонимами в огласовке *e* (от основы *plesk-*). К ним относятся др.-рус. *плескъ* ‘заводь’: «А въ стержню по Волге и по *плескамъ* ловить имъ <...> всякая красная рыба» (1667 г.) [СлРЯ XI–XVII, 15, 87–88], рус. диал. (новг.) *плёска* ‘озеро, поросшее осокой’ (Дем.) [НОС, 7, 148] и *плеско* ‘плоский песчаный берег’ (Маловишер.) [СРНГ, 27, 115], яросл. ‘пространство реки между ее изгибами; плес’ (Пошех.) [ЯОС, 8, 6], яросл. ‘яма, омут в реке’, *плеск* ворон., урал. (р. Урал) ‘небольшой залив, заводь’ [СРНГ, 27, 114–115], ворон. ‘широкая часть реки с плавным течением, с отлогим берегом, может вдаваться в берег в виде затона’ (то же, что ворон. *плёс, пляс*) [Дьякова, 1973, 146], дон. *плёска, плеска* ‘участок водоема с чис-

той глубокой водой', 'чистое место на озере среди зарослей камыша, осоки' и т. п. [СРДГ, 3, 14; СРНГ, 27, 114], иркут. *плесковатый* 'изобилующий плесами' [СРНГ, 27, 115]⁷. Географические имена на базе апеллятивов *плеск*, *плеско* спорадически проявляются на востоке и на юге славянства; ср. название средневековой пожни *На Плеску* в Бежецкой пятине 1545 г. на востоке Новгородской земли [НПК, VI, 353], равно как вят. *Плеск*, указанное среди названий частей реки, озера, пруда (Котельн.) [СРНГ, 27, 114], южнорус. *Плески*, водоем в бассейне Дона, блр. *Плэска*, именуемое узкое понижение на местности, которое соединяет два водоема (Брестская обл.) [МБ, 193], сербохорв. *Plesko*, с. в Боснии в районе Сараево, *Plesko pri Trbovljah* и производное *Pleščak* в Словении [Bezljaj, 2, 97]. В отличие от данных апеллятивов и топонимов, тополексема *Плиска* показывает корневую гласную на ступени продления редукции (< *plъsk-*), находя аналогию в этом отношении с рассмотренными выше вариантами *ples-* / *plъs-* / *plis-*.

Вместе с тем Л. В. Куркина [1996, 12] обратила внимание на почти полное совпадение гидрографической семантики лексем *плеск(о)* и *плес(о)*, которые связаны отношением вариантности исхода *sk* : *s*; ср. семантически близкие польск. *plesk* наряду с устар. *ples* 'рана, рубец от удара', рус. диал. *плеск* 'брызги' и *плёсы* 'волны'⁸. По мнению Л. В. Куркиной, богатство семантики *плес(о)* определяется, вопреки Фасмеру, не признаком широты водной поверхности, а скорее признаком гладкой, ровной, плоской поверхности (применительно к воде или суше). Основа *plesk-*, морфонологически соотносимая с *plosk-* (ср. *плоский*), в свою очередь, может указывать не только на водоемы, но и на местности с плоским рельефом. Эти наблюдения можно привлечь в том числе для семантико-этимологического отождествления *plis-* и *plisk-* в качестве вариантов общей основы, показывающих архаическую и редкую огласовку (< *plъs-* / *plъsk-* в ступени удлинения), проявляющихся главным образом в сфере ономастики; ср., впрочем, еще укр. диал. *плисковатый* 'плоский', *плиском* 'навзничь, плашмя' [Грінченко, 3, 195].

Наряду с топонимом *Плиска* есть формально идентичные с ним антропонимы: украинское прозвище *Плиска* 1767 г., современная фамилия *Пліска*, отмеченная в Ровенской обл. [Шульгач, 1998, 215], белорусское прозвище *Пліска* [Бірыла, 1969, 327], др.-польск. *Pliska* 1411 г. [SSNO, 4, 288]. От подобных антропонимов могут образовываться географические названия: новг. *Плишкино*, д. Павского погоста

⁷ Перечисленную терминологию можно дополнить приставочными образованиями, по-видимому, вторично сближенными с глаголами *заплескать*, *заплескивать*: др.-рус. *заплескъ* 'прибрежная полоса, заплескиваемая волнами' [СлРЯ XI–XVII, 5, 268], рус. диал. (костром.) *заплеск*, *заплесок* [Новичихин, 1993, 170], ср.-урал. *заплёсок* 'низкий берег, заливаемый волнами' [СРГСУ, 1, 181], перм. *заплёски* 'то же' [Полякова, 1988], арх. *заплёсок* 'закрываемая проливом часть берега' и т. п. [подробнее см. в: СРНГ, 10, 326]; сюда же укр. (полес.) *віплесок*, которое наряду с *плесо*, *плёсо* обозначает 'глухой непроточный рукав реки' [Никончук, 1979, 38] (если только эта последняя форма получена не от *плесо* с суффиксом *-ок*).

⁸ К данным фактам добавляется и новг. *заплес* 'место, до которого доходит вода во время половодья' (Новгородский р-н) [НОС, 3, 59], семантически соответствующее слову *заплеск* во многих русских говорах.

Шелонской пятины 1498 г. [НПК, IV, 84], от прозвища *Плишка*, отмеченного на Руси в 1425, 1510, 1585 гг. [Веселовский, 1974, 247]. Все такого рода прозвищные номинации людей мотивированы обозначением птиц: обычно трясогузки, реже вертишейки, каменки, синицы, зяблика, чижа и др.; ср. рус., укр. *плиска*, *плистка*, *блиска*, *плисочка*, *плишка*, блр. *пліска*, *плісіца*, чеш., словац. *pliska*, польск. *pliszka*, *pliska* 'трясогузка', и т. п. [см.: СРНГ, 27, 139, 143; НОС, 7, 154; Касьп. ВКС, 244; Фасмер, 3, 283; и др.].

В свою очередь, к архаическим топонимическим продолжениям основы *plysk-* принадлежит *Пскова*, которое в регионе Новгородской земли локализуется в нескольких местах. Одно такое название прикреплено к маленькой речке-протоке в дельте Ловати, впадающей в Ильмень [Сп. рек, оз. и вдхр. Новг. обл.] (варианты – *Псковёнка*, *Скобёнка*, даны на плане Вяздовского погоста, составленном С. З. Черновым [1985]). Первое упоминание водоема – в писцовых книгах Шелонской пятины при описании Вяздовского погоста 1-й половины XVI в.: «за *Псковою-жъ* рекою противъ речке Подборовке»; «по *Пскове* реке и въ Подборовку»; «межь *Псковы* реке» [НПК, V, 328, 329]. Списки селений 2-й половины XIX в. указывают в Холмском уезде Псковской губ. д. *Пскова* при рч. Кошанке Захоломско-Столопенской волости [СНМРИ, 34, № 15207]; деревня получила название от имени смежного водотока в среднем течении Ловати. Кроме того, писцовая книга 1571 г. на территории Быстреевского погоста Шелонской пятины, на границе с исторической Псковской землей, отмечает д. *Пьскова*, «да подъ тою-жъ деревнею озерко *Пьскова* на полверсты вдоль, а поперекъ то-жъ, рыба въ немъ плотица да ерши» [НПК, V, 476]. Два последних названия являются элементами более разветвленной топонимической микросистемы: из оз. *Пскова* (а точнее все же – *Псково*, согласованное по слову *озеро*) берет начало р. *Пскова*, правый пр. Великой, с притоками *Псковица* и *Псковяны* [Шанько, 1929, 10, 12]; по р. *Пскове* получил название г. *Псков*, а по городу – *Псковская земля*, оз. *Псковское* (или оз. *Псково*, более ранний вариант, представленный в [КБЧ, 154]), и т. п.

Очевидно, сравнительно поздним переносом названия г. *Псков*, крупного и значимого территориального центра, лучше всего объяснить появление в XVII в. новгородского ойконима *Псковец*, прикрепленного к средневековому селу-рядку на правом берегу р. Мсты вблизи г. Боровичи. Впервые об этом селе свидетельствует акт 1653 г., в котором указан пункт *Псковце* среди других рядков, пожалованных Иверскому монастырю. В царской жалованной грамоте 1654 г. даны более подробные сведения: «...Жалуемъ (Иверский монастырь. – В. В.) <...> противъ Великопорожского рядку, за Мстою за рекою, рядкомъ *Псковцемъ*...». Далее в той же грамоте: «А въ рядке въ *Скопце*, что противъ Великопорожского ряду, за Мстою рекою, на Бежецкой стороне <...> пашни и сенныхъ покосовъ нетъ и рыбных ловель нет, обошли около техъ рядковъ земли розныхъ помещиковъ» [АИСМ, гр. № 29, 51, 54, 116, 118]. Писцовые книги дворцовых земель Деревской пятины описывают данную местность «противъ Великопорожского ряду» под 1495 (1496) г., сообщая о непашенных людях «на Великом порозе противу Николы на правой стороне реки Мсты

в Бежицкой пятине», но ойконима *Псковец* не отмечают [ПКНЗ, 1, 57, 60]: очевидно, в ту эпоху этот рядок особого названия еще не носил и причислялся к Великопорожскому ряду. Выделившись в отдельный пункт сравнительно поздно, рядок *Псковец*, тем не менее, к концу XVIII в. уже запустел. Материалы екатерининского генерального межевания 1785 г. указывают вместо селения «пустошь *Рядок Пскопца*, экономического ведомства, что прежде были Иверского монастыря крестьян, на правом берегу реки Мсты и по обе стороны дороги в город Вышний Волочек» (№ 464); эти сведения о пустоши *Рядок Пскопца* повторены позднее в МОЗУ 1914 г., а в 1970-е гг. на месте пустоши находилась пашня (из рукописных материалов К. В. Гарновского [Карт. Гарн.]).

Социально значимое название г. *Псков* (по др.-рус. документации *Пльсковъ*, *Плесковъ*, *Пьсковъ*, *Пъсковъ*, откуда *плсковичи*, *плесковичи*, жители города, лтш. *Pliskava*, нем. *Pleskau*, но эст. *Pihkva*, фин. *Pihkava* и т. п.) не имеет недостатка в этимологиях. Его признавали семантически неясным или считали прибалтийско-финским (возводили к эст. *pihk* ‘липкая масса’, ливск. *piisk* ‘смола’ [Попов, 1981, 72]), древнегерманским (из **Fiskahva* ‘рыбная река’ [Sabler, 1914, 817]), славянским, сопоставляя с *песок*, *плескать*, *плесо*, *плескъ* ‘маленький плес’ [см.: Фасмер, 3, 397–398; Никонов, 1966, 344; Преображенский, 2, 146; Нерознак, 1983, 142–144]. Обоснованное решение предложено Л. В. Куркиной [1996, 10–12], которая сравнивает название г. *Псков* (и, соответственно, название р. *Пскова* в бассейне Великой) с апеллятивами *плеск*, *плеско* и с топонимами *Плесков*, г. в старой Болгарии к северу от Преслава, ср.-греч. *Πλίσκοβα*, *Πλίσκα*, *Πλίσκοῦβα* в восточной Болгарии, сербохорв. *Pliskovo*, именующим селения в Далмации; к этому ряду параллелей нужно добавить укр. *Плискава*, название источника у с. Шельвив Локачинского р-на Волынской обл. [Шульгач, 1988, 214], словен. *Pliskovica* [Imenik, 1956, 336]. В. А. Никонов пишет еще о существовании некоего пункта *Плесков* близ Галича, в северном Заволжье, хотя не исключает перенос туда готового названия города Пскова [Никонов, 1966, 344].

Относительно *Пскова*, *Псково* (< **Пльскова* / **Пльсково*) и т. п. наиболее убедительной представляется версия, согласно которой эти топонимические архаизмы на Русском Северо-Западе и их параллели в иных славянских регионах родственны проанализированным названиям *Плиска*, *Плеско*, апеллятивам *плескъ*, *плеска* и др., будучи образованиями от общей основы *plesk-* / *plbšk-* / *plisk-*. В плане деривации гидронимы *Пскова*, р., *Псково*, оз. – прилагательные, образованные при помощи суффикса *-ov-*, причем наличие согласованной формы производного ойконима (*Псков* город) лишний раз доказывает изначально отадъективный характер этих дериватов. С основой *plisk-* сочетается наряду с суффиксом *-ov-* вариантный суффикс *-av-*, причем не только в ономастике (укр. *Плискава*), но и в апеллятивной лексике, ср., например, словен. диал. *pliskavica* ‘трясогузка’ при наличии *pliska* ‘то же’. Что касается фонетического преобразования первичной формы гидронимов **Пльскова* в *Пскова* (как и ойконима *Пльсковъ* > *Псков*) на Русском Северо-Западе, то оно осуществилось в результате дизрезы *л’* между шумными после

исчезновения слабой редуцированной; ср. аналогии в польск. *Pszczyna* (< **Plъščina*), новг. *Псижа*.

Исходно-этимологический смысл водных названий *Пскова*, *Псково*, как и названия *Плиска*, вряд ли выходит за пределы того семантического поля, которое манифестировано диалектными гидрографическими терминами *плеск*, *плеска*, *плеско*, а также семантически сходными с ними диал. *плес*, *плесо*, *плеса*, *плесяна* и т. п. (см. их значения выше).

В более отдаленной этимологической ретроспективе к кругу данной терминологии и топонимии принадлежат новгородские гидрографические термины-эндемики, зафиксированные в южных окрестностях оз. Ильмень в пределах лишь Старорусского и Волотовского р-нов Новгородской обл. Таковы *плюха* ‘заводь, преимущественно с застойной водой’ (Большой Ужин, Взвэд, Старорусский р-н; там же, близ Взвада, фиксируется *Васькина плюха*, название заводи), *плюшка* ‘то же’ (Ручьи, Волотовский р-н), *плюшина* ‘болотистое место с зарослями мелкокося’ (Славитино, Волотовский р-н) [Строгова, 1991, 95–96; НОС, 7, 160]. Народные сравнения *плюхи* с *плесом*, прослеживаемые по иллюстративному материалу словаря, подчеркивают их семантическое пересечение: «*Плѣсо* в реки – чистое место, а *плюха* – заводь, вроде ляжины» и, с другой стороны – «*Плюшка* у реки, *плюшка* – *плѣсо* у реки» [НОС, 7, 160]. Новг. *плюха*, являющееся дериватом диалектного глагола *плюхать* ‘лить, проливать; плескаться’ (Пск., Осташ. Твер.) [СРНГ, 27, 172], отражает экспрессивный вариант основы *pl’usk-*, соотносимый с *plesk-* / *plysk-* / *plisk-*; ср. чеш. *pluskati* ‘плескаться’, польск. *plusk* ‘плеск’, *pluskać* ‘плескаться’, серб. *плюскати* ‘то же’, наряду с рус. диал. *плющать* ‘плескаться, брызгать’, от которого производно ворон. *плюща* ‘лужа’ [Там же, 173] (деривационно и семантически наиболее близкое к новг. *плюха*). Экспрессивное изменение *sk* > *x* в слав. **pliskati* / **plixati* рассматривалось в работе Ж. Ж. Варбот [1980, 29–31]. Встречается изменение и *ples-* > *plex-*, ср. блр. диал. *плех* – то же, что *плѣсо* ‘место на поле, где вымокают посевы’ [СГПЗБ, 4, 11].

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

АИСМ – Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные Архимандритом Леонидом // Русская историческая библиотека, изд. Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1878.

Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятнина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Вып. 1. Списки селений; Вып. 2. Карты погостов. СПб., 1913–1914.

Анкудинов И. Ю. Историко-географический комментарий к новгородской берестяной грамоте № 390 // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. 10. М., 2000.

- Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.
- Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII // Этимология. 1978. М., 1980.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Грінченко Б. Д.* Словник української мови. Т. 1–4. Київ, 1907–1909.
- Дьякова В. И.* Географическая терминология Воронежской области: Дис. ... канд. филол. наук. Приложение (Словарь воронежских географических терминов). Воронеж, 1973.
- Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
- ЗА – полевые записи автора 1998 г.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Карт. Гарн. – Картотека топонимов Боровичского уезда Новгородской губернии, составленная К. В. Гарновским (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ).
- Касп. ВКС – *Касьяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.
- КБЧ – Книга Большому Чертежу / Под. ред. К. Н. Сербиной. М., 1950.
- Куркина Л. В.* Слав. *plęsati* // Славяноведение. 1996. № 1.
- МБ – Мікратапанімія Беларусі. (Матэрыялы) / Под рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1974.
- МОЗУ – Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Новгород, 1914.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1–2. М., 1999.
- Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь: Около 4 000 названий. М., 1966.
- Никончук М. В.* Матеріали до Лексичного атласу української мови: Правобережне Полісся (Словник). Київ, 1979.
- Новичихин В. И.* Географическая терминология в говорах Костромской области: Дис. ... канд. филол. наук. Приложение. (Словарь костромских географических терминов). М., 1993.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995; Вып. 13. Вел. Новгород, 2000.
- НПК – Новгородские писцовые книги, изд. императорской Археограф. комиссией. Т. I–VI. 1859–1910.
- НПК. Указ. ГН – Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам (I–VI). Имена географические. Пг., 1915.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1–5. М., 1999–2004.
- Полякова Е. Н.* От «араины» до «яра»: Русская географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.
- Попов А. И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Вып. 1–14. М., 1910–1918.
- СППЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі та яе пагранічча. Т. 1–4. Мінск, 1979–1984.
- СГУ – Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–... . Вып. 1–... .
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- СНМНГ – Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. 1–8. Новгород, 1907–1912.
- СНМРИ – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 34. Псковская

- губерния. СПб., 1885; Т. 37. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1864; Т. 43. Тверская губерния. СПб., 1862.
- Сп. рек, оз. и вдхр. Новг. обл. – Приложение к распоряжению облисполкома от 22.08.89 г. «Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохранных зон до 2000 года».
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Вып. 1–7. Свердловск, 1964–1988.
- СРДГ – Словарь русских донских говоров. Т. 1–3. Ростов н/Д., 1976.
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. Т. 1–3. М., 1989.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. 2-е изд., испр. / Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л., 2002–... . Вып. 1–... .
- Строгова В. П. Как говорят в Новгородском крае. Новгород, 1991.
- Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.
- Топоров В. Н. О северо-западном локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам древней Балтии») // *Res Balticae*. 1. Pisa, 1995.
- Топоров В. Н. К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике (по материалам XIII–XV веков) // *Res Balticae*. 7. Pisa, 2001.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трубачов О. М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // *Мовознавство*. 1971. № 6.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- Чернов С. З. Историческая география Вяздовского погоста // *Генезис и развитие феодализма в России*. Л., 1985. С. 104–112.
- Чумакова Ю. П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992.
- Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
- Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ, 1998.
- Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
- ЯОС – Ярославский областной словарь: Учеб. пос. / Науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Bezljaj F. Slovenska vodna jmena. T. I–IV. Ljubljana, 1976–1982.
- Imenik – Imenik mesta. Pragled svih mesta i opština, narodnih odvora srezova i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956.
- Sabler G. V. Der Ursprung der Namen Pskov, Gdov etc. // *Изв. Императорской Акад. наук*. VI сер. № 12. Пг., 1914.
- SSNO – Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. i ze wstęp. W. Taszyckiego. T. 1–7. Wrocław etc., 1965–1985.
- Vasmer – Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Bd. 1–10. Wiesbaden, 1962–1980.
- Zeps V. The Placenames of Latgola. A Dictionary of East Latvian Toponyms. Madison, Wisconsin, 1984.

* * *

Валерий Леонидович Васильев – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Новгородского государственного университета.

А. К. Шапошников

ДРЕВНЕЙШАЯ ОНОМАСТИКА ТАВРИЧЕСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Боспор Киммерийский (европейская часть)

This work is dedicated to the problem of the oldest onomastics of Taurica peninsula and includes entire etymological analysis of local place names found in a given historical and cultural region of Bosporus Cimmericus. It is followed by ethnological and cultural interpretation. Dealing with old place and personal names the author makes linguistic attribution, gives probable etymology (where it seems to be necessary) to many local place- and personal names, examines relations between linguistic signs (names), their meanings, designates and society, which created those names. As a result of this study there appears a clear picture of migration and settlement of different ethnic groups in the Bosporus Cimmericus from the II millennium BC to the middle of the I millennium AD.

Значительный интерес для сравнительно-исторического и ареального индоевропейского языкознания представляют собой древние местные названия Боспора Киммерийского (см. рис. 1), имеющие ближайшие соответствия во фракийских языковых реликтах, в балтийских и славянских языках. Некоторые из них толкуются с опорой на скифо-греческие глоссы.

1. Языковые реликты фракийского вида в Северном Причерноморье замечены давно (см. публикации Д. Дечева, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, В. П. Шмида, Г. Шрамма, В. П. Яйленко). По нашим данным, сейчас количество языковых реликтов раннего балто-славянского (фракийского) облика в Северном Причерноморье превышает 300 единиц разной степени вероятности. В различных изданиях и публикациях приводятся примеры фракийских топонимов, гидронимов, этнонимов с Боспора Киммерийского; рассмотрим их подробнее.

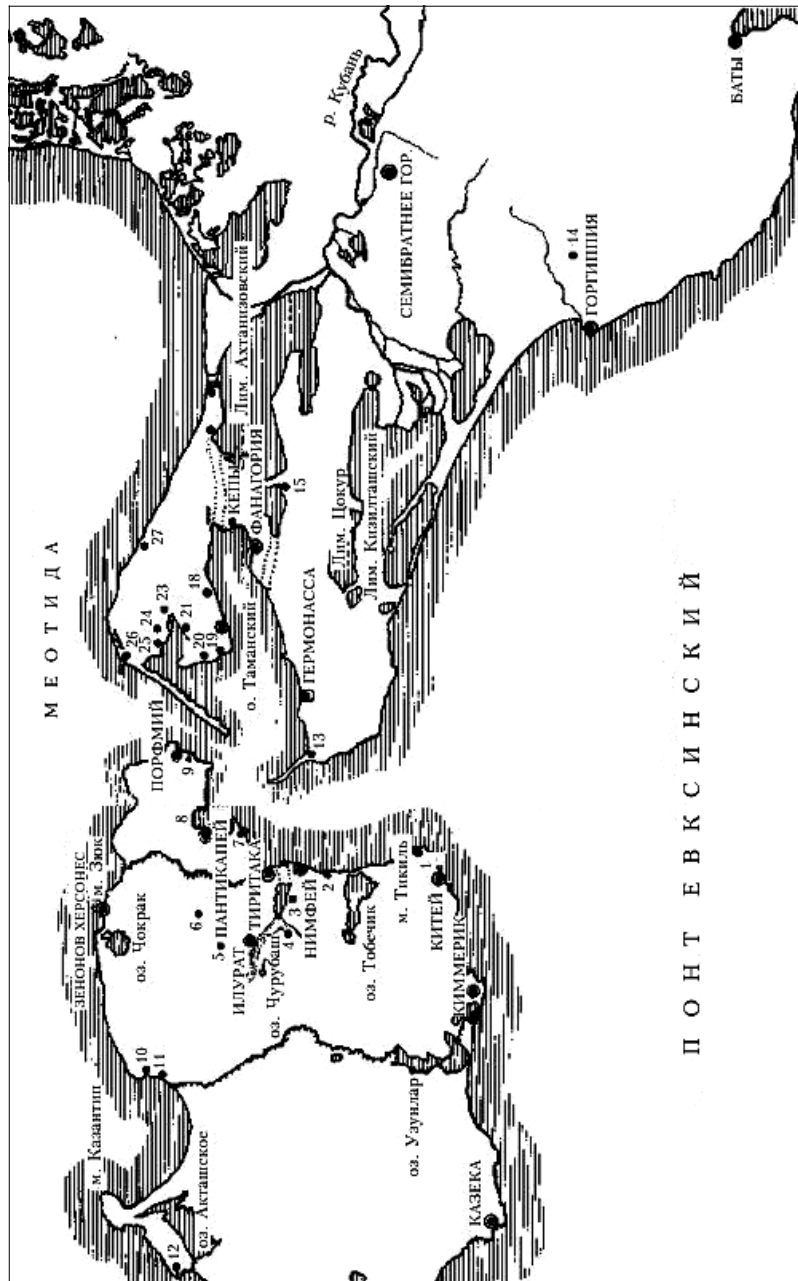

Рис. 1. Карта Боспора (Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992).

1	1 – Акра	6 – «Андреевка»	11 – «Ново-Отрадное»	16 – Тирамба	20 – Предполагаемая крепость	25 – «Батарейка I»
2	2 – «Героевка»	7 – «Ак-Бурун»	12 – «Семеновка»	17 – «За Родину»	21 – «Каменная Батарейка»	26 – «Ильинское»
3	3 – «Чурубаш»	8 – Мирский	13 – Корокондама	(рез. Хрисалиска)	22 – «Зaporожская»	27 – «Кучугуры»
4	4 – «Приозерное»	9 – «Опасное»	14 – «Рассвет»	18 – «Тараская»	23 – «Красноармейское»	
5	5 – «Ташуново»	10 – «Золотое»	15 – «Водопроводное»	19 – Пагрей	24 – «Батарейка II»	

Город в степной Таврике *Бойон* «бычий» – *Boiwn* [Ptol.], ныне античное городище близ с. Горностаевка, ср. скифский город *Boaulia* «Бычье подворье». Реконструируется как киммер. или скиф. **boçiom* «бычий», восходящее к и.-е. **g^uoçiom* «бычий, коровий», производному от и.-е. **g^uous* «бык, корова», ср. иллир. *Boion oroj* – гора в области Лихнотида, племена *Boioi*, *Boii* в Лихнотиде и в Богемии; лат. *Bovium* «Бычий» и главный город племени петов в Самнии *Bovianum* (ныне *Bojano*), др.-ирл. *bó* «корова». Этот топоним, впрочем, может быть наследием киммерийской эпохи (иллиризм?).

Город на Боспоре Киммерийском *Дия* – *Dia*, *Dia* – реконструируется как **diujā-* «божественная», и.-е. **diujos* «божественный, относящийся к свету»; ср. др.-рус. *äëâú*, *äëâà*, др.-греч. *dioj*, лат. *divus* «божественный» (< **diuos*) [Detschew, 1976, 129–131].

Топоним *Дуранте*, считавшийся поздним итальянским названием XIX в., оказался значительно более старым. Анонимный морской атлас из лаборатории Хуана Мартинеса второй половины XVI в., при составлении которого была небрежно использована еще более старая карта Черного моря XIV – первой половины XV в., отчетливо обозначил между значительными портами *Vospro* (Керчь) и *Cafe* (Феодосия) рядовой порт *Gorande* (возможно *Gorande*, *Gorande* или *Dorande*). Повидимому, древний топоним имел либо палатализованный начальный звук [d'orande], либо даже аффрикату [dʒorande]. Озвончение стечения согласных *-nd-* можно счесть влиянием среднегреческого и реконструировать первичную форму **zorantai*. Общий вид топонима относит его к похожим названиям разного происхождения типа *Coracanda*, *Girizona*, *Oreanda*. Но морфологическое членение не ясно – *džoran-de* или *džor-ande*? В последнем случае имеем древний гидроним, аналогичный палеобалканскому гидрониму *Tiarantos* – из и.-е. **iēr-ont-*, соотносительного с и.-е. **toros* «звук воды», ср. лат. *torrens*, *-entis* «стремительный, kloкочущий, бурливый, бурный поток», др.-инд. *tarantah* «море»; итал. *Taravus*, *Tarentum*; шотл. *Trent*; по внешнему облику гидроним весьма напоминает хеттские прилагательные и причастия общего рода с суф. *-ant-* [Шацков, 2005, 104–129].

Илурат: *Ἰλουράτον* [Ptol.] «место, изобилующее змеями», ныне городище близ пос. Ивановка – из и.-е. диал. **ilur-ot(h)-om* «место, изобилующее змеями», где и.-е. **wiwlos* «гнутой, свернутой, изгибистой, изогнутой»; ср. др.-греч. *illojstrebloj diestrammenoj illuroj* «змея, змей», *Illurioi*;

Капей, *Капея* «каменистый, богатый известняком» или «рог»: г. CAREON [Iord., 32; Rav. Anon., IV, 3], г. כרמ [Joseph], ΕΡΙ ΚΑΡΕΑΝ ΠΟΛΙΝ (Лаоник Халкондил XV в). Этот топоним можно, конечно, рассматривать как результат неправильного прочтения древними переписчиками ущербных написаний либо в каком-то греческом перипле ([PANTI]KAREON с особым «диалектным» графическим вариантом буквы «пи» типа *P* и народно-греческим стяжением дифтонга *AI > E*), либо в каком-то позднеримском географическом трактате ([PANTI]CAP[A]EON) или в гипотетической римской карте Марка Випсания Агриппы (CA[SAE]REON) [Подосинов, 1997, 155–171]. Все эти допущения, исправления, подправки не дают ответа на вопрос о причине сохранения данного топонима в средневековых источ-

никах типа еврейско-хазарской переписки или отчетливого написания ΕΠΙ ΤΟΝ ΒΟΣΠΟΡΟΝ ΕΠΙ ΚΑΡΕΑΝ ΠΟΛΙΝ ΚΑΙ ΕΙΣ ΜΑΙΩΤΙΔΑ ΚΑΛΟΥΜΕΝΗΝ ΛΙΜΝΗΝ ΑΠΑΓΟΝΤΕΣ у Лаоника Халкондила, писателя XV в. Этот топоним можно сопоставить с *Καροία κώμη* – село к западу от устья Танаиса [Ptol.; P.-B., I, 626–629]. Данное сопоставление хорошо объясняет еврейско-хазарскую форму. Равно вероятны этимология *Καροία κώμη*, *Καρέα*, *Careon* из и.-е. **kr-/ker-/kor-* ‘рог’ на базе отождествления *Καροία* с *Таганрог* (добавим тюрк. *Миус*, *Кальмиус* – ‘рог’) [Tomaschek, 1881, 49] и этимология на основе глоссы *κάρκαροι τραχεῖς* [Hesych.] при *Τραχεῖα Χερσόνησος* – Керченский п-ов [Herod.] и др.-инд. *karkara* ‘твердый, крепкий’, ‘жесткий, черствый’, ‘трудный’ и ‘кость’, ‘молоток’, ‘камень, известняк’ [Mayrhofer, I, 170; Трубачев, 1999, 246–247]. Лучше исходить из и.-е. диал. **kar-* ‘твердый, крепкий, жесткий, суровый, трудный’ [Pokorny, II, 531–532]. Ср. античный топоним *Καρροδουνον* «Каменный город» (Каменецк Подольский?), кельт. **carr-* ‘камень, скала’, др.-ирл. *carrack* ‘скала’, др.-инд. *kar-kar-a* ‘камень’, продолжающие и.-е. **kar-* ‘твердый, крепкий, жесткий, суровый, трудный’. Недостаток первой этимологии – отсутствие ясного словообразовательного аналога (**koronija*, **korenom*). Недостаток второй – редупликация корня в др.-инд., в свободном виде не употребляемого. Наконец, обратим внимание на античную глоссу *καρариε οι Σκυθικοι οικoi*. Собственно скифское слово *kararues* ‘дома’ (ср. др.-инд. *kar-* ‘делать, изготавливать, производить’) едва ли правомерно исправлять в угоду осет. *hædzar*, *hædzærtæ* ‘дом, дома’, как делал В. И. Абаев в [ИЭСОЯ, IV, 193].

Порт *Каркамоньи* – *carcatō* [Портоланы, LIV, LV], *carcatogni* [Там же, LVIII, LXV, LXII], *charcatogni* [Там же, LX], *canchatogni* [Там же, LXIII], *carcauogni* [Там же, LXIV, LXV], *carcabogni* [Там же, XXVII], *carcauo(gni)* [Там же, LXVIII] – изображается на средневековых портоланах (см. один из них на рис. 2) после Казантипского мыса. Этот топоним предположительно имеет индоевропейскую этимологию – сложение и.-е. **kar-* ‘твердый, крепкий, жесткий, суровый, трудный’ [Pokorny, II, 531–532] и **akmēn-*, **ākmōn-*, **kāmōn*, **kāmōn* ‘камень’, ср. лит. *актио* ‘камень’, праслав. **kamy*, **kamene* [ЭССЯ, 9, 137–140]. В таком случае татарский топоним *Акташ* (ныне Семеновка) является осознанной калькой. Если предлагаемая этимология верна, то данный топоним – уникальное свидетельство собственно скифского языка.

Город *Керберий* на Боспоре Киммерийском – *Cerberion*, *Κερβερία*, возможно, еще *Κυβερικόν* – городок в 40 милях к востоку от Кафы [DAI, 53, 224], «(город) бессильных, обессиленных»: вероятно толкование на основе скифской глоссы *kerberioi asgeneij* ‘бессильные, обессиленные’. Из и.-е. **kerberos*, **k'erberos* ‘пятнистый, пегий’ [Pokorny, II, 578]. Местоположение Киверника не уточнено, возможно, между поворотами на Ленино и на Новониколаевку по шоссе Феодосия – Керчь.

Город *Керчь*: первая внятная форма топонима имеется в Тмутараканской надписи 1068 г.: въ лѣто .S. Ѡ .S. инді .S. глѣвѣ князь мѣрилъ м[.] по ледѣ ѿ тѣмѣторокана до кърчева .і. и д. саже[.]. Форма топонима *Кърчевъ* безосновательно считается прилагательным к *Кърчь* [Подосинов, 1997, 156]. Свидетельства арабской книжности невняты по причине ущербности консонантного

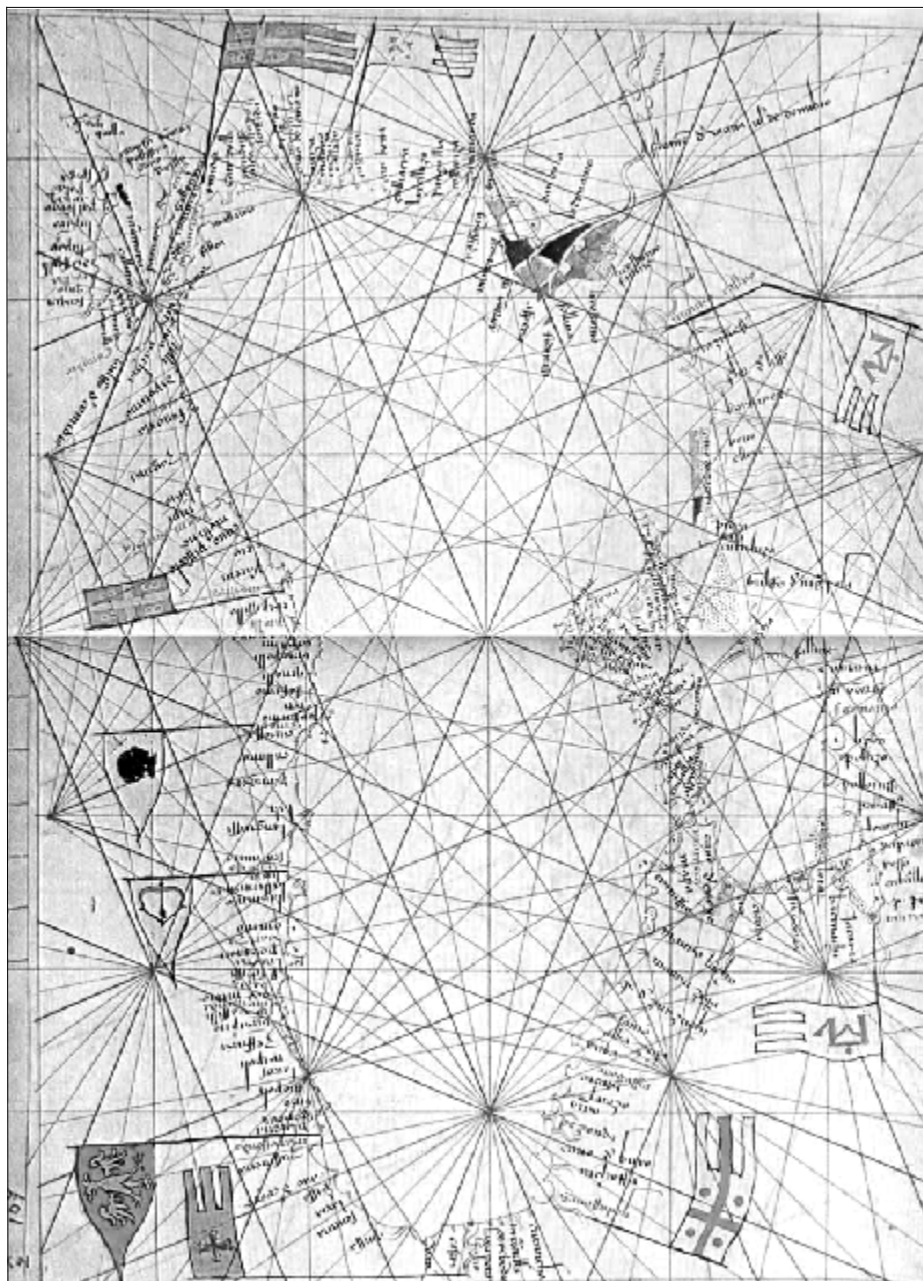

Рис. 2. Портолан = Almagia R. Monumenta Cartographica Vaticana, I Città del Vaticano, 1944. P. 17–19:
 LIV = Cod. pal. lat. 1362a, f. 2v–3r, LV = Cod. vat. lat. 2972, f. 107r.

письма. Скорее всего, уже Ибн-Русте (X в.) в сообщении о мадьярах, которые торговали славянами-пленниками в городе Крх (كرخ можно читать и «кердж», так как арабские буквы «джим» ج, «ха» ح и «ха» خ отличаются лишь диакритическими знаками, нередко упускаемыми переписчиками), упоминает Керчь, а не Укрух. Определенное свидетельство Абу-л-Фиды (1273–1331): «город, лежащий у входа в этот канал на западном берегу, называемый ал-Крш» (варианты الكرش [ал-керш], الكرج [ал-кердж], الكرز [ал-керз]). С последней четверти XVIII в. топоним имел вид *Керчь*: *Kercz* [Santini, 1777].

Убедительной тюркской этимологии топонима *Керчь* не существует. Остроумная этимология из тохар. *kerčiye* ‘дворец’ (однокоренное с рус. *город*), имеющая удовлетворительное семантическое обоснование (*Керчь* долгое время был столичным городом, резиденцией царя еще в VIII в.!), оставляет несколько нерешенных проблем: в какой языковой среде произошла словообразовательная адаптация, а главное, какой язык-посредник (аланский, сакский, древнетюркский, хазарский) принес это слово из Таримского региона на Боспор? Славянская этимология на базе сущ. *кърчин* ‘кузнец’ [Абаев, 1959, 99] может быть принята только как народное переосмысление древними русичами неясного названия и оставляет нерешенной проблему словообразования. Имеющая право на существование этимология Б. Унбегауна на базе вост.-слав. и праслав. **kъrčevati* (ср. **kъrčevina*, **kъrčevišče*, **kъrčevъje* ‘выкорчеванный лес, раскорчеванная земля, место, заросшее кустарником’ [ЭССЯ, 13, 209]) хорошо объясняет др.-рус. *Кърчевъ*, но непригодна для толкования формы *Керчь*. Этимология А. И. Соболевского на базе праслав. **kъrkъ* ‘шея, горло’ [Соболевский, 1921, 26, 39], поддержанная в свое время О. Н. Трубачевым [1986, 226], оставляет без ответа вопрос, в какой языковой среде **kъrkъ* превратилось в *Керчь*, а не в *Корчь*? (а ведь это самое вероятное словообразовательное переоформление на славянской почве). К тому же в славянских языках скудно представлено производное на -ъ от **kъrkъ* ‘шея, горло’. В смысловом отношении идея Соболевского и Трубачева имеет поддержку в разноязычной традиции именовать Керченский пролив горловиной, ср.: античные топонимы на восточном берегу пролива *Кораканда* – *Corakanda* и *Корокондама* – *Κοροκονδάμη*, словосложения (*korokon-dāmā[n]*-, *korakan-dā*- «вдающая воды в горловину пролива», где *dāmā[n]*-, *dā*- ‘a giver, donor to smth’) от туземных диалектных вариантов **kṛkan-* (*korakan-*, *korokon-*), соотносительных с галльск. *cricon* ‘горло’ (V в.) [Marc. Empir.]; др.-инд. *kṛikaṇa-* ‘*perdrix sylvatica*’, местное название (Панини), букв. «having a throat, larynx», восходящее к *kṛika-* ‘larynx, throat’ [Monier-Williams, 1964, 304]; топоним на восточной стороне пролива Укрух *Οὐκρουχ*, который ближе к осет. *хурх* ‘гортань, дыхательное горло’, чем к праслав. **kъrxъ* ‘левый, по левую руку’; *Таматарха* – если из тюрк. *тамах* ‘горло, глотка, гортань’, ‘устье, проток, протока реки’ и *тархан* ‘администратор с судебными функциями’. Примечательно, что туземный слоговой -r- давал соседние гласные заднего ряда (-oro-, -ora-), т. е. был подобен праславянскому слоговому -r- в **kъrkъ* в отличие от галльского и древнеиндийского аналогов. На данной этимологии, пожалуй, можно остановиться. Топоним *Керчь* является заимствованием татарского диалектного варианта *Керч*,

Кёрч (ср. *мене* и *тёне*), в свою очередь, заимствованного татарами у туземцев названия *Корч*, которое продолжает позднее скиф. диал. **krč-/korač-/koroč-*, результат словообразовательного переоформления флексией *-i* первичного **krk-/korok-/korak-*, засвидетельствованного в античной ономастике Боспора (*Corac-an-da*).

Город *Кума*, *Кумы*, *Кумей* – *Cytae* [Mela; Plin.], *Κύτα* [Arrian.], *Κύταλον* [Ptol.], *Κύτας πόλις, εἰς Κύτας πόλιν, τὴν πρῶην λεγομένην Κυδεάκοι, μέχρι Κυτῶν Σκύθαι κατοικοῦσιν, ἀπὸ δὲ Κυτῶν εἰς Κιμμερικὸν πόλιν* [Anon.], предположительно отождествляемый с античным городищем IV в. до н. э. – IV в. н. э. у пос. Заветное. Формальное толкование из др.-греч. *τὸ κύτος, κύτεος* ‘выпуклость’ неубедительно. Толкование из др.-инд. *koṭa* ‘крепость, городище’ [Трубачев, 1999, 252] вероятно, но необязательно. Более убедительно толкование из раннепраслав. **kūta, *kūtajom* ‘плетеные земляные укрепления’ [Шапошников, 2005а, 432–440], ср. праслав. **kyta, *kytajь* [ЭССЯ, 13, 279–280].

Четвертый порт после Воспро на средневековых портоланах именуется *Конестаз* – *conestax* (LIV), *ς.νεστάξι* (LV), *coneſtāxe* (LX, LXII, XIV), *conontaxi* (LXV), возможно, из ср.-греч. *τὸ εἰκονοστάσι[ον]* ‘иконостас’, но предпочтительнее выводить из древнерусского словосложения **коностьзѧ, *конѣстьзѧ* ‘конная тропа’, ср. др.-рус. *конь, коновѧзь, коневѧлъ*, праслав. **konoderь, *konokradь, *konopasь, *kono/ѣторь, *konovaь, *kono/ѣvodь* [ЭССЯ, 10, 187, 193–194, 197–198], ст.-слав. *стьзѧ, τρίβους*, др.-рус. *стьзѧ* ‘тропа’, сербохорв. *стѧза* ‘пешеходная дорога’ [Фасмер, III, 752], особенно в связи с этимологией античного топонима в сопредельной области *Ποστυῖα* [Ptol.] «по стезе» [Шапошников, 2000, 192–199].

Город *Макара*, *Махара*, *Махаре*, племя *Макоры*, *Махары*: город *Macara, Machara, Machare* [Rav. anon.] (вероятно, пос. им. Войкова), племя *Makores, Machares*. Возможно толкование топонима из скиф. **makara* ‘болотистое, мокрое место’, продолжения и.-е. диал. **makaros* ‘мокрый’, производного с суфф. *-ar-* от корня **māk-*, **māk-* [Рокотну, I, 689], ср. праслав. **mokръ(jь)*, лтш. *Makari*, лит. (местное название) *Makarai*, лит. *mākaras* ‘подвижный, бойкий человек; непоседа’ [Топоров, 2006, 87 и след.]. Но нельзя исключить возможность образования местного названия и населения от антропонима *Μαχαρης* (один из сыновей Митридата). Наконец, вероятна и тотемическая природа этнонима *Macarhmoi, Makorej*, ср. др.-инд. *mākara-* ‘большая рыба, дельфин, морское чудовище, крокодил’.

Мыс *Мюсарис* в Меотиде: *Μυσαρῖς ἄκρα, Μυσσαρῖς ἄκρα* [Ptol.] (ныне гора *Мысир, Мисыр, Мисир, Миссир* близ соленого озера Мысыр, или Чокракского). Топоним может быть истолкован как суффиксальное производное на *-ar-* от индоевропейского корня **meus-*, **mus-ós* ‘влага, сырость’, ср. лит. *mūsaĩ, mūsos* [Pokorny, III, 742].

Пантикапей «колония у реки Пантикапа»: *Παντικᾶπαιον* [Strab.; Ptol.], *Παντικαπαῖτας* [CIRB, 838], *Panticapaeon* [Mela], *Panticapaeum Milesiorum* [Plin.], столичный город Боспорского царства, античное городище VI в. до н. э. – IV в. н. э. на горе Митридат в центре г. Керч – толкуется однозначно из древнегреческого образования со значением «находящийся у (реки) Пантикапа», производного от собственно скифского гидронима *Παντικᾶπης*, ныне речка Приморская в Керчи. Пред-

лагавшиеся прежде толкования типа сложения **panti-* ‘путь’ (ср. и.-е. диал. нулевая степень огласовки **pnt-H-*, представленная в др.-прус. *pentes*, *peentes*, *pintis*, др.-инд. *patháh*, праслав. **pntis* [Petit, 2005, 144]) и **kapē* ‘рыба’ [Абаев, 1979, 239]) или **pantik-* ‘морской’ (ср. др.-греч. *ποντικός* ‘понтийский’) и **apē* ‘вода, река’ [Трубачев, 1999, 259; Откупщиков, 1992, 107–114; 2001, 318–324] наталкиваются на фонетические, словообразовательные и смысловые трудности.

Городок *Σαυρομάτειον* [CIRB, № 970] – крепость близ Пиалы-Сарай и Наташин хутор, где шоссе пересекает Киммерийский вал. Регулярное производное от имени собственного *Савромат* (скорее всего речь идет о боспорском царе). См. след.

Этнокультурная общность *савроматы* ‘северные, северяне’: этноним *Σαυρομάται*, *Sauromatae*, имя собственное *Σαυρομάτης*, *Sauromata* – корень родственен лит. *šiaurė* ‘север, полярный край’, *šiaūras*, *šiaūras* ‘холодный, северный, суровый’, *šiaurės vėjas*, *šiaurūs*, *pašiaūris* ‘субарктическая зона’, *šiūras* ‘холодный, северный’, *šiūrūs* ‘резкий, холодный’ [Fraenkel, III, 978], ср. лат. *caurus* ‘северовосточный ветер’ [Szemerényi, 1970, 65], праслав. **sěverь* ‘север’ [Фасмер, III, 588–589]. Родиной савроматов, которые считались потомками скифов и амазонок, было междуречье Дона и Северского Донца, крайний северо-восток в представлении античных писателей.

Скифский полуостров *Σκυθικήν χερσόνησος*, *Σκυθία*, *γῆ Σκυθία*, *Σκύθαι* [Strab.; CIRB, 839, 32, 33, 39, 40, 117, 1237]. О многочисленных гипотезах этногенеза и лингвогенеза скифов писалось много [Cornillot, 1981a, 7–52; 1981b, 29–39]. Привычные этнонимы и топонимы кельтских традиций типа *Scoti*, *Scotia*, *Scoticus* действительно могут оказаться этимологически родственными северо-причерноморским и нижнедунайским топонимам и этнонимам *Scythia Minor*, *Σκυθία ἡ μικρά*, *ἡ μεγάλη*, *ἡ παλαιά*, *Scythae*, *Σκυθαί*, *σκυθικός*, *Scuti*, *Scutum*, *Skudra*. В качестве этимона этих форм можно предложить индоевропейскую основу **skeit-* / *skeit-* ‘заслон, щит’ (ср. праслав. **ščiti*, др.-прусск. *scaytan*, лат. *scutum* (< **scoetum*), др.-ирл. *sciath*). Развитие **skoit-* > **skot-* / *skut-*, кажется, противоречит типологии звуковых переходов, однако латинское развитие *scoetum* > *scutum* и некоторые подобные мены в древней ономастике Балкан (*βοίρε*, *βυρε*, *βοур*, *Μοισία* *Μυσία*, *Γσκος*, *Οισκος*, *Oescus/Uscus*, *Yscos*, *ροίμα-*, *ροίμη-*, *ροίμε-*, *ρομη-*, *ρομε-*, *ρομη-*, *ροίμε-*) позволяют допустить преобразование кельто-иллир. **skoito-* > **skoto-* / **skuθa-*. Идея этимологического тождества имени страны-прародины скоттов *Scithia* и слова *sciath* ‘щит’ высказывалась относительно давно: «*tucad Nel ocon Turtair, Noenal con Scithia sciath-glain*» <Нел рожден у Башни на Востоке, Ненуал же в Скифии, блестящей, как щит> [LGE, II, 90–91]. Об аналогичных языковых явлениях в островных кельтских и фракийско-дакийских языках уже приходилось писать в другой связи [Шапошников, 2003, 218–219].

Скифское наименование *Μεοτιδης* (Азов) Темарунда: *Temarundam matrem maris* [Plin.] – реконструируется как **tem-arun-dā* ‘в темное море впадающий’, сложение и.-е. диал. **tem(ə)-* ‘темный’ [Pokorny, IV, 1063], **arun-*, ср. хетт. *aruna-* ‘море’ [Надель, 1962, 129; Трубачев, 1999, 283] и *dā* ‘давать, дающий’.

Город *Τυριστάκα* «исток реки Тюр»: *Τυριστάκης πόλεως*, *Τυριτάκη* [Ptol.], античное городище VI в. до н. э. – VII в. н. э. в Аршинцево – из скиф. **ištakē*,

близко родственного лит. *ištaka* ‘исток’ и праслав. **jъztoкъ* [ЭССЯ, 9, 79–80; Фасмер, IV, 37]. Реконструкция **tur-* ‘водоворот’ в составе топонима *Τυριστάκη* выводится из и.-е. **tuer-* / **tur-* / *tūr-* ‘вертеть, вращать’ [Pokorny, IV, 1100–1101] (тюркская калька *Чур-Баи* «исток (речки) Чур», оз., а также пересыхающая река *Чурбаи* или *Чурубаи*).

Город *Чачария* (*Цацария*, *Дзадзария*) – *zazaria* [Портоланы, LXIV, LXV, LXVI, LXVIII], *gazaria* [Там же, LXVI] – особо выделялся красным цветом на портоланах внутри Керченского п-ова в области Арабатской стрелки. Сомнительно тождество с городком *Газарат* или с названием всей генуэзской колонии *Газария*.

Пятый порт после Воспро *Чавида* – *zavida* [Портоланы, LIV, LVIII], *zavida* [Там же, LV, LXIV, LXV], *çavida* [Там же, LX], *zavida* [Там же, LIX], *cauda* [Там же, LXII], *zavidi* [Там же, LXVIII, LXIX] – отождествляется с заливом, ограниченным с юга плоским мысом с высокими обрывами (со скальными прослойками), ныне Чауда. Тюркские этимологии совершенно неубедительны. Реликтовую праформу **keuīdha* ‘впадина, ложбина, углубление, водоем’ можно истолковать на базе и.-е. **keu-* / **kou-* ‘выгибать, изгибать(ся)’ [Pokorny, II, 589–594], ср. др.-греч. *κύαθος* ‘кружка, чаша, ковш, которым черпали вино из кратера’, *κόοι· τὰ χάσματα τῆς γῆς καὶ τὰ κοιλώματα* – «зияния и углубления в земле» [Там же, 593], пражелт. **k’oцiоs*, лат. *cavea* ‘углубление, впадина, выемка, пустота, полость’, *cavus* ‘вогнутый, впалый’, *cavitis* ‘впадина’, *caverna* ‘ложбина, яма, впадина, полость, водоем’, др.-инд. *kāvaṣa-* ‘зияющий, разинутый’.

Порт *Чукалаи* – *ziscalai* [Портоланы, LXIV, LXV] изображался на средневековых портоланах примерно на современном мысу Казантип и может быть предположительно локализован близ нп *Касантюк* (ныне Мысовое и Щёлкино). Этот топоним можно истолковать как и.-е. диал. **keukalai-* / **koukalai-* ‘каменистая вершина, возвышенность, высокое место, холм, бугор’. Ср. праслав. **čuka* [ЭССЯ, 4, 131], лит. *kaukarà* ‘холм, вершина’, греческий топоним *Καύκαρα*, имя собственное *Καύκαλος* (о-в Хиос) [Откупщиков, 2001, 312, 315–316], вост.-роман. **čuka* ‘вершина горы, холма’, ср. др.-рум. *ciúscă*, арм., мегл. *čiscă*, алб. *çikë* ‘вершина горы, холма’, сербохорв. *čika*, болг. *чука* ‘вершина’ [Калужская, 2001, 28].

Помимо топонимов, обращают на себя внимание многочисленные имена собственные фракийского облика, которые приведены далее в алфавитном перечне имен, относимых к фракийским: *Ἀβαι*, *Ἀβρο*, *Ἀδα*, *Ἀδας*, *Ἀκκας*, *Ἀλδης* – ср. праслав. **oldi* [ЭССЯ, 32, 56], *Ἀλλάξαρθος*, *Ἀμια*, *Ἀμμία*, *Ἀντάλκης* – ср. греч. *ἀνὰ*, *ἄνω*, *Ἀντας*, *Ἀντάλκης*, *Ἀπφη*, *Ἀπφία*, *Ἀπφούς*, *Ἀφφούτος*, *Ἀραθος*, *Ἀρατος*, *Ἀρδάρακος*, *Ἀρδαρος*, *Ἀρης*, *Ἀργαίος*, *Ἀργότας*, *Ἀργόδας* – родственно лит. *ragūotas* ‘рогатый’, праслав. **orgatъ* / **rogatъ*, *Ἀσσα...*, *Ἀσας*, *Ἀυλουζέλης*, *Ἀυλούπορις*, *Βάβας*, *Βάβης*, *Βάβος*, *Βάνας*, *Βάστακας*, *Βενδης*, *Βενζις*, *Βιόμασος*, *Βειθς*, *Βιθς*, – ближе всего к праслав. **bitva*, производному с суф. *-iva* от основы глаголы **bi-ti* существительному, вероятно дославянской древности [ЭССЯ, 2, 100–101], *Θιάβωγος* – ср. **bagati*, **bažati* [ЭССЯ, 1, 172–173] и местное название (некий населенный пункт на северо-восточном берегу Тобечикского озера в окрестностях современного поселка Челябиново) *Bogosz* [Santini, 1777], *Δάδαιος*, *Δάδας*,

Δαδοῖς, *Δαλαζέλμις*, *Δάλας*, *Δαλόσακος*, *Δάος* – имеются ближайшие соответствия в палеобалканских языках пеласгической группы, *Διδυμόξαρχος* – ср. лит. *didūs* ‘богатый, сильный, величественный, знаменитый’ [Откупщиков, 2001, 302–303], *Δίνδος*, *Δουπτούνης*, *Δοιπτοῦνος* *Τιβέριος* *Γούλιος* – и.-е. диал. **diu-* ‘небесный свет, небо, бог’ и **ptun-* ‘сын’, производное от и.-е. **pət-* ‘кормить’ [Pokorny, I, 787], ср. *Ne-ptunus*, где начальное **ned-* ‘река’ [Pokorny, II, 759], но признавать это имя тождественным др.-инд. *Daiva-putra-*, *Deva-putra-* было бы насиланием над морфологией слова, древнеиндийские композиты, равно как и фрак. *Deorpus* представляют собой свободную параллель Диуптуну, *Δίζας*, имя собственное *Δόριζος*, *Δροβόλος*, *Δροσανις*, *Δούλας* – ср. бесплодные попытки вывести родовое имя царской династии аспаруховых болгар *Доуло* из тюркских или угорских языков, возможно, родственно праслав. **dulěti* ‘толстеть, пухнуть’ [ЭССЯ, 5, 154], *Radamsadij* (Пантикапей) – ср. *Παιρισάδης*, *Γάδας*, *Θιάγαρος*, *Γάστεις*, *Γῆρος*, *Γόκων*, *Εἰσγούδιος* – содержит аналог лит. *iš-*, праслав. **jьz-* [ЭССЯ, 9, 79–80] и лит. *gaiūsti*, *gaudžiū* ‘глухо звучать, шуметь, напевать’ [Fraenkel, I, 140], **guditi* [ЭССЯ, 7, 167], *Ἰζίακος*, *Καβαθάξης*, *Καβάταξεω*, *Κάρσας*, *Κομίικος*, *Κόναψος*, *Cotys*, *Κότις*, *Κουτις* – ср. праслав. **koty*, **kotъve* [ЭССЯ, 11, 213–214], *Κοζ...*, *Κουζαίος*, *-κουζος...*, *Κουλία* – из и.-е. **kwel-* / *kwolo-* ‘пастух, охранитель стад’, ср. др.-греч. *boukoloi* ‘пастухи коров и быков’, другое объяснение из и.-е. **kwel-* ‘род, этническая единица’, ср. инд. *kula*; лат. *in-cola* ‘абориген, местный житель’, *Λάζενος*, *Μᾶ*, *Μαέους*, *Μαμία*, *Μάνης* – из праслав. **manъ*, **manъ* [ЭССЯ, 17, 201–203], *Μαστοῦς*, *Μασταρούς*, *Μάζις*, *Μάζοτος*, *Μήσακος*, *Μήθακος*, *Μοκάπορις*, *Μοκκόθας*, *Παιρισάδης*, *Παιρισάλος*, *Παιρισάλοις*, *Παιρισάδης* – толкование из др.-инд. *parisad* ‘сидящий со всех сторон’ [Топоров, 2006, 59], ср. лит. *sōdas* ‘сад’ и праслав. **sadъ*, **sadjъ*, *Παιρισάλος*, *Παιρισαλούς* – из и.-е. **sālo-*, **sālo-* ‘(дождевая) вода’, ср. лат. *salum*, *salus* ‘открытое море’, ср.-ирл. *sāl*, *sāile* ‘море’, др.-прусс. *salus* ‘дождевой ручей’ [Pokorny, III, 879–880], *Αύλούπορις*, *Μοκάπορις* – содержат аналог лат. *puer* ‘сын, мальчик’, *Ραυσιμόδου* [Zosim.] – ср. лит. *raiūsti* ‘рыть, извлекать из земли’, *rausis* ‘вырытая дыра, яма’ и *modas* ‘болото, трясина, ил, тина’, *Ροιμητάκης* – из фрак. *roime*, *rume* ‘стремительный’ и *talk-* ‘толкающий’, восходящего к и.-е. **telek-* ‘толкать, ударять, бить’, ср. лит. *talkà*, лтш. *tālka*, праслав. **tolkъ*, **tolka*, рус. *молока* [Pokorny, IV, 1062], *Σαυρομάται*, *Σαυρομάτης*, *Sauromatae*, *Sauromata* (упоминается с V в. до н. э. – IV в. н. э.) – родственно лит. *sūrūmas*, *sūrumà* ‘соленость’, *sūrymas* ‘соленая вода (жидкость)’ [Fraenkel, III, 944–945], праслав. **syръ*, **syръ(jъ)*, особенно праслав. **sourovъ*, с аблаутом др.-норв. *saurr* ‘семя (сперма), слякоть’ или **siauiromata-* ‘северные, северяне’ – родственно лит. *šiáurė* ‘север, полярный край’, *šiaūras*, *šiáuras* ‘холодный, северный, суровый’, *šiaurės vėjas*, *šiaurius*, *pašiáuris* ‘субарктическая зона’, *šiūras* ‘холодный, северный’, *šiūrius* ‘резкий, холодный’ [Fraenkel, III, 978], ср. лат. *caurus* ‘северовосточный ветер’ [Szemerényi, 1952, 65], праслав. **sěverъ* – север, *Spavrtoko*, ср. фракийское имя собственное *Σπάρτακος*, *Σπαραδόκος*, *Σπόρδοκος*, *Spartacus* – из и.-е. **spart-* ‘спорый, плодовитый, живой’, ср. др.-прусс. *sparts* ‘мощный, могучий’, лит. *spartūs* ‘обильный, плодородный, быстрый, скорый, живой, ин-

тенсивный, деятельный, энергичный', *spartà* 'скорость, быстрота, темп, живость', *sparùs* 'пружинистый, упругий, гибкий, бойкий, живой', *sparas* 'опора, подпорка, стойка', лтш. *spars* 'сила, размах', праслав. **sporъ* 'спорый, обильный, сильный, зрелый', также производные **sporyšъ*, **sporyni*; и.-е. **spor-* / **sper-* представлено в праслав. **sporъ*, др.-инд. *sphāra*, лат. *pro-sperus*, др.-греч., тохар., хетт. соответствиях [Топоров, 2006, 89–94], *Ἀντάλκης*, *Ροιμητάλκης* – содержат и.-е. **telek-* 'толкать, ударять, бить', кимр. *talch*, др.-корн. *talch* (< **təlko*), лит. *talkà*, лтш. *tàlka*, праслав. **tolkъ*, **tolka*, рус. *молока* [Pokorny, IV, 1062], *Θιάβωγος*, *Θιάγαρος*, *Θιάρμακος*, *Ζάλλος*, *Αύλουζέλιμης*, *Ζείλας*, *Ζηλᾶς*, *Ζόβην*, *Ζωρθίνης*, *Ζωρθίνος*, *Ζοτουμᾶς* [Detschew, 1976, 1–476].

Принимая во внимание факты происхождения многих элементов базовых знаковых систем (включая погребально-поминальную обрядность) [Ольховский, 1991] традиционной культуры населения Керченского п-ова античного времени из Фракии, особенно ее причерноморских областей, можно прийти к выводу о том, что это население также переместилось из Фракии на Боспор Киммерийский.

Единственный народ, по происхождению тесно связанный с юго-восточной Фракией, – скифы. Согласно греческой мифологии, Скиф, родоначальник народа, был сыном Геракла и фракийской Эхидны, обитавшей у Геллеспонта. Во Фракии же существовала историко-культурная область Малая Скифия, которую можно считать первой промежуточной прародиной скифов. Великая Скифия в Северном Причерноморье – область позднейшей колонизации, а Боспор Киммерийский – удаленная периферия. Именно эта периферийность скифов Боспора способствовала сохранению у них как традиционного ономастикона, так и прикладных ремесел, народной архитектуры, включая сооружение царских гробниц с явными чертами микенской и позднейшей фракийской погребальной архитектуры.

Если языковые реликты фракийского облика и другие манифестации базовых знаковых систем фракийского происхождения Боспора оставлены скифами, то по-другому выглядит не только этногенез скифских племен, но и династическая история Боспорского царства. Родоначальник династии Спартокидов из фракийского наемника Археанактидов превращается в наследственного царька соседних Пантикапею и Мирмекию скифов. Время династии Спартокидов (438–110 гг. до н. э.) – своего рода эллинистическое царство, в котором, подобно македонцам, скифы получили военную власть, оставив эллинам сферы производства, торговли и гражданского самоуправления. Савроматская династия Боспора (8–342 гг. н. э. с перерывами), судя по именам *Рескупорид*, *Котис*, *Ройметалк*, *Радамсад*, также была скифской.

Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье замечены давно, так же как и особые отношения фракийских и скифских реликтов с балтийскими и славянскими языками, см. публикации Д. Дечева [Detschew, 1976], И. Дуриданова [Duridanov, 1969], В. Н. Топорова [1964; 1973а, 22–25; 1973б, 30–51; 1977; 1984, 10–25; 2006], О. Н. Трубачева [1968; 1991, 16–19, 21–23; 1999, 320].

2. Как известно, во Фракии и северо-западной Анатолии имеется большое количество гидронимов, топонимов и антропонимов балтийского облика.

Общее количество топонимических сходств между балтийским и древнебалканским ареалами весьма значительно (несколько сотен убедительных сопоставлений), при этом около сотни параллелей претендуют на абсолютную точность исходных форм и не допускают сомнений в их подлинности и доказательности. Первые опыты подобных сопоставлений принадлежали еще Й. Басанавичюсу, наиболее очевидные и убедительные сопоставления приведены в трудах К. Каспарсонса [Kasparsons, 1938–1940], Х. Краэ [Krahe, 1956; 1957, 103–121], А. Брейдакса [Breidaks, 1977, 88–96], А. Каулинса [Kaulins, 1980], В. Топорова.

Помимо цельно-лексемных соответствий, обратим внимание и на некоторые продуктивные словообразовательные суффиксы.

Толкование исхода *-iz* как индоарийск. **-ijya-* ‘святилище’ в топонимах *Кикинеиз*, *Кореиз*, *Лимнеиз*, *Олеиз*, *Симеиз*, *Hermisium* неудовлетворительно, скорее это иллирийский суффикс обилия и обладания *-isium* (ср. лат. *Brundisium*).

Часть основ, оформленных этим суффиксом, напоминают греческие (**limne-*, **herm-*), часть – неизвестного происхождения и значения, возможно туземные индоевропейские диалектизмы (**kikine-*, **kore-*, **ole-*, **sime-*). Гораздо более трудную проблему представляет собой способ словообразования. Почти все основы оканчиваются на *-e* и присоединяют суфф. *-isium*, не изменяя этого окончания. И если в реконструкции *Олеиз* «Оливковый» **oleuisium* можно предполагать падение *-и* между основой и суффиксом, то в формах **limne-isium*, **kikine-isium* такой возможности не наблюдается. Античное местное название *Hermisium* вовсе не сохраняет исхода основы (где он мог бы сохраниться, учитывая греко-туземный гибридный характер!).

Известен и балто-славянский суффикс **-is-* (праслав. **-ix-*), первоначальный суффикс принадлежности и происхождения, ср. рус. *богачиха* и под. [Gäters, 1954, 51 и след.]

3. На Керченском п-ове имеется несколько топонимов индоарийского происхождения:

Местность к востоку от Кафы Кампи Кампанидов: *Campi Campanidon* [Rav. Anon.], местность *Campania* (XIII–XV вв.) < **Kamproi Campanidwn*, если это не латинское название *campi* ‘поля’, то возможно толкование на основе др.-инд. *kampra-*, *kampana-* ‘earthquake, землетрясение’, *kampaniya-* ‘shaken by earthquake, потрясенный землетрясением’ [Шапошников, 2005б, 30–67]. Эта местность упоминается в области грязевого вулкана, сопки Джау-Тепе, Джав-Тёпе, Джав-Тобе близ пос. Вулкановка, название которого толкуют будто бы из балкар. *жав* ‘мазь, масло’ (< **jāy*), из продолжения пратюрк. **jau* ‘враг’, или, скорее, из продолжения пратюрк. **jau* ‘падать сверху’, ‘идти (об атмосферных осадках)’, ‘сыпаться (сверху в большом количестве)’. Тюркские этимологии, как видим, весьма сомнительны.

Городок Дина «Божья, Диева»: *Dina* [Rav. Anon.] [Трубачев, 1999, 235–236]. Правда, имеется и фракийская параллель.

Село Качека «Береговая»: *εἰς κωμὴν Καζεκά* [Strab.], *Kazekaç* [Anon.], 420 стадиев от Пантикапея и 270 до Феодосии (ныне мыс Ага-Качик, Яга-Качик, Джага-Качик, Джермай-Качик, Кашик, д. Качикъ, соленое озеро Качикъ) из индоарийск.

**kaśika-* (производное от аналога др.-инд. *kaścha-* ‘берег’), казахская калька *уата* < **jaṭa* ‘берег, береговой’ [Трубачев, 1999, 243].

Город *Макара*, *Махара*, *Махаре*, племя *Макоры*, *Махары*: город *Macara*, *Machara*, *Machare* [Rav. Anon., IV, 3] (возможно пос. им. Войкова), племя *Makores*, *Machares* – вероятно тотемическая природа этнонима *Macarhnoi*, *Makorej*, ср. др.-инд. *mākara-* ‘большая рыба, дельфин, морское чудовище, крокодил’ (о других версиях см. выше).

Народ *Сатауки* «Семь большесемейных домов»: племя к востоку от Феодосии *Scythia Sataucis* [Plin.] – сопоставимо с индоарийск. диал. *sat[ta]-auka-* ~ др.-инд. *sapta-*, пракрит. *satta-* ‘семь’ и *oka* ‘дом’.

В эпиграфике имеются имена собственные индо-арийского облика:

Iwdaj (Пантикапей) – **joda-*, **jodas-* ‘воин, боец, воинственный’, ср. др.-инд. *yodha-* ‘воин, боец’, *yaudha-* ‘воинственный’.

Maiwsara (Пантикапей) содержит **maja-* ‘радость, отрада’, ср. др.-инд. *mauā* ‘радость’. Ср. неудачное толкование в связи с осет. *sær* ‘голова’ [ИЭСОЯ, III, 75].

Saneia, *Sanwn* (Пантикапей) содержат **śana-* ‘опьяняющий напиток, вино’, ср. др.-инд. *śāna-* ‘конопляный’ и осет. *sænæ*, *sæn* ‘вино’ [ИЭСОЯ, III, 67].

Реликтовая ономастика индо-арийского облика, скорее всего, имеет синдо-меотское происхождение.

4. Среди боспорских личных имен собственных встречается немало антропонимов в о с т о ч н о - и р а н с к о г о (праосетинского) облика:

Ardayrou, *Ardayros*, (Пантикапей), *Ardarakoj* (Пантикапей) – сарм. **ardār-* ‘господин, князь’, ср. осет. *ældar*, *ærdar* ‘барин, господин, владелец, властелин, вельможа, князь’ [ИЭСОЯ, I, 128, 347].

Argodaj, *Argotaj* (Пантикапей) – сарм. **ārguud-* ‘место совершения обрядов богослужения’, ср. осет. *argwyd* ‘крещение; венчание’, *argwyc* ‘преклонение, почитание’ [ИЭСОЯ, I, 66].

Ariaramnhj, *Ariaraqhj*, *Ari(a)farnhj* (Пантикапей) – **ariahramna-*, **ariaratha-*, **ari[a]farna-* ‘имеющий лучший покой; имеющий лучшие колесницы; имеющий лучшую благодать’, ср. др.-инд. этноним *arya-*, авестийское имя собственное *A(i)rya-* (родоначальник и эпоним западных иранцев (персов)), авестийский хороним *A(i)ryanam Vaejo* ‘Арийское распространение’ = Иран. Эти примеры, возможно, «модные»¹ заимствования из западноиранских диалектов, а не собственно туранские или сарматские образования.

Arsakhj (Пантикапей) – **arśaka-*, ср. династия Аршакидов в Парфии и Армении; видимо, «модное» имя.

¹ Речь идет о популярных в эллинистический период царских и аристократических именах персидского происхождения наподобие *Ариарата*, *Ариафарн*, *Ариарамна*, *Митридат*, *Фарнак* и т. п., которые заимствовались народами, говорившими на других языках и имевшими своей репертуар традиционных имен.

Aspourgoj (Пантикапей) – сарм. **aspurg-* ‘легендарная порода коней’, ср. осет. *æfsury* ‘легендарная порода коней’, *jæfs* [ИЭСОЯ, I, 113, 563], ср. название исторической области к востоку от озера Ван *Vasparukan*.

Badakhj (Пантикапей) – сарм. **badaka-* ‘седок’ (?).

Banaj (Пантикапей) – сарм. **banā-*, **bāna-* ‘свет, день; сила; возможность’, ср. осет. *bon* ‘день; сила; возможность’ [ИЭСОЯ, II, 266], или о.-иран. **ban-* ‘говорить, кричать’ и **ban-* ‘болеть, причинять боль’ [ЭСИЯ, II, 67–68].

Bardanoj (Пантикапей) – сарм. **bardan-* ‘бородатый’ (?).

Bostagwn (Пантикапей) – сарм. **basta-gon-* ‘рожденный от раба’ (?), ср. праиран. **basta-* (< **bndta-*) ‘связанный’, прич. соверш. **basta-*, **basti-* от гл. **band-*, **bad-* ‘связывать, завязывать’ [ЭСИЯ, II, 77]. Иначе **bosta-gan-* или **bost-ag-an-* ‘каприза, ворчун’, ср. осет. *bustæ* ‘упреки, капризы, ворчанье, ропот’, *bustæ kænyn* ‘ворчать, упрекать, роптать, капризничать’.

Benzei (Пантикапей) – сарм. **benci-* ‘муха, пчела’, ср. осет. *binzæ* ‘муха, пчела’, *bynz* [ИЭСОЯ, I, 280], праиран. **baina-* ‘муха, пчела’ [ЭСИЯ, II, 61–62].

Bradakoj (Пантикапей) – сарм. **brādak-* ‘побратим, братец’, ср. осет. *ærvad* ‘однофамилец’, *ærvadiwæg kænyn* ‘быть в родственных взаимоотношениях, оказывать друг другу родственное внимание’ [ИЭСОЯ, II, 438].

Farnhj, *Orofernhj* (Пантикапей) – сарм. **farnā-*, **farn-*, **fern-* ‘божья небесная благодать’, ср. авест. *hvarno*, др.-перс. *farna-*, осет. *færnæu* ‘счастливо’ [ИЭСОЯ, I, 422]. Часть имен могут оказаться «модными» именами древнеперсидского происхождения.

Farnakhj (Пантикапей), *Φαρνακίων* (Пантикапей) – сарм. **farnaka-* ‘обладающий божьей (небесной) благодатью’, ср. осет. *færnug* ‘обильный, богатый, щедрый, счастливый, удачливый’, *færnugad* ‘благополучие, благосостояние’ [ИЭСОЯ, I, 422].

Φιδας (Пантикапей), *Φιδᾶς*, (Феодосия) – сарм. **fida-* ‘отец’, ср. осет. ирон. *fyd*, дигор. *fydæ* ‘отец’ [ИЭСОЯ, I, 488].

Fidanouj (Пантикапей) – сарм. **fidanu-* ‘долг, то, что нужно уплатить’, ср. осет. *fidæn* ‘время платы’, *fidinag* ‘то, что нужно уплатить’.

Leimanoj (Пантикапей) – сарм. **[f]liman-* ‘друг’, ср. осет. *lytæn* ‘приятель, друг’.

Radamasij (Пантикапей) – сарм. **[f]radam-asi* ‘первый ас’.

Radamsadij (Пантикапей) – сарм. **[f]radam-sadi* ‘председатель’.

Gasthj (Пантикапей) – сарм. **gasti-* ‘гость, чужестранец’ [ИЭСОЯ, II, 69; в связи с *maI*].

Eisgoudioj (Пантикапей) – содержит [**is*]-**gudi-* ‘мысль, дума, дело, событие’, ср. осет. *qwydy* ‘мысль, дума, память, воспоминание’, *qwyd-* ‘дело, занятие, событие’.

Cozania (Пантикапей) – сарм. **hozanīa-* ‘подобный, похожий’, ср. осет. *xwuzæn*.

Canakhj (Пантикапей) – сарм. **h(y)anaka-* ‘зовущий, приглашающий’, ср. осет. *xonæg* < **hvanaka-* ‘зовущий, называющий, именующий, приглашающий’.

Kousouj (Пантикапей) – сарм. **kuzu* ‘собака’ (?), ср. осет. *kwydz* ‘собака’ [ИЭСОЯ, I, 605], но возможны сопоставления с осет. *qwaz* ‘лань’, *qizon* ‘всадники, допускаемые во время скачек на подмогу к каждой лошади’, *qwyzæg* ‘подкрадывающийся’.

Mada (Пантикапей) – сарм. **mādā* ‘мать’, ср. др.-инд. *matā-*, осет. диал. *mad, madæ*.
Mahj (Пантикапей), *Maiwsara* (Пантикапей) содержат сарм. **maj[a]*- ‘месяц, луна’, ср. осет. *mæy(æ)* ‘месяц, луна’, *mæy-næwæg*, *mæy-zæronð*, *mæy-ruxs* [ИЭСОЯ, II, 83].
Arqiemmanoj (Пантикапей) – содержит сарм. **man-* ‘мужской, мужчина’, ср. осет. *moynæ* ‘мужской’.

Mammaroj (Пантикапей) содержит сарм. **mār-* ‘убивать’, ср. осет. *maryn* ‘убивать’ [ИЭСОЯ, II, 75].

Marzakoј (Пантикапей) – сарм. **marzak-* ‘имеющий саван’, ср. осет. *mærzyn*, *mærzæg* ‘подметающий, подметальщик’ или *mærd-dzag* ‘погребальное одеяние, саван’ [ИЭСОЯ, II, 101]?

Mastaj (Пантикапей) – сарм. **masta-* ‘горечь, обида’, в связи с осет. *mast* ‘горький, желчь, горечь, обида, досада, неприятность’ [ИЭСОЯ, II, 77].

Mastouj (Пантикапей) – сарм. **mastu-* ‘злой, сердитый’, ср. осет. *mæsty* ‘злой, сердитый, рассерженный, озлобленный’, в связи с *mast* [ИЭСОЯ, II, 77].

Mazij (Пантикапей) – сарм. **mazi-* ‘большой, великий’, ср. авест. *maz-* ‘большой’, местное название *Mazandaran*.

Xai-orsazhj (Пантикапей) – сарм. **orsa-zā-* ‘рожденный седым’?

Fiatakoј (Пантикапей) – сарм. **phata^{ik}-* ‘вождь’, ср. авест. *paqak-*, осет. *fætæg* ‘вождь’ [ИЭСОЯ, I, 464].

Женское имя собственное *Rwxanh* (Пантикапей) – ср.-перс. **roxšana* «Светлана», ср. осет. *roxsnæg* [ИЭСОЯ, II, 424], возможно, дань эллинистической моде.

Xaiorsazhj (Пантикапей) содержит сарм. **sadz-* ‘садить’, ср. осет. *sadzyn* ‘сажать, садить, втыкать, вонзать, вбивать, посадка’.

Saneaia, Sanwn (Пантикапей, Ольвия) – сарм. **sania-*, **sanōn* ‘опьяняющий напиток, вино’, ср. др.-инд. *ṣāna-* ‘конопляный’, осет. *scænæ*, *scæn* ‘вино’ [ИЭСОЯ, III, 67].

Seauagoj (Пантикапей) – сарм. **sīauag-* ‘черный’, ср. авест. *Sya(v)-varšana* ‘черный самец’, осет. *saw* ‘черный; траур’, в связи с осет. *Xsærtæg* [ИЭСОЯ, IV, 229].

Sogoj (Пантикапей) – сарм. **sog-* ‘ветвь, сук; ответвление; отпрыск’, ср. осет. *sug* ‘полено, дрова’.

Swrakoј (Пантикапей) – сарм. **sorak-* < **sauraka-* ‘преследователь’, ср. осет. *suryn* ‘гнать, прогонять, выгонять, отгонять, нагонять, преследовать’ [ИЭСОЯ, III, 173].

Sfaro-baij (Пантикапей) содержит сарм. **sfaro-* ‘напирать’, ср. осет. *æfsær-yn* ‘напирать, плотно укладывать, впихивать, набивать, утапывать, оседать, врываться’, этникон *Æfsæræg*, *Æfsærægon*, *Æfsærægtæ*.

Storanh (Пантикапей) – сарм. **storana* < **staurana* ‘корова’, ср. осет. *stur* ‘домашнее животное крупного рогатого скота’ [ИЭСОЯ, III, 159, 216].

Qabeij (Пантикапей) – сарм. **thābei-* ‘очаг, тепло, греть’, ср. осет. *tavæg* ‘согревающий’, *tavs* ‘теплота’, *tavyn* ‘греть’ [ИЭСОЯ, III, 237]. Маловероятно.

Ourgioj (Пантикапей) – сарм. **urg-*, **urgja-* ‘сильный, мощный’, ср. др.-инд. *ugra-* ‘сильный, могущественный; очень большой, огромный; ужасный, чудовищный; суровый; силач, великан’, *augrya-* ‘страх, ужас’, отсюда и англ. *ogre* ‘великан-людоед’, иначе в связи с праосет. **wærg* [ИЭСОЯ, IV, 94].

Bidakhj (Пантикапей) – сарм. **uidaka-* ‘знающий’ или ‘корень’, ср. осет. *widag* ‘корень’ [ИЭСОЯ, IV, 106]. Сомнительно.

Orofernhj (**ɔoru-farna*) (Пантикапей) – алан. **ɔoru-farna* – ‘широкий, обильный, сильный божьей благодатью’, ср. др.-инд. *uru-*, авест. *voru-* ‘широкий, просторный, обильный’, океан *Vorukaša* ‘Широкий заливами’.

Canakhj (Пантикапей) – алан. **xanaka-* ‘дом, жилье’ (ср. согд. *xanak-*).

Xaiorsazhj, *Σαίος* < **Xsaj-* (Пантикапей) содержат сарм. **xšai-* ‘властвовать, княжить, князь’, ср. др.-инд. *ksaya-* ‘живущий, проживающий, обитающий’, *kṣli-* ‘владеть, обладать, иметь власть, править’, *kṣaita-* ‘глава рода, племени, правитель’, авест. *Yima-xšaeta-*, *Jam(x)šed* ‘сиятельный, блистательный Йима’ (возможно, пора пересмотреть эту этимологию с учетом древнеиндийских данных?), вернее, «Йима-правитель племени», на основе осет. историч. **xsin* ‘княгиня’ [ИЭСОЯ, IV, 236, 248].

Реликтовая ономастика восточноиранского облика является наследием народов сарматской и туранской общности (предков осетин и пуштунов соответственно).

Завершая обзор древнейшей ономастики Боспора Киммерийского (его европейской части), приходим к следующим выводам.

Ономастика фракийского вида оставлена на Боспоре скифами. Эти языковые реликты проявляют черты генетического и ареального родства с балтийскими и славянскими языками, точнее с их древними состояниями. Появление этой «фракийско-скифской» ветви индоевропейских диалектов относится к периоду между 1520 и 1290 гг. до н. э. Из этой группы в конечном счете происходят, помимо мертвых фракийского, дако-мизийского, скифского языков, живые балтийские и славянские языки.

Ономастика индоарийского вида оставлена синдо-меотскими племенами, населявшими азиатскую часть Боспора и Прикубанье. Эта ветвь индоарийской группы отделилась в середине – последней четверти II тыс. до н. э. в Северной Месопотамии и Закавказье [Шапошников, 2003, 209–212].

Ономастика восточноиранского вида оставлена сарматскими и тиранскими племенами, прибывавшими в разное время из области центрального Кавказа и Средней Азии соответственно. Сарматы (праосетины) расселялись в Северном Причерноморье между 1200 и 800 гг. до н. э. Туранцы (аланы, саки) мигрировали к Боспору между 133 и 125 гг. до н. э.

Абаев В. И. Из истории слов. Древнерусское *кърчий* «кузнец» и топоним *Керчь* // Вопр. языкознания. 1959. № 1. С. 96–99.

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

ИЭСОЯ – В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. Л.; М., 1959–1988.

Калужская И. А. Палеобалканские реликты в современных балканских языках. (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей). М., 2001.

- Надель Б. Черноморско-хеттские ономотологические связи: К постановке вопроса // *Rocznik orientalistyczny*. Т. XXVI, zes. 1. 1962.
- Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
- Откупщиков Ю. В. Из палеобалканской ономастики Северного Причерноморья (Пантикап и Пантикапей) // Проблемы балканистики / Отв. ред. А. В. Десницкая. СПб., 1992. С. 107–114.
- Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001.
- Подосинов А. В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // *Античный мир. Византия: К 70-летию проф. В. И. Фадеева*. Харьков, 1997. С. 155–171.
- Портоланы – *Almaga R. Monumenta Cartographica Vaticana*, I, Citta del Vaticano, 1944. Славянски рукописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София, 1978. LIV = Cod. pal. lat. 1362a, f. 2v–3r; LV = Cod. vat. lat. 2972, f. 107r; LVI = Pal. lat. 1362b; LVII = Borgiano XVI; LVIII = Borgiano V; LIX = Vat. lat. 9015; LX = Cod. vat. lat. 9016; LXI = Borgiano VII; LXII = Borgiano VIII; LXIII = Borgiano XIII; LXIV = Cod. pal. lat. 1886; LXV = Cod. Barb. lat. 4357; LXVI = Cod. barb. lat. 4431b; LXVII = Cod. barb. lat. 4394; LXVIII = Borgiano X; LXIX = Borgiano VI; LXX = Borgiano XI; LXXI = Cod. Urb. lat. 1710; LXXII = Borgiano IV; LXXIII = Vat. lat. 1428.
- Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. 8. Пантикап – Керчь // *Изв. Отд. рус. яз. и словесности Рос. акад. наук*. 1921. Т. 26, 39.
- Топоров В. Н. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топонимии // *Проблемы индоевропейского языкознания*. М., 1964.
- Топоров В. Н. Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен // *Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.): Тез. докл. и сообщ.* М., 1973а. С. 22–25.
- Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям // *Балканское языкознание*. М., 1973б. С. 30–51.
- Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. 2 // *Балканский лингвистический сборник*. М., 1977.
- Топоров В. Н. Еще раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // *Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте*. М., 1984. С. 10–25.
- Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2006.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трубачев О. Н. *Indoarica в Северном Причерноморье*. М., 1999.
- Трубачев О. Н. Дополнения к: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*: 2-е изд. Т. II. 1986.
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этно. Интерпретация. М., 1968.
- Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб., 1996.
- Шапошников А. К. Этимологические наблюдения // *Этимология*. 1997–1999. М., 2000. С. 192–199.
- Шапошников А. К. Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // *Этимология*. 2000–2002. М., 2003. С. 199–221.
- Шапошников А. К. Производные праславянского глагола **kyti* // *Ad fontes verborum: Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот.* М., 2005а. С. 432–440.

- Шапошников А. К. Indoarica в Северном Причерноморье. Памяти акад. О. Н. Трубачева // *Вопр. языкознания*. 2005б. № 5. С. 30–67.
- Шацков А. В. Хеттские прилагательные с суффиксом *-ant-* // *Hrda mānasā*. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г. Герценберга. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2005. С. 104–129.
- ЭСИЯ – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1–2. М., 2002.
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков*. Прагославянский лексический фонд. М., 1974–.... Вып. 1–....
- Anon. – *Georg. Graec. min. I*. P. 402–423; *Fragmenta historicorum Graecorum*. Vol. V. Paris., 1870. P. 174–184.
- Arrian. – *Arriani Nicomediensis scripta minora iterum* / Кес. К. Kercher, edenda cur. A. Eberhard. Lips. ap. Teubn. 1885, Muller. Geogr. gr. min. I p. 370 sq.; A. G. Roos, Wirth G. *Arrianos*. Leipzig, 1967–1968.
- Athen. – *Athenaei Naucratis Deipnosophistarum libri XV*. Rec. Georg. Kaibel, 3 voll. Lips. ap. Teubn. 1887–1890 XIII Kaibel, § 89, lin. 22; Vol. 2, 2 pag. 121, lin. 35.
- Breidaks A. Par Baltu un Seno Balkanu valodu paralelem // *Latvijas PSR Zinatnu Akademijas Vestis*. 1977. № 3 (356). P. 88–96;
- CIRB – *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani*. M.; L., MCMLXV. № 1–970.
- Cornillot F. De scythes à Kolaxais // *Studia Iranica*, Leiden, 1981a. T. 10, fasc. 1. P. 7–52.
- Cornillot F. L'origine du nom de Scythes // *Indo-Iranian journal*. Dordrecht, 1981b. Vol. 23. № 1. P. 29–39.
- DAI – Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio* // Ed. Gy. Moravcsik. Wash., 1967; Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. М., 1991.
- Detschew D. *Die Thrakischen Sprachreste* 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976. P. 129–131.
- Duridanov I. *Thrakisch-dakische Studien*. I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969;
- Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. T. I–III Heidelberg; Gottingen, 1955.
- Gäters A. *Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung*. KZ. Bd. 72, h. 1–2. 1954. P. 51 и след.
- Georgiev V. I. *Kimmerioi* // *Балканско езикознание*. София, 1982. Т. 25.
- Herod. – *Herodoti historiae*. Henricus Stein. Berolin 1884. V.2.
- Hesych. – *Ἡσυχίου τοῦ Ἀλεξ. Λεξικόν* / I. Albertum / Rec. Maur. Schmidt, 5 tt. Ienae 1858–1868.
- Iord. – *Jordanis Getica*. Ed. Th. Mommsen. B., 1885.
- IOSPE – B. Latyshev. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. I [2 ed.] – Petropoli, MCMXVI; [1 ed.] – MDCCCLXXXV; vol. II – MDCCCXC; vol. III – MDCCCCI; vol. IV – MDCCCCI.
- Joseph – П. К. Коковцев. *Еврейско-хазарская переписка в X в. JL*, 1932.
- Kasparson K. *Illyrica*. FBR 18–20. 1938–1940.
- Kaulins A. *The Relation of Baltic Language to Illyrian*. Darmstadt. 1980.
- Krahe H. *Baltico-Illyrica* // *Festschrift für M. Vasmer*. Wiesbaden, 1956.
- Krahe H. *Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria* // *Akademie der Wissenschaften und Liter. Abhandlungen Geistes- und Sozialwiss. Klasse*. Mainz. 1957. N. 3. S. 103–121; LGE II, verse text XIII, P. 90–91.
- Marc. Empir. = *Marcellus Empiricus*. *De medicamentis liber*, V в.
- Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. I–III. Heidelberg, 1953–....
- Mela – Pomponius Mela *de chorographia libri tres*. Rec. C. Frick. Lips. Teubn. 1880; Ranstrand G. *Pomponius Mela*. Leipzig, 1971.

- Monier-Williams M. A.* Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964.
- Petit D.* Le participe du verbe «être» en vieux prussien // *Hrdā mānasā*: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения проф. Л. Г. Герценберга. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2005.
- Phylarch.* – *Phylarchus Hist.* 1609, fragm. 002.
- Plin.* – *C. Plinius Secundus. Naturalis Historia.* D. Detlefse, Berolinum, 1866–1882.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–IV, Bern, 1959.
- Ptol.* – *Claudii Ptolemei Geographia e codd. recognovit Car. Mullers, V. I.* Paris, Firmin Didot, 1883. C. Muller, C. T. Fischer. *Ptolemaeus.* Paris, 1883–1901.
- Rav. Anon.* – *J. Schutz. Itineraria Romana.* T. II. 1940.
- Santini, 1777* – *La Crimée, La Nouvelle Russie, les Tatars Nugay et d'Oczakov, les Zaporoviens et partie de la Circassie.* Venise 1777 par Santini.
- P.-B.* – *B. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. Вып. I. СПб., 1890; Вып. 3–4. Зап. имп. рус. арх. общ-ва. Т. XI. СПб., 1990; Т. II. Вып. I. СПб., 1904. Вып. 2. СПб., 1906.
- Steph. Byz.* – *Stephani Byzantii Ethniconum quae supersunt. Ex recensione Augusti Meinekii.* Tom. I. Berolin. 1849.
- Strab.* – *Strabons Geographica / Rec. commentario crit. instr. G. Kramer,* Berolin. 1844–1852. 3 v. *Szemerényi O. KZ.* Bd. 70, 65. 1952.
- Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. Wien, 1881.
- Zosim.* – *Zwsimoc Ἰστορία νέα / Mendelssohn.* Lips., Teubn. 1887, lib. 2, § 21, 796–797.

* * *

Александр Константинович Шапошников – кандидат филологических наук, стажер отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Коктебель – Москва).

Т. А. Сироткина

ЭТНОНИМЫ КАК РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ КАТЕГОРИИ ЭТНИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОНИМИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

The subject of this article deals concerns ethnonyms (folks' names) as speech markers of ethnicity category. On the ethnonymic material of Perm region the function of ethnonyms is studied in different types of discourse (business, scientific, literary, dialect discourse). The author draws a conclusion that the ethnonyms' functions depend on discourse type. Furthermore there is an ethnic fragment in the world image of the Perm region inhabitants which is characterized by anthropocentrism, oppositions "self – foreign", "we – they" and stereotyped perception of "foreign" cultural space.

Функционирование этнонимов определяется социокультурным взаимодействием, отражает языковую картину мира жителей определенной территории, в данном случае – Пермского края. Поэтому рассматривать их необходимо с учетом включения коммуникативного процесса в социокультурное взаимодействие, т. е. в рамках дискурса.

В структуре дискурса можно выделить социальный фактор (в данном случае многонациональность состава жителей исследуемого региона), типы коммуникативных ситуаций (разговорно-бытовая речь, научный текст, деловые документы и т. д.), лексикон (этнонимы), а также концептуальную картину мира, ядром которой является концепт «этнос». Исходя из этого, за основу выделения дискурсов в данном исследовании считаем логичным принять функциональный план текста: при отнесении анализируемых текстов к тому или иному типу дискурса учитывалась прежде всего сфера их функционирования. В статье рассмотрены следующие типы дискурса: деловой, научный, диалектный, художественный,

публицистический. При этом необходимо иметь в виду, что все названные типы тесно взаимосвязаны, например, научный дискурс и деловой, так как в работы, посвященные истории народов Прикамья, часто включаются выписки из деловых документов XVI–XVIII вв.; разговорная речь и язык деловых бумаг, поскольку, несмотря на то что стиль документа был четко определен, в нем достаточно ярко отражены особенности бытовой речи того времени.

Одной из важных особенностей функционирования этнонимов в деловом дискурсе являются широкие номинативные ряды, например:

1) *баширец, баширянин, баширятин, баширятенин*: «Купил де тот табак в кунгурском уезде на дороге у уфинского тулвинского *баширица* у Канабечка на 10 денег» [КА, 178]; «А от тех юрт до речки Короболки живет *баширянин* Ямогуза с детьми и братьями и племянниками в 8 юртах» [Шишонко, 5 (2), 47]; «Извещал... в приказной избе ему князю Андрею *баширятин* Сибирские дороги Белекейко Тойгелдин» [СПП, 1, 22]; «А из того де воровского собрания послано сорок *баширятенином*...» [Шишонко, 5 (1), 17]; «Июня в 25 день, пойманной *баширетинин* Урасан Карабышев в Китайском остроге допрашиван» [Там же, 5 (3), 460];

2) *вогуляк, вогулятин, вогулетин (вагулетин)*: «Дойдено до реки... и до юрт *вогуляка*» [Шишонко, 3, 757]; «Да... *вогулятин* Обайтко Комаев» [Там же, 1, 158]; «В одном месте юртами не живут, а живут переходя по малым речкам где кому добыча зверю всякому и рыбе тот тут *вогулетин* живет и ночует»; «Пришли с Вишеры ясашные целовальники Ивашко Антонов с товарищем да с ними два *вагулетина*» [СПП, 1, 93];

3) *татара, татар, татарове (тотарове), татаровя, татарин, татариня*: «Вниз на 10 верст... по межу уфимских *татар*» [Шишонко, 2, 251]; «Да ему ж де Афонке сказывали *татара* Турайко Байгозин да Байтемирко Батряков» [КА, 24]; «А будет татарин Епанча, или которые иные *татарове* учнут говорить»; «Князьки, и мурзы, и *тотарове*, и остяки, и вогуличи учнут к вам приходить бити челом»; «А как тебе дорогу *татаровя* укажут и ты б о том отписал» [Шишонко, 2, 156, 145, 151]; «За сим имена 23-х человек конных казаков, драгун и *татарин*, раненых из пищалей и стрелами» [Шишонко, 5 (3), 463];

4) *черемисы, черемисяне*: «И Остяки и *Черемисы*» [Шишонко, 4, 360]; «Наехали воровские воинские люди башкирцы, и все деревни черемисские разорили и *Черемисян* побили до смерти» [Шишонко, 5(3), 456].

Для именования детей используются формы на *-онок (-ёнок)*: «А от того де взял он у того Татарина в посул ясыря *Татарчёнка*» [Шишонко, 3, 352].

Наречия используются обычно для указания на язык общения: «А *по руски* ево зовут Ванкою» [Шишонко, 5 (3), 416].

«Стремление писцов отражать в текстах сложившиеся к концу XVI–XVIII вв. нормы делового языка приводило к обработке показаний жителей Пермского края, что вызывало постоянные уточнения сказанного различными способами» [Полякова, 2005, 211]. Для этого использовались не только антропонимы и личные местоимения, но и этнонимы: «Собравшись ходили в тое деревню Истекаеву чая *их*

башкирок поимать и пожитки обравши принесть на Кунгур» [СПП, 1, 22]; «Из улусов де своих *они калмыки* жен своих и детей отпустили за реку Яик в дальние места» [Там же, 2, 146]; «И он Иван толко у *них татар* был у семерых человек» [Шишонко, 5 (3), 416].

Обращение с прошением к вышестоящим чиновникам требовало употребления уничижительной формы. В документах множество раз повторяется слово *сирота* (*сироты*), наряду с этим используется уничижительная форма этнонима: «Бьют челом бедные сироты Ваши, Чердынского уезда Вишерские и верх Печерские ясашные *Вогуличики*, сотник Ивашко Туйков, десятник Самсик Ленков, терешка Рычков и во всех вишерских и верх Печерских Вогулич место» (Грамота, данная вогулам, XVI в.) [Берх, 1821, 137].

Еще одна особенность функционирования этнонимов в текстах деловых документов – наличие собирательной формы: «Велено переписать и разобрать тех городов пехотного строю всяких чинов людей русских и татар и *мордву*» [СПП, 3, 67]; «Дожидались Березовских служилых людей с Казымскою *самоядью*» [Шишонко, 3, 719]; «И из тех подгородных деревень *Чювашу* и малочисленных людей на Уфу не пропускают» [Там же, 5 (3), 444].

Особенность деловых текстов в целом – их избыточность, многочисленные повторы. То же можно сказать и о специфике функционирования этнонимов. Так, в деловых документах этноним часто заменяется описательным оборотом (не *чудь*, а *чудской народ*; не *татарка*, а *татарская девка*; не *литовцы*, а *литовские люди*): «Дыроватой на левой стороне в 3 верстах от последнего... на поверхности его и соединенной с ним горы находится 3 пещеры, которые по преданию были некогда обиталищем *чудскаго народа*» [Попов, 1803, 24]; «А *татарская девка* Кулпика в роспросе во всем запырала же» [КА, 10]; «Против поляков и *литовских людей* и русских воров стоял крепко» [Шишонко, 1, 6].

Таким образом, категория этничности в деловом документе служит целям данного типа дискурса, что выражается в соблюдении норм делового языка, уточнениях сказанного различными способами, конкретизации высказываний.

В научном дискурсе этнонимы являются терминами, отражая в тексте существенные и необходимые признаки определенного этноса. Так, формулируя понятие *зюздинцы*, Г. Н. Чагин пишет: «Зюздинцы. Этническая группа в верховьях р. Камы на границе с Коми-Пермяцким автономным округом» [Чагин, 1994, 31].

Научные тексты отражают процессы становления этнотерминов. Так, ученые XIX в. для именования коми-пермяков использовали термин *пермяки*: «А целовальников Пермяки выбирают у себя сами, кто им люб» [Берх, 1821, 123]. Затем появляется форма *пермяки-коми*: «По собранным г. Малиевым в 1886 году сведениям, всех Пермяков-коми в уездах Глазовском, Слободском, Чердынском и Соликамском в настоящее время считается 90 000 человек» [Дмитриев, 1889, 23]. В научном стиле XX в. утверждается официальная форма *коми-пермяки*: «Известны примеры, когда русские крестьяне селились не на окраине ойкумены коми-пермяков, а в местах их компактного проживания» [Чагин, 1994, 38]. Этнотермин *русские* также прошел период своего становления. Так, в Вычегодско-Вымской (Мисаило-

Евтихievской) летописи, по наблюдениям Г. Н. Чагина, русское население Прикамья упоминается как *русаки*: «Царь Кулуг Султан пермяков и русаков вывел и посекал»; «Ногайские люди... русаков и пермяков побили» [Чагин, 1999, 104]. В деловых памятниках XVI – начала XVIII в. используется терминологическое словосочетание *русские люди*: «О выимке корчемных питей и табаку у черкас и русских людей» [СПП, 5, 56]. В работах современных исследователей употребляется этноним *русские*: «В 1989 году русских в Пермской области насчитывается 83,9 %» [Чагин, 1994, 37].

В научных описаниях категоризация этничности имеет четкий таксономический характер. Именно в них представлена классификация типов этнических объединений. Так, упоминаются:

– названия племен: «Крупным племенным объединением... было племя *гайна*» [Чагин, 2002, 239];

– названия этнических групп: «*Гайнинские башкиры* длительное время находились под влиянием татар, в том числе и тех, которые селились на этих землях» [Там же, 239]; «В уездах Осинском и Пермском *башкир-гайнинцев* насчитывалось 4 031 человек» [Там же, 239, 240].

Накопление категориальных знаний ведет к тому, что расширяется терминологический аппарат, требуются новые термины для определения сложных историко-культурных реалий. Так, в научных текстах этнонимные прилагательные являются маркерами, определяющими принадлежность определенного явления к какой-либо культуре. Когда требуется описать сложное в этническом отношении явление, специалисты обращаются к сложным формам этнонимных прилагательных: «В формировании говора пермских татар... решающую роль сыграло участие *поволжско-тюркского* компонента, который наслои́лся на местный – *финно-угорско-пермский*» [Черных, 2002, 42].

Диалектный дискурс относится к разговорному стилю речи, важный признак которого – диалогичность, выраженная явно (в диалогах) или не вполне явно (в разговорных монологах) [Матвеева, 1990, 112]. Территориальные диалекты, будучи средством общения населения исторически сложившихся областей со специфическими этнографическими особенностями, являются «универсальной формой накопления и трансляции этнокультурного своеобразия языковой картины мира диалектоносителей» [Брыкина, 2003, 6]. Функционирование этнонимов в диалектной речи связано с языковой компетенцией личности. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, компетенция в области идентифицирующих имен создается знанием их референции [Арутюнова, 1999, 24]. Референция этнического имени может быть:

1) известна говорящему: «Личность такая *мариец*. Глаза узкие. С женой был»; «*Манси* раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»¹;

¹ Здесь и далее приводятся записи диалектной речи из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета, собранной по материалам экспедиций в д. Акчим Красновишерского р-на Пермской обл.

2) неизвестна говорящему; в этом случае: а) говорящий признает свою некомпетентность: «Не видал, не знаю *ханты, манси*»; «Не видала *хантов, мансей*»; б) пытается произвести категоризацию самостоятельно, при этом обычно происходит генерализация этнонимического значения: «*Вогула* живут в юртах, а *зыряна*-то тоже *вогула*»; «*Вотяки* они тоже, наверно, *зыряна*, наверно, *вотьяк* и те, и другие»; «Сё равно хоть уж он *зырян*, а мась-то сё рано у их *вогульская*»; «У них *вогулов*] нации нету, только они сами подразделяются на *вогул* и *зырянов*».

Вместе с тем в любом из указанных случаев отмечается «чуждость», «заграничность» культуры соседей: «*Татара*, наверно, съели его с кобылой вместе. Он по лошадь ушел».

Но и представитель своего этноса описывается через особенности другой культуры, другого склада характера: «Да вот у нас тут в суседах есть парень. Такой чернуший, как *китаец*»; «Проспишь до утра. А утром глаза, как у *китайца*, станут. Распухнет лицо от комаров». Часто подобное обозначение становится устойчивым либо для отдельного человека, либо для целого коллектива, см.: «Сыпучане – *монгольцы*», «*Монголы* – в Сыпучах».

В сознании народа часто нет границы между этнонимами и катойконимами, что хорошо репрезентируют диалектные тексты: «Раз уж с Башкирии, так *башкирцем* и называм. Есть у него, ага, свой язык». Только по второй фразе можно установить, что речь все же идет скорее об этнониме, нежели о катойкониме или прозвище. «Многие есть *белорусы*. Из Белоруссии. Как их русскими назовешь?». Не различаются также собственно этнонимы и названия этноконфессиональных групп: «*Анфиза – кержачка*. Нация такая».

Иногда наблюдается окказиональное использование форм этнических наименований: «Соня на стрелке. Отец и мать греки были. Соня *гречка* была».

Категорию этничности в бытовом дискурсе представляют синонимичные термины *народ, нация, национальность*: «Есть такая *нация – башкиры*»; «*Украинцы – национальность* у них такая. Их же называют *хохлами*. Это у них прозвищю. Сами себя называют. Не серчают»; «*Цыгане*-то – своя *нация* у них». Реже используется лексема *сословие*: «Есть люди *вогульского сословья*».

Кроме общерусских этнонимов, в диалектном дискурсе функционируют народные названия этносов: перм. *алышка* 'татарка', *апайка* 'замужняя татарка, чувашка' [СРНГ, 1, 244]. Возникают народные названия отдельных этнических групп. Так, *чердаками* местное население называет этническую группу русских на севере Куединского района Пермской обл., сформировавшуюся в начале XIX в. из переселенцев Чердынского уезда Пермской губернии, *ишимой* – этническую группу русских, основу которой составляли помещичьи крестьяне, переселенные из Казанской и Нижегородской губерний [Черных, 1997, 22]. Среди русского населения различаются также этнические группы коренных уральцев – *челдоны* и выходцев из центральной России – *кацапы*: «Я вот, например, *челдонка*, муж – *кацап*». В ряде случаев носители пермских говоров реагируют на данное именование как обидное: «Сам ты *челдонья*, понятно? *Белорус!*»; «Вы нас *челдонцами* не называйте, если мы не такие слова говорим».

Функционирование этнонаименований в диалектном дискурсе отличает способность к образованию устойчивых сочетаний.

Очень продуктивен в пермской фразеологии этноним *татара*: *татара (молотят) в голове* 'головокружение, головная боль, тяжесть': «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове»; *татарам на хмель* 'ни на что не годен': «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь». – «Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель»; *татарин родился* 'о моменте мгновенной тишины': «Татарин, что ли, родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте». Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнонимические прилагательные: *коромысло татарское* 'высокий сутулый человек': «Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днем как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться». Это же прилагательное становится основой для образования орнитонима: *татарская ворона* 'одна из разновидностей семейства вороньих': «У нас новая птица появилась – татарская ворона. Похожа на галку, хохолок большущий, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок». Существует в говорах и фитоним с данным прилагательным: *татарские мыльца* 'травянистое лекарственное растение': «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» [Прокошева, 2002, 226].

Этноним *лоп* не представлен в Прикамье так ярко, как на Русском Севере, ср., однако, *Шиша да Лоп* 'случайные, незначительные люди; сброд, пустословы': «У нас пекаря Шиша да Лоп, плохо пекут, пьяницы, неохота робить-то».

В плане сопоставления «своих» и «чужих» показательны устойчивые сравнения. В сравнительных конструкциях, по наблюдениям лингвистов, «фиксируется социальный и культурный опыт языковой личности, находящий отражение в общей картине мира» [Еримбетова, 2006, 665]. В пермских говорах функционируют сравнения *как вогулы, как чучмеки, как чучкари* (чучмеками, или чучкарями, в Прикамье назывался древний народ – чудь): «Живем, как вогулы, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет» (Акчим); «Раньше чё, книжек не читали, радио не слышали, как чучмеки жили»; «Дикие, как чучкари жили, не смели ничего, кроме отца, сделать, ничего не знали, не учились дак» [Прокошева, 2002, 420].

Функционирование этнонимов в поговорках не имеет обычно такого глубокого смысла, как в других фразеологизмах. Оно зачастую просто подчинено рифме: «Сама *русска*, юбка *узка*», «*Вотяки-бурлаки*»; «Ты *татарин-басурман*, посадил девок в карман» и т. д.

В записях диалектной речи встречаются микропонимы, образованные от этнических имен, например *Мордовская делянка*: «Из Мордвы. Они работали там. И прозвали так – Мордовская делянка»; «Мордовская делянка – там мордва населяли, потом снова ушли».

Функционирование этнонимов в художественном дискурсе рассмотрим на материале романа молодого пермского писателя Михаила Строганова «Камни господни», повествующем о жизни в Прикамье XV в.

Представитель «чужого» этноса часто не называется конкретно, а именуется просто *иностранцем*: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца» [Строганов, 2006, 278]. Ту же функцию – номинации «чужих», независимо от национальной принадлежности, выполняет лексема *иноплемменные*: «Ведаю про измену вашу великую! И про то, что отложиться хотели к иноплемным!» [Там же, 262]. Представители и атрибуты «своей» культуры, напротив, называются конкретно. *Русские, русская казна, русские интересы, русский царь* – все эти этнонимы и сочетания с этническими маркерами выполняют функцию реально-исторической достоверности: «Мутная пелена воды размазывала, скрывала очертания, укрывая от глаз притаившихся в укрытии *русских* движения вражеского бойца» [Там же, 206]; «Иоанн смог совершить и давно замышляемое богомолье в Вологду, и восстановить активные переговоры с Елизаветой по отправке ей *русской казны*»; «Иоанн клял на чем стоит свет рыжую английскую потаскуху и, не считаясь с великим ущербом *русских интересов*, жаловал англичан все большими привилегиями»; «Только о том, что долготерпив и милосерд *русский царь*!» [Там же, 231, 236].

Сталкиваясь с реалиями русского культурного пространства, представитель «чужой» культуры чувствует себя неуютно: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо *иностранца* и не придавал значения, когда этот нелепый, заплутавший в *русских снегах* незадачливый купец, отчаянно размахивая руками, бросился ему навстречу»; «Деревья гулко скрипели, проклиная пришедшего к ним *чужака*, предсказывая ему забвение и погибель» [Строганов, 2006, 278, 194]. То же чувствуют русские, попадая в пермяцкие леса: «Даром все лето порты, лазая по *камням да лесам пермяцким* драли» [Там же, 245]. Человеку страшно оказаться в окружении всего «чужого»: «Да как же без *Руси* да среди *вогул*? – удивился Снегов. – Они своих-то не жалуют, а чужаков и подавно!» [Там же, 191].

Яркой репрезентацией оппозиции «свое – чужое» являются наречия *по-нашенски, по-русски, по-казацки, по-турецки* и другие, отражающие особенности поведения того или иного этноса: «“Вот это по-нашенски!” – казак обрадованно посмотрел уходящему Бенедикту вслед»; «Кончай выщупывать чертеняк, ступай в терем. Сами дознаваться станем. По-русски»; «Дозволь мне, за дружка милого, пытнуть ее по-казацки, без клятой премудрости! Все мигом скажет!»; «Василько в одном исподнем сидел по-турецки на змеином камне и лепил фигурки из хлебного мякиша» [Строганов, 2006, 142, 141, 34].

Отметим черты представителем чужой культуры, являющиеся предметом стереотипизации:

1) особенности одежды и ухода за внешностью: «В день высокочтимого царем пророка Ионы чернокнижнику Бомелию было велено явиться в опричный дворец, но не в обычном для него *немецком облачении*, а переодевшись в *русское платье*»; «Правда ль, что *немчура* свой волос всюду на теле вводит?» [Строганов, 2006, 233];

2) особенности речи «чужих» – отмечается непонятность речи, многословие или острословие: «Ивашка слыл знатным звериным скоморохом, однако не брезго-

вал показывать и блудливые сценки со сквернословием, потешая крестьян *татарскими бельмесенами*; «Узнаю зубоскалие казацкое!» [Строганов, 2006, 256, 172];

3) особенности вероисповедания «чужих»: «Оттого *вогульцы* идолов кровью мажут, то плетьюми секут, то маслом медную голову оботрут, то гвоздей в пузо наколотят»; «Или сам в *вогульские* идолы веруешь, да оттого перед ними и трепещешь?»; «Что если превратится в *вогульского* истукана-менква, который и от дерева неотличим, и в любое существо обернуться может?» [Там же, 15, 16].

Наряду с эндоэтнонимами встречаются в романе экзоэтнонимы – этнические имена, которыми пользуются представители других народов для называния русских: «Руч! – раздался голос толмача, – князь предлагать поединок. Твой побеждать – тогда жить!» [Там же, 206].

Используются в романе и вторичные этнонимы – этнолексемы, перешедшие в другие разряды онимической лексики, например в зоонимы (лошадь *Монгол*): «Василько спрыгнул с Монгола и пошел рядом с Данилою» [Там же, 203].

Поскольку этнические имена зачастую имеют широкий спектр коннотаций, они являются элементами прецедентных высказываний – устойчивых сочетаний, поговорок, песен: «*Казак казаку* и поп, и брат!»; «Василько запел: “По саду, по садику *казаки* ходят, они ходят-гуляют – Красных девок выбирают”»; «Был *казачком*, да стал дурачком» [Там же, 172, 171].

Особенно интересно использование образованных на основе этнонимов абстрактных понятий: ««Сукин сын!» – выругался Бомелий и, дрожа от холода, рассмеялся наступившей в нем русскости» [Там же, 149].

Основной целью публицистического дискурса является передача информации различных типов. Публицистический дискурс в информационном отношении разнообразнее делового и научного и сосредоточен на информации, отобранной под углом зрения актуальности и новизны [Мамалыга, 1983]. Этнические имена могут приобретать особую актуальность в связи с выходом в свет новой книги. Так, на страницах пермской газеты «Звезда» 19 ноября 2004 г. было опубликовано интервью с автором книги «Тулвинские татары и башкиры», кандидатом исторических наук А. В. Черных. В данном тексте (и подобных ему) этнонимы и производные от них несут сведения энциклопедического характера, поэтому интервьюируемому приходится истолковывать смысл того или иного этнонима:

– В вашей книге также встречается и такое слово, как *тептяри*. Это кто такие?

– Уже после того, как башкиры, смешавшись с местными народностями, освоили прикамские земли, появились тептяри – переселенцы из Поволжья, бежавшие оттуда после падения Казанского ханства, не желавшие подчиняться Ивану Грозному. Они селились на землях башкир, платя оброк. В составе тептярей могли быть казанские татары, удмурты-ары, чуваш, марийцы – кто угодно. Русских, как правило, не называли тептярями, хотя те, массово переселяясь, тоже арендовали землю у башкир.

Отражением специфики материальной и духовной культуры народов Прикамья являются функционирующие в тексте наречия, образованные от этнонимов:

«Многие элементы культуры имеют местные корни, которых нет у тех же поволжских татар. Например, обувь из шкур лошадей, которая *по-татарски* называется “кондырыйк”».

Значительную роль в публицистическом тексте играет категория образности. Традиционными можно считать применительно к народам многонационального Прикамья метафоры *мозаика народов*, *мозаика культур*: «Прикамье – это мозаика народов, нравов, культур, которые в разное время пришли сюда», – говорит А. В. Черных [Звезда, 2004, 19 ноября]. «Мозаика культур» – так называет свою статью Марина Шилова [Местное время, 2004, 24 ноября].

Названия народов входят в названия местных национальных организаций (эргонимы), что также отражают публицистические тексты: «В области действует организация – некоммерческое партнерство информационного и культурного содействия украинцам – культурно-деловой центр “Украинский дом”» [Жизнь национальностей, 2001, № 4].

Отражаются в текстах публицистического дискурса народные названия этносов, например *могили*. Известный пермский писатель и общественный деятель А. Старовойтов пишет: «В Сивинском районе, уроженцем которого я являюсь, до сих пор много фамилий белорусского происхождения. Местное население называло да и сейчас называет всех выходцев из Белоруссии могилями, поскольку большинство из них перебрались в наши края из-под Могилева» [Жизнь национальностей, 2001, № 4].

Итак, функционирование этнонимов определяется той сферой, в которой используется тот или иной текст. Вместе с тем можно говорить о том, что существует некий этнический фрагмент языковой картины мира жителей Пермского края, определяющими признаками которого является антропоцентризм, наличие оппозиций «свой – чужой», «мы – они», а также стереотипное восприятие явлений «чужого» культурного пространства.

Несмотря на функциональные различия, этнонимы представляют собой единицы пермского текста, «локального текста», который, по наблюдениям В. В. Абашева, является двуаспектным. «С одной стороны, это существенное символическое единство отдельных авторских текстов (художественных, документальных, публицистических, научных и т. д.), объединенных предметом описания – определенным локусом: городом, местностью или даже целой страной. С другой – локальный текст – идеальная смысловая проекция локуса, его смысловая индивидуальность, интуитивно внятная любому человеку, принадлежащему данному ландшафту» [Абашев, 1996, 18]. В свою очередь, понимание пермского этнонимического пространства как текста позволяет увидеть за совокупностью этнонимов языковую личность их коллективного автора. Этот текст, не обладая связностью, является цельным.

- Абашев В. В.* Локальный текст как культурная реальность // *Филология на рубеже XX–XXI веков*. Пермь, 1996. С. 17–18.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Берх В.* Путешествие в города Чердын и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.
- Брыкина Е. В.* Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003.
- Дмитриев А. А.* Пермская старина. Вып. 1–5. Пермь, 1889–1892.
- Еримбетова А. М.* Компаративный фрагмент семантического микрополя «человек» // *Новое в когнитивной лингвистике*. Кемерово, 2006. С. 664–669.
- КА – Кунгурские акты XVII века. СПб., 1888.
- Ковалев Г. Ф.* Этнос и имя. Воронеж, 2003.
- Колодина Н. И.* Отражение менталитета русского народа в художественных текстах через репрезентацию смыслов // *Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI вв.* Воронеж, 2001. С. 80–82.
- Мамалыга А. И.* Структура газетного текста. Киев, 1983.
- Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.
- Олеико В.* Журналистика как творчество. Екатеринбург, 2002.
- Полякова Е. Н.* Особенности отражения разговорно-бытовой речи в пермских деловых памятниках конца XVI – начала XVIII века // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь, 2005. С. 209–213.
- Попов Н. С.* Хозяйственное описание пермской губернии. Пермь, 1803.
- Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII вв.: В 6-ти вып. Пермь, 1993–2001.
- Строганов М.* Камни господни. СПб., 2006.
- Чагин Г. Н.* Зюздинские коми-пермяки; Народы Прикамья; Русские; Сылвенские марийцы; Оханские коми-пермяки // *Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии*. Вып. 1. Пермь, 1994.
- Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1999.
- Чагин Г. Н.* Коми-язвинские пермяки – древнейший народ Северного Урала. Красновишерск, 2002.
- Черных А. В.* Этнические особенности русских башкирского пограничья // *Пермский край: прошлое и настоящее*. Пермь, 1997. С. 22–23.
- Черных А. В.* Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX века. Пермь, 2002.
- Черных А. В.* Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI–XX вв. // *Этнический мир Прикамья*. Пермь, 2003. С. 7–31.
- Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Периоды 1–5. Пермь, 1881–1885.

* * *

Татьяна Александровна Сироткина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета.

ФИННО-УГОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТОПОНИМИИ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 6

Д. В. Кузьмин

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОЕНИИ БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ ЗАПАДНОФИНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ (ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ)

*The article discusses the issues of colonization of the territory of modern Karelia by the Yem tribe, as well as its role in the making of the Karelian ethnos. Migration of people from the territory of Finland to Karelia, is probably evidenced in geographical names with the stem **Hämeh-** 'Yem' that are perhaps the sole source to attest to the presence here of population from Hjame. Meanwhile, some place-names in **Hämeh-** may originate not from the ethnonym, but instead be motivated by poor illumination of the geographical object, cf. Balt.-Finn. stem **hämä-** : **hämä-rä** 'dark'.*

Данные топонимии широко используются при решении вопросов, связанных с формированием того или иного этноса: они маркируют границы бывшего расселения древних племен, а также устанавливают пути и время их миграций на те или иные территории. Наиболее достоверными в этом отношении являются географические названия, имеющие в своей основе этнонимы, что позволяет с достаточной уверенностью говорить о пребывании того или иного этноса на исследуемой территории.

В свете последних топонимических данных, относящихся к территории современной Карелии, вновь возникает вопрос о колонизации емью севернорусских территорий, который решался в первой половине XX в. Д. В. Бубрихом и И. П. Шаскольским. История изучения этого вопроса уходит корнями в начало XIX в., когда российскому ученому, одному из первых исследователей истории Финляндии, А. Х. Лербергу удалось найти ответ на вопрос, связанный с идентификацией племени *емь*, которое часто упоминается в русских летописях, отражаю-

щих события IX–XIII вв. В работе «О местообитаниях еми» Лерберг высказал точку зрения, согласно которой *емь* русских летописей – это основное финское племя *Häme*, издавна жившее в южной Финляндии. На основе летописных сведений Лерберг установил, что задолго до начала шведского завоевания Финляндии, с XI до середины XIII в., *емь* была подчинена древнерусскому государству и находилась под значительным политическим и культурным влиянием Древней Руси [Шаскольский, 1950, 93–94]. Об этом свидетельствует, например, булла 1237 г. папы Григория IX, указывающая на отпадение *ями* (еми) от католицизма и призывающая к крестовому походу против нее [МПИК, 1941, 68].

Вслед за Лербергом российский академик И. А. Шегрен опубликовал работу «О древнейших местообитаниях еми». По его мнению, до середины XII в. еми в Финляндии еще не было. Шегрен предполагал, что первоначально она обитала в юго-восточном Приладжье и юго-западной части Заволочья и лишь в середине XII в. под натиском русских представители этого этноса переселились в Финляндию. Согласно Шегрену, часть еми при этом была оттеснена на восток, в район Вычегды и Яренска, где впоследствии слилась частично с пришлым русским населением и частично с местным пермским населением; небольшая же часть еми осталась в Приладжье и образовала впоследствии вепсский народ [Шаскольский, 1950, 95]. Отправной точкой для этих построений послужило ошибочное указание Татищева на наличие еми в Заволочье и на Свири в XI в. [Там же]. Мнение Шегрена поддерживалось и господствовавшей тогда урало-алтайской теорией, согласно которой финны, вепсы, карелы и вообще все население севера и востока Восточной Европы явилось из глубин Азии [Бубрих, 1950, 81].

В поисках доказательств Шегрен использовал и произвольно толкуемые им письменные источники, и топонимию, и фольклор. Большое внимание исследователь уделил названию селения *Гам* на Вычегде и собранным им легендам о племени *Гам*. В качестве топонимических примеров Шегрен приводит также названия рек *Еменга* (бассейн р. Онега) и *Емца* (левый приток р. Северная Двина)¹. В качестве доказательства своей теории Шегрен привлекал и само название *емь*, которое он связывает с эст. диал. *hätt*, *hätte* ‘сырость’, помещая при этом свою *емь* в места, которые не отличаются сухостью [Там же, 82].

По-иному стали трактовать древнюю историю племени *емь* в Финляндии в начале XX в. Согласно новой точке зрения финских историков, с очень ранних пор – с первых веков нашей эры – в западной Финляндии формировалось два племени, предки которых переселились с южного берега Финского залива: *сумь* и *емь*. Этой же точки зрения придерживается и Д. В. Бубрих [1947, 15]. По его мнению, приблизительно с VI в. охотники из еми, двигаясь на восток, стали достигать западного побережья Ладожского озера. Постепенно на Карельском перешейке около Ладожского озера, а отчасти у его северного побережья стало собираться емское

¹ Позже, в 1924 г., последователь теории Шегрена В. Лыткин в работе о языковом составе нижней Вычегды в XIV в. приводит еще два названия, которые, по его мнению, оставила после себя *емь*: *Емва* и *Емваль* [см.: Бубрих, 1950, 91].

население, к которому в незначительной мере примешивались выходцы из более южных районов. К XII в. это население, емское по происхождению, обособилось как отдельное племя – *корела*. Еще до своего обособления, а также после него это население продвигалось все дальше в восточном направлении. Оно рано появилось у Белого моря и в низовьях Северной Двины. К этому же времени относится освоение емским населением и современной Карелии, а также территорий за Онежским озером [Бубрих, 1950, 83].

Согласно современным представлениям, формирование еми происходило на северном побережье Финского залива, откуда затем еми начала освоение территорий, расположенных севернее, во внутренней Финляндии. В языковом плане *håme* возводится к северному прибалтийско-финскому прадиалекту [Itkonen, 1983, 17].

Все эти сведения говорят о разном отношении финских и российских ученых к проблеме взаимоотношений еми и Новгорода в XI–XIII вв. При этом одним из самых принципиальных является вопрос о зависимости емских территорий от Новгорода. В то время как русские исследователи приводят факты, подтверждающие, что еми платила налоги русскому государству, финские ученые подчеркивают независимость еми, а также указывают на привносимое ею западное влияние на восток [Kirkinen, 1963, 26].

Непростым остается и вопрос о проживании еми в бассейне Северной Двины. Финский исследователь Й. Миккола, анализируя материалы о военных походах Новгорода XI в., приходит к выводу, что они были направлены на территорию бассейна этой реки, где, согласно Шегрену, проживала одна из групп еми. Исходя из этого Й. Миккола заключает, что еми в то время жила как на территории современной Финляндии, так и к востоку от Онежского озера [Kirkinen, 1963, 26]. Х. Киркинен приводит еще ряд свидетельств, подтверждающих точку зрения Й. Микколы. Среди них и устав князя Святослава Ольговича 1137 г. о взимании церковной десятины в Обонежье, где фиксируется *емь*, и упоминание в летописи 1342 г. о новгородском боярине Луке, который основал крепость Орлец и захватил обширные территории с помощью *еми*, проживавшей на р. Емца, и предания о сопротивлении принятию христианства чудской *емью*, которые были записаны в XIX в. на территории бассейна Северной Двины [Там же]. Все вышеперечисленное, как утверждает Х. Киркинен, указывает на существование двух групп еми, однако исследователь не отвечает на вопрос, есть ли у финской и двинской еми что-либо общее кроме того, что они относятся к финноговорящему населению². Финский ученый Й. Вахтола, говоря о бывшей мощной колонизации емью обширных территорий, включая побережье Белого моря, предполагает, что двинская еми могла являться частью единого емского народа, переселившейся в двинские земли с территории Хяме [Vahtola, 1980, 290–291].

² При этом, впрочем, в более поздней работе Х. Киркинен высказывает предположение о том, что общей прародиной финской и двинской еми могла быть территория Прибалтики в праязыковое время [Kirkinen, 1984, 269].

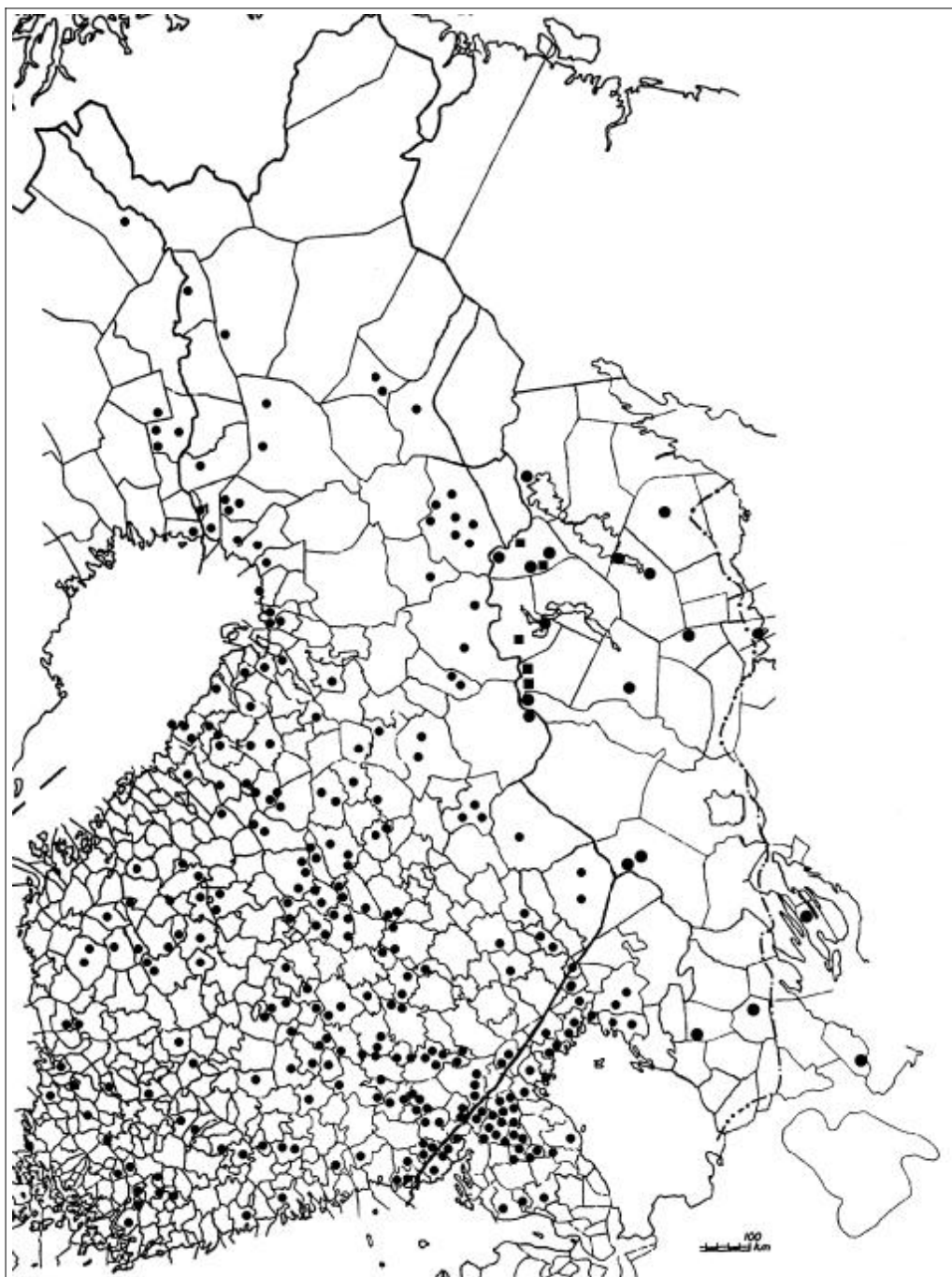
По сложности и неразрешенности этой дискуссии ясно, что невозможно оставить без внимания вопрос, связанный с колонизацией емью территории современной Карелии, равно как и вопрос о роли племени емь в формировании карельского этноса.

Как можно предполагать, о приходе в Карелию населения с территории Финляндии свидетельствуют топонимы с основой *Häme(h)*- 'емь'. В карельской топонимии зафиксировано несколько десятков названий этого типа, ср.: бол. *Hämehsuo* (Тетринаволоок); возв. *Hämechselgy* (Кибринаволоок, Пряжа); горки *Hämechkod* (Каскесручей); д. *Hämech*, *Hämechenvuara* (Тихтозерская волость) и *Емечевская* (варианты *Гемечевская*, *Ямечевская*) (Заонежье); заливы *Hämechlaksi* (Тетринаволоок, Шолопово) и *Hämechenvongu* (Кибринаволоок); мысы *Hämecheniemet* (Пиртигуба, Кибринаволоок); овраг *Hämechrova* (Другая река); оз. *Hämechenjärvi* (Хяме, Виччино), *Хямеге* (**Hämechenjärvi*) (Заонежье), *Емозеро* (Колежма) и *Емежозеро* (Кандалакша); о-ва *Hämech(en)suari* (Тетринаволоок, Пиртигуба, Корелакши, Мальвиайни, Пузамолакши), а также *Гямостров* (**Häme(h)suari*, совр. *Ямостров*) (Шуерецкое) и *Еместров* (Колежма); пок. *Hämegist* и *Hämegeine* (Другая река); пороги *Hämechkoski* (Чирка-Кемь, Шолопово, Пибозеро, Оланга); пролив *Hämechsalmi* (Виччино); р. *Hämechjoki* (Чирка-Кемь); руч. *Hämech(en)oja* (Кибринаволоок, Пряжа) и *Еменка* (Заонежье); яма *Hämechhauda* (Гимола).

Названия с основой *Häme(h)*- принято считать свидетельствами бывшего емского влияния, которое распространилось когда-то на обширные территории проживания различных этнических групп. При этом топонимы данного типа, а также другие модели предположительно емского происхождения, зафиксированные на территории Карелии, являются едва ли не единственным источником, который мог бы подтвердить факт пребывания здесь западнофинского населения в разные периоды истории карельского этноса.

Топонимы с основой *Hämech*- фиксируются на территории проживания людей и северных веписов, в топонимии ливвиковского и собственно карельского ареалов, главным образом в Беломорской Карелии, а также в русских зонах Заонежья и Беломорья (см. карту). Наибольшая концентрация топонимов этого типа все же отмечается в Приладожье, на родовой территории карельского народа, и свидетельствует, по всей видимости, об активных контактах древних корелы и еми в пределах этой территории на ранних исторических этапах [Nissilä, 1939, 387; 1975, 156]. Одной из возможных причин появления в Приладожье названий с основой *Hämech*- могло быть очень раннее промысловое освоение восточных территорий охотниками и рыболовами из Хяме. Д. В. Бубрих в работе «Происхождение карельского народа» пишет, например, что приблизительно с VI в. представители племени ямь (емь) в своих поездках в восточном направлении стали достигать Ладожского озера, а позднее приняли непосредственное участие в формировании карельского этноса. Исследователь отмечает также, что археологические находки VI–VIII вв. на западном побережье Ладожского озера указывают на то, что в это время данная территория по преимуществу была связана именно с емью [Бубрих, 1947, 15].

Названия с основой *Hämech*- могли появиться и в результате переселения Присайменской и Привыборжской Корелы, а также, возможно, миграции с восточных

Ареал распространения топооснов *Häme**h*-/Häme(en)-:

● – *Häme*; ■ – *Hämläini* (неофициальная фамилия).

территорий Хяме на рубеже XIII–XIV вв. и особенно после заключения Ореховецкого мирного договора 1323 г. Причиной этому могло послужить вовлечение населения упомянутых территорий во второй половине XIII в. в сферу влияния Швеции, которая, как известно, была враждебно настроена по отношению к Новгороду [Бубрих, 1947, 15]. Как уже упоминалось, до середины XIII в. емь (особенно жившая в восточных областях Финляндии) больше тяготела к Руси, чем к Швеции [Бубрих, 1950, 87]. Этот факт подтверждается сведениями из «Хроники Юстена» о помощи карел еми, восставшей против шведов в начале 40-х гг. XIII в. [История Карелии, 2001, 91–92]. Поэтому нам кажется вполне возможным, что с переходом под власть Швеции часть емского населения, не желая оставаться в подчинении враждебному государству, могла переселиться на территории, принадлежащие Новгороду. Результатом этого стало, по-видимому, возникновение названий с основой *Hämeen-* в местах, где емское население попало в среду карел. Об этом свидетельствуют и многочисленные названия с основой *Karjala-* на родовой территории карельского народа, которые, по мнению Й. Вахтола, могли появиться именно в среде емского населения [Vahtola, 1980, 316].

Названия на *Hämeen-* на Карельском перешейке могли возникнуть и после 1323 г. Одной из возможных причин этого могло быть переселение сюда выходцев из западной Финляндии в период позднего средневековья (1324–1520), которые попали в среду постепенно финнизирующегося карельского населения, оставшегося здесь после заключения мирного договора 1323 г. Известно, к примеру, что за карелами в отторгнутой шведами западной части Корельской земли оставались в собственности «воды, земли и логовища» (рыболовные, пушные промыслы и пашни) [История Карелии, 2001, 72]. Д. В. Бубрих также пишет, что еще в XVI в. шведским властям приходилось бороться с «русской закваской» в среде Привыборгской и Присайменской Корелы, массово сохранявшей русские фамилии и обычаи [Бубрих, 1947, 36]. Вероятно, некоторые из названий могли появиться и в результате военных действий между Новгородом и Швецией, которые велись на этих территориях на протяжении XII–XIII вв., поскольку корела и емь, втянутые в государственную политику обеих держав, стали враждовать.

На карте распространения названий с топоосновой *Häme(h)-* мы видим, что они достаточно широко представлены на всей территории Финляндии. Большую их часть составляют названия удаленных промысловых владений, а другую, менее многочисленную – названия мест проживания, связанные с родовыми прозвищами (фамилиями) жителей [Valonen, 1984, 87]. Таким образом, распространение названий данного типа свидетельствует о том, что вся Финляндия когда-то была подвержена влиянию представителей древней еми. Согласно карте значительную часть топонимов с основой *Häme(en)-* на территории современной Финляндии образуют названия, которые тянутся широкой полосой из Приладожья к северной части Ботнического залива. По мнению Й. Вахтола, это свидетельствует о мощной экспансии карел, которые устремились осваивать обширные территории к северу и северо-западу от своей прародине: топонимами с основой *Häme(en)-* они отмеча-

ли места, где соприкасались с емью. Такую активность карельского населения Й. Вахтола связывает с периодом подъема и расцвета древнекарельской культуры [Vahtola, 1980, 97].

Наибольший интерес представляет группа этнопонимов с основой *Hämeh-* на территории современной Карелии. Появление данной топоосновы может быть связано, на наш взгляд, с миграцией карел на территорию России в конце XVI – первой трети XVII в. Одной из причин этой миграции было глобальное потепление в северном полушарии в первой половине XVI в., вызвавшее рост населения и, соответственно, его отток на новые места проживания. Передвижение карел в Россию усилилось со второй половины 1560-х гг. в результате Ливонской войны и опричнины, а позже и шведской оккупации Корельского уезда в 1580–1597 гг. [История Карелии, 2001, 113, 136]. Это переселение приняло массовый характер при передаче Корельского уезда под власть шведской короны в феврале 1609 г. [Там же], а также после Столбовского мирного договора 1617 г. Возможно, вместе с карельским в Россию переселялось и некарельское население, результатом чего стало появление интересующих нас этнонимических названий. Подтверждением правомерности такого предположения может служить указ царя Бориса Годунова об освобождении от выплаты налогов жителей Корельского уезда, в том числе финнов и шведов («латышей Финские и Свейские земли»), переселившихся на территорию Корельского уезда во время его оккупации и не пожелавших возвращаться назад в королевство [Там же]. Из истории Карелии известно, например, что в апреле 1656 г. в Олонец прибыло 122 карела и вместе с ними 20 финнов-лютеран с территории Корельского уезда [Jeskanen, 1998, 255]. О том же свидетельствуют топонимы емского и карельского происхождения, которые отмечаются на всем протяжении тех водных путей, по которым когда-то продвигалось карельское население из Приладожья через территорию бывшего Корельского уезда в современную Беломорскую Карелию. Напомним, что это была третья волна переселения корелы, которая устремилась в современную среднюю и северную Карелию.

О пребывании западнофинского населения на территории современной Карелии свидетельствуют немногочисленные исторические документы, народные предания, а также неофициальные фамилии, зафиксированные преимущественно в Беломорской Карелии – последний факт, на наш взгляд, также может быть свидетельством того, что западнофинское население появилось здесь относительно поздно, поскольку заселение Беломорской Карелии начинается главным образом в первой половине XVII в. Так, в документе 1556 г. под названием «Отводная сотная выпись... на государевы земли и угоды в Сумской волости» упоминается *варница Фетковская Ямлена* [МПИК, 1941, 184], именование владельца которой может указывать на его емские корни. В Дозорной книге Лопских погостов 1597 г. в окрестностях села Шуерецкое зафиксировано название *Гямостров* (*?Hämeh(h)suari, совр. *Ямостров*), в котором, вероятно, отразился интересующий нас этноним [ИК, 1987, 218]. Отметим, что приведенные документы являются

самыми ранними среди тех источников, которые предположительно указывают на представителей западнофинского населения на территории Карелии³.

Далее, в документе 1773 г. говорится о работнике одного из жителей севернотюхтинской деревни Тирозеро по имени *Сава Хямхеляйнен* (*?*Häme(h)läinen*), обвиняемом за воровство оленей на территории Финляндии [Kortessalmi, 1996, 214]. Этот факт, а также само родовое прозвище (неофициальная фамилия) *Хямхеляйнен* могут свидетельствовать о емских корнях этого рода. Также заметим, что по соседству с вышеупомянутой деревней находилась трехдворная деревушка *Хямяхенвуара*, из которой мог быть родом этот самый Сава.

В 30-е гг. XIX в. исследователь финно-угорских языков академик М. А. Кастрен побывал в Беломорской Карелии и записал родовые предания жителей нескольких беломорских деревень. На основании этих преданий Кастрен сделал вывод о том, что население из Хяме могло прийти в Беломорскую Карелию достаточно рано [Castren, 1852, 86]. Впрочем, действительно достоверным в этом отношении является лишь одно предание, связанное с заселением деревни *Хяме* (*Häme*). Согласно этому преданию, пять поколений назад, т. е. приблизительно на рубеже XVII–XVIII вв., с территории Хяме в Беломорскую Карелию пришло население, представители которого в 1825 г. называли себя *Hämäläiset*, т. е. «ямляне» [Pöllä, 1995, 146]. Первое упоминание о деревне *Хяме* в форме *Гаме* содержится в описании Российского приграничья, сделанном генерал-майором М. Матюшкиным в 1718 г. Согласно его сведениям, деревня находилась на берегу озера *Гаме* (совр. *Hämeenjärvi*) и состояла из одного двора; в этом же документе фиксируется и река *Гаме* (карел. *Hämejoki*) в районе деревни Чирка-Кемь на юге Беломорской Карелии [Чернякова, 1998, 61, 63]. Родовое прозвище (неофициальная фамилия) *Hämäläini* зафиксировано также в трех деревнях западной Беломорской Карелии: в Чене [Ervasti, 1918, 199], Каменном озере и Аконлакше. Представители этого рода из деревни Каменное озеро, чья официальная фамилия в конце XIX в. была Богдановы, рассказали, что род их пришел из Финляндии. М. Пелля предполагает, что жители с прозвищем (фамилией) *Хямяляйни* из деревень Хяме и Каменное озеро являются двумя ветвями одного и того же рода, который в конце XVII – начале XVIII в. переселился в Беломорскую Карелию [Pöllä, 1995, 146]. В XVI в. родовое прозвище (фамилия) *Хямяляйнен* было широко распространено в области Саво, в Выборгской Карелии и на территории Карельского уезда, а с начала XVII в. фиксируется также в Кайнуу [Там же, 136]. Возможно, причиной переселения некоторых представителей этих родов на территорию карельского Беломорья стали события 1617 г. (Столбовский мирный договор), что и привело к появлению здесь названий с основой *Häme*.

Некоторые исследователи предполагают, что род известного рунопевца Архипа Перттунена из деревни Ладвозеро также пришел с территории Хяме, поскольку

³ М. В. Витов указывает, что в летописных источниках (каких именно, автор не уточняет) на этой территории иногда упоминается *емь*, а также обращает внимание на то, что к приходу русских в Заонежье были расселены *лопь*, *чудь заволоцкая*, *весь* и *приладожская емь*; с XII в. в Заонежье упоминается и *корела* [Витов, 1962, 42, 61–62].

из предания, записанного в 1839 г. Кастреном, известно, что род переселился в Карелию из Орихвеси (*Orihvesi*), известного на территории проживания еми [Niemi, 1904, 9]. Другого мнения придерживается Х. Киркинен, который полагает, что данное название следует связывать с другим Орихвеси – озером, находящимся между озерами Паасивеси и Пюхяселькя в Корельском уезде и входящим в хорошо известный карелам водный путь из Приладожья к берегам реки Оулуйоки и далее к Ботническому заливу [Kirkinen, 1988, 103]. Данное предположение поддерживается рассказом сына Архипа Перттунена о том, что первый представитель их рода бежал с территории Финляндии в Россию, поскольку был карелом [КФ, 1992, 233]. Это подтверждают и исторические документы XVIII в., в которых представители данного рода именуются «прописными»: это означает, что в глазах властей они были людьми местными, поскольку так именовали только «старинных» крестьян российских территорий [Чернякова, 1998, 46]. Других сведений, которые могли бы прямо указывать на приход населения в Карелию с территории Хяме, в преданиях не обнаруживается.

Разумеется, нельзя исключить, что топооснова *Hämeh-*, а также модели емского происхождения в топонимии Беломорской Карелии могут указывать и на достаточно раннее, докарельское освоение этой территории емью. Так, по мнению финского исследователя М. Пелля, появление емской топонимии в Беломорской Карелии датируется концом железного века, когда через эту территорию проходили торговые пути, связывающие Северную Норвегию и Юго-Западную Финляндию с финно-угорским населением северо-востока Европы [Pöllä, 1990, 29]. Можно предположить, что одним из таких ранних топонимов является название залива *Hämehenlaksi* в окрестностях приграничной деревни Тетринаволока в Беломорской Карелии: с берега этого залива, согласно сведениям информантов, начиналась дорога в Финляндию. Однако сомнительно, что указанный путь может быть связан с таким отдаленным историческим периодом, о котором пишет М. Пелля.

Возможно, при решении вопроса об истоках названий на *Hämeh-* в Беломорской Карелии следует вести речь о промысловом освоении этой территории жителями Западной Финляндии, что косвенно подтверждается некоторыми сведениями, записанными Ювелиусом в 1887 г. в деревне Панозеро, расположенной в центральной части Беломорской Карелии: «До грабительских войн (нач. XVIII в.) приходило в Карелию финское население (карел. *ruocit*) в мирных целях для добывания жемчуга в порогах» [Juvelius, 1888, 63]. К таким местам, например, могут относиться пороги с названием *Hämehkoski* в окрестностях деревень Шолопово, Оланга, Чирка-Кемь и Пибозеро. Т. А. Бернштам указывает, что в XIX в. кустарная добыча жемчуга в Онежском и Кемском уездах находилась в руках карел и пришлых финнов [Бернштам, 1978, 119]. Р. Росен в статье, посвященной заселению российской Карелии, отмечает, что на основании давней традиции у некоторых жителей Финляндии некогда существовали права на пользование землей на территории Карелии. В качестве примера Р. Росен приводит датируемые концом XVII в. сведения, согласно которым два жителя Финляндии – Туомас Хайкарайнен из Виекки и Антти Антинпойка из Палоярви – в течение нескольких лет варили соль на побе-

режье Белого моря в районе села Сорока (совр. Беломорск) [Rosen, 1938, 57]. Все изложенное свидетельствует о том, что в истории Карелии, по-видимому, были периоды, когда подданные Шведского королевства могли использовать эти отдаленные промысловые территории в своих целях. Возможно, этим обстоятельством и объясняется большинство известных в Беломорской Карелии топонимов с основой *Häme(h)-*, которые фиксировали право емского населения на использование тех или иных природных объектов. Иначе говоря, топонимами с основой *Häme(h)-* карельское население могло отмечать те места, где оно соприкасалось с представителями еми.

Стоит, однако, заметить, что не для всех названий с основой *Häme(h)-* вероятно этнонимическое происхождение. Так, часть названий этого типа может отражать восприятие слабой освещенности географического объекта, в связи с чем ср. прибалтийско-финскую основу *hämä-*, представленную в *hämä-rä* 'темный', *hätu* 'сумрак' [Koivulehto, 1997, 161–162], *hämä-ri* 'потемки' [СКЯ]. В пользу этого предположения свидетельствуют данные с вепсской территории, где информанты сами обращают внимание на затемненность некоторых мест, именуемых топонимами с этой основой. Не исключено также, что за отдельными названиями интересующего нас типа скрываются карельские формы русских православных имен. В названии заонежской деревни *Емечевская* (вариант *Гемечевская*, *Ямечевская*) в качестве производящей основы выступает скорее карельский вариант русского имени *Емельян* (карел. *Jetssi*), нежели русскоязычный вариант этнонима *Häme(h)-*. В связи с этим нельзя не отметить, что на территории Заонежья карельские православные и неправославные имена неоднократно зафиксированы в составе ойконимов: ср. *Микково* < *Mikko* 'Михаил'; *Артово* < *Arto* 'Артемий'; *Таровская* < *Taro(i)* 'Дорофей'; *Кургеницы* < **Kurgi*, от карел. *kurgi* 'журавль'; *Кукоевская* < **Kukko*, от карел. *kukko* 'петух'; и др.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время можно делать только приблизительные предположения о причинах появления топонимов с основой *Häme(h)-* на территории Карелии. Значительную их часть, на наш взгляд, составляют названия промысловых владений, другую часть – названия мест проживания, связанные с родовыми прозвищами (неофициальными фамилиями) жителей. Таким образом, распространение на территории Карелии названий с основой *Häme(h)-* может быть свидетельством вхождения западнофинских переселенцев в среду карельского населения этого региона.

Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Бубрих Д. В. Не достаточно ли емских теорий? // Изв. Карело-финского филиала Акад. Наук СССР. 1950. № 1. С. 35–54.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. М., 1962.

- ИК – История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск, Йоенсуу, 1987.
- История Карелии – История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
- КФ – Карельский фольклор. Петрозаводск, 1992.
- МПИК – Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск. 1941.
- СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
- Шаскольский И. П.* О емской теории Шегрена и ее последователей. (О статье Д. В. Бубриха «Не достаточно ли емских теорий?») // Изв. Карело-фин. филиала Акад. Наук СССР. 1950. № 1. С. 93–102.
- Чернякова И.* О чем не рассказал Элиас Леннрот...: К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998.
- Castren M. A.* Nordiska resor och forskningar I. Helsingfors, 1852.
- Ervasti A. W.* Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Helsinki, 1918.
- Itkonen T.* Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä, 1983.
- Jeskanen M.* Karielat hormilla kessessa. Sisä-Venäjän, erityisesti Tverin alueen karjalaiset // Karjala, kansa, kulttuuri. SKST 705. Helsinki, 1998. S. 255–276.
- Juvelius J. W.* Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta. SKS. Helsinki, 1888.
- Kirkinen H.* Karjala idän kulttuuripiirissä. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963.
- Kirkinen H.* Suomi ja sen asukkaat venäläisissä lähteissä vuoteen 1323. Suomen väestön esihistorialliset juuret. Suomen Tiedeseura. Helsinki, 1984.
- Kirkinen H.* Pohjois-Karjalan kalevalaisen perinteen juuret. SKS. Helsinki, 1988.
- Koivulehto J.* Were the Baltic Finns «clubmen»? // Studia Fennica Linguistica. 7. You name it. Perspectives on onomastic research. Helsinki, 1997. S. 151–169.
- Kortesalmi J. J.* Pohjois-Vienan poronhoito. Talonpoikien poronhoidon alue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922. Kansantieteellinen arkisto 41. Helsinki, 1996.
- Niemi A.R.* Castrenin kertomus runonkeruumatkastansa Venäjän Karjalassa v. 1839 // Runonkeräjäimme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle. SKST 109. Helsinki, 1904. S. 3–15.
- Nissilä V.* Vuoksen paikannimistö. SKS. Helsinki, 1939.
- Nissilä V.* Suomen Karjalan nimistö. Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö. Joensuu, 1975.
- Pöllä M.* On western finnish toponymy in Archangel Karelia // Linguistica Uralica XXVI. Tallinn, 1990.
- Pöllä M.* Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. SKST 635. Helsinki, 1995.
- Rosen R.* «Rusopartainen Ontrus» ja hänen esi-isänsä // Karjalan historia. Historian aitta. Historian ystäväin liitto VIII. Jyväskylä, 1938. S. 51–60.
- Vahtola J.* Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Studia Historica Septentrionalia 3. Rovaniemi, 1980.
- Valonen N.* Vanhoja lappalais-suomalaisia kosketuksia // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Suomen Tiedeseura. Helsinki, 1984. S. 73–96.

* * *

Денис Викторович Кузьмин – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

И. И. Муллонен

ЗАГАДКА *ВЫГА**

*In her investigation of etymological origins of the name of the river **Vyg**, flowing into the White Sea, the author arrives at a conclusion that the name (< ***Vyg**) appeared in ancient times as a name for a rapid in the lower course of the river in the language of Lapp people (or Proto-Lapps) who populated the White Sea coast. Already during the Lappish period, the name was extended to the whole of the river, as well as to the lake (**Vygozero**), from which the river flows. Owing to the fact that the **Vyg**-river has since very long been an important part of a transit water-and-portage way that connected Lake Onega and the White Sea, the name early came into regular Russian usage, from where it was later adopted by Karelians. The author allows for a possible derivation of the place-name from Proto-Lapp. ***vęķę** 'quick, impetuous' or ***vęķę** > Lapp. North. **viekkâ**, East. **vīgg**, **vikk** 'power, big and strong'.*

В число загадочных топонимов Карелии входит название реки *Выг*, впадающей в Белое море и издавна известной как один из этапов транзитного водно-волокового пути, связывавшего Онежское озеро с Белым морем. В истории культуры *Выг* и *Выговская пустынь* хорошо известны как мощный центр старообрядчества.

Обращаясь к поискам этимологических истоков топонима, необходимо прежде всего решить, какая его форма – русская *Выг* или карельская *Uiku* – является первичной. Карельский вариант был зафиксирован в 1871 г. А. А. Борениусом, при этом не на *Выге*, а значительно севернее от него, и с тех пор вошел в официальное

* Исследование выполнено в рамках проекта Академии наук Финляндии № SA 208153. Первая публикация – в качестве фрагмента статьи: *Mullonen I. Ancient place names of Obonež'e in the context of ethnic and linguistic contacts // Topics on the ethnic, linguistic and cultural making of the Russian North (Slavica Helsingiensia. 32). Helsinki, 2007. P. 163–175.*

финское употребление. В нашей картотеке топонимов Карелии представлен другой фонетический вариант – *Vuikka*, зафиксированный в прилегающем к территории Выга и Выгозера карельском Сегозерье. Как звучало название по-карельски на самом Выге, определить уже невозможно, поскольку карельские поселения на реке и Выгозере обрусели уже, видимо, ко второй половине XIX в. В списках населенных мест Карелии 1873 г. эта территория значится русской [СНМ 1873], хотя и в языке, и в культуре Выга присутствует отчетливое прибалтийско-финское наследие.

На территории Карелии и в смежных областях Европейского Севера России многие русские формы речных наименований опираются на исходные прибалтийско-финские. Поэтому можно понять исследователя Матти Пелля, который при интерпретации названия *Выг* исходит из прибалтийско-финского варианта *Uiku* [Pöllä, 1995, 30–31]. Мое обращение к этимологии М. Пелля вызвано тем, что это, видимо, единственная попытка реконструкции происхождения древнего гидронима. Другие исследователи ограничивались, как правило, констатацией его неизвестных истоков и не вдавались в подробности происхождения. М. Пелля предлагает для топонима *Uiku* вепсскую этимологию и сопоставляет его с вепс. *uig* ‘закоулок пожни’. Предложенная интерпретация вызывает большие сомнения, и даже не столько потому, что в вепсской топонимии эта лексема крайне редка и представлена исключительно в микротопонимии, сколько в связи с тем, что слово является, по-видимому, относительно поздним русским заимствованием: *uig*, как и его вариант *uuk*, могут восходить к севернорусскому диалектному *улка* ‘коридор в доме; угол (дома)’. К сказанному добавляются и вопросы фонетического порядка. Прибалтийско-финский дифтонг *ui*, как правило, усваивается в русский язык в виде *уй*, подтверждением чему служат севернорусские диалектные лексемы, заимствованные из прибалтийско-финских источников: ср. *уйта* ‘лужа’ (вепс. *uit*), *куйпога* ‘отлив на море; берег моря, обнаженный отливом’ (карел. **kuivapohja*, буквально ‘сухое дно’) и др. В этом контексте преобразование *Uiku* в *Выг* выглядит незакономерным.

Эта незакономерность, однако, исчезает, если в связке *Uiku* – *Выг* поменять карельскую и вепсскую формы местами и исходить из примарности русского *Выг* по отношению к карельскому *Uiku*. В этом случае данная пара без труда вписывается в ряд примеров, где русское *ы* в прибалтийско-финских языках усваивается как дифтонг *ui*. Напомню в этой связи два известных примера, приведенных в свое время Я. Калимой: рус. *выть* ‘участок земли, доля общинной земли’ заимствовано в восточные финские говоры как *vuitti*, рус. *мыло* усвоено карельским и вепсским языками в виде *muila*, *muil* [Kalima, 1952, 125, 188]. К этим лексическим заимствованиям можно добавить по крайней мере один топонимический пример: название северновепсского урочища *Muiz*, восходящее к рус. *мыза*. В этом же ряду находят свое место рус. *Выг* – карел. *Uiku* или *Vuikka*. Второй вариант ближе к русскому оригиналу, чем традиционно отмечаемый *Uiku*, в котором в позиции перед *и* утратился начальный *у*. Такое фонетическое развитие обусловлено позиционно и носит закономерный характер, что подтверждается неоднократно, в том числе примерами из заимствованной лексики: ср. карел. *unukka*, фин., карел. *vunukka*

(< рус. *внук*), фин. *uomen*, *vuomen* ‘специальная ограда для загона животных’ (< саам. *vuobmân*) [SSA].

Таким образом, в поисках этимологических истоков названия *Выг* следует, видимо, исходить из архаического русского оригинала, а не из возникшего на его основе карельского варианта. При этом должно быть принято во внимание то, что *ы* в позиции после *в* может быть вторичным и возникать на месте первоначального *и* в соответствии с законами севернорусского фонотаксиса. Это подтверждается многочисленными фактами как лексики [см.: Kalima, 1919, 51], так и топонимии Карелии и смежных территорий. Например, располагавшаяся на Беломорском побережье волость *Vičcataipale* с карельским населением в официальных документах называлась *Вычетайбольской*, озеро и волость *Вырозеро* на северном побережье Онежского озера в писцовых книгах XVI в. последовательно называется *Вирозером*, а река *Вилега* (бассейн реки Свирь) известна и как *Вылега*. Исходя из этого для названия *Выг* возможно реконструировать первоначальную форму **Vig* и именно для нее попытаться найти этимологию.

В процессе поиска этимологии важно бывает установить, на каком участке протянувшейся на сотни километров реки могло возникнуть ее название. Задача эта крайне сложная, в большинстве случаев неразрешимая. Мое предположение о месте возникновения названия реки *Выг* основано на том, что в местной традиции самый нижний участок реки, перед впадением ее в Белое море, называется не *Выгом*, а рекой *Сорокой*. Эта традиция прослеживается уже в самых ранних письменных источниках Поморья, относящихся к XVI в. Название *Выг* появляется приблизительно в 10 км от устья вверх по течению, причем граница *Выга* и *Сороки* четко обозначена островом *Выгостров* и расположенной в его южном конце одноименной деревней. Ниже острова *Выг* разделяется на целый ряд рукавов, из которых самым крупным является река *Сорока*. Возникшее на ее берегу одноименное поселение превратилось в начале XX в. в крупную железнодорожную станцию, получившую позднее статус города, который был переименован в Беломорск. Местная традиция связывает название поселения с тем, что оно возникло «на сорока островах». В топонимической литературе есть попытка связать название реки с карел. *soari* ‘остров’ [Керт, Мамонтова, 1982, 39–41]. Между тем ландшафтная характеристика однозначно указывает на саамское происхождение топонима: ср. саам. сев. *suor’ge* ‘одна из двух небольших рек, которые вместе образуют крупную реку; один из рукавов, образуемых рекой, разделяющейся на две или более части’ [Nielsen]. Словари не фиксируют слово в восточносаамских говорах, которые географически ближе к Поморью, чем северносаамский, однако географическая характеристика беломорской *Сороки* однозначно свидетельствует в пользу бытования слова в том саамском говоре, на котором говорили создатели топонима. Видимо, оно могло быть фонетически близким к прасаам. **sōrkē* [Lehtiranta, 1989], в котором в результате полногласия, свойственного древнерусскому языку периода адаптации топонима, произошло наращение *o* внутри слова: **Sōrkē* > *Сорока*. Аналогичным образом произошла в древнерусское время фонетическая адаптация прибалтийско-финских *salmi* > *солома* ‘пролив’ и *kalma* > *коломище* ‘кладбище’.

Другие рукава низовьев Выга называются *пудасами*, в том числе *Кислый Пудас*, *Ертин Пудас*. В этом факте можно видеть косвенное подтверждение истинности предложенной для названия *Сорока* саамской этимологии, поскольку в беломорских говорах *пудас*, заимствованное из прибалтийско-финского источника, означает ‘рукав реки’, т. е. является эквивалентом саамского **sōrkē* (> *suor’ge*), которое, напомним, называет самый значительный рукав низовьев Выга.

Переход Выга в реку Сороку означен еще одним приметным – на самом деле самым приметным из перечисленных – объектом. Это мощный порог *Шойрукша*, расположенный в узком русле, зажато между скалистым берегом и Выгостровом. Видимо, именно эту особенность – узкое и длинное русло – отражает название порога, которое может быть возведено к карел. *šoilukka*, *šoirukka* ‘о длинном и узком месте’ [KKS]. В этой паре этимологически первичным является вариант с *l*, однако хорошо известное в прибалтийско-финских языках варьирование *l ~ r* узаконивает и вариант с *r* (*šoirukka*). В словаре карельского языка приводятся также варианты *šoilakka*, *šoirakka* с той же семантикой ‘узкий и длинный’ [KKS]. Что касается конечного *-кша* в топониме, то в его формировании отразились адаптация нехарактерной для русской фонетики прибалтийско-финской геминаты *kk* и ассимилятивное влияние *ш* первого слога. Кроме того, сопутствующим фактором следует, видимо, признать широкое бытование на севере топонимов с конечным *-кша*.

Такое внимание к порогу и его окружению связано с тем, что именно он, возможно, в свое время дал реке название *Выг*. *Шойрукша* – карельский топоним. Между тем многочисленные факты, в том числе замечательные свидетельства археологических раскопок в виде всемирно известных петроглифов окрестностей Шойрукши, позволяют говорить о том, что освоение низовьев Выга имеет длительную традицию, уходящую в истории Беломорья далеко вглубь от карельского периода. Как мог называться порог в саамское время? Заманчиво думать, что он мог называться *Выгом*, точнее, тем саамским словом, которое позднее было передано как *Выг*. Основания для такого предположения были перечислены выше: порог знаменует собой своеобразный конец реки Выг, при этом из всех островов низовой реки именно остров, расположенный напротив порога, называется *Выгостровом*. Однако самым убедительным основанием служит сам топоним, который может быть возведен к саамской лексеме, в семантике которой заключено указание на порог.

В этом контексте интерес вызывает прежде всего известное в восточных саамских говорах *veŋŋaš* ‘стремнина, место с сильным течением в реке’ [KKLS], восходящее к истор. прасаам. **veke* ‘быстрый, стремительный’ [Lehtiranta, 1989]. При возведении топонима *Выг* < **Vig* к **veke* возникает, однако, одно противоречие, вызванное тем, что в топонимии Карелии прасаам. **e* (< **i*) отражается в виде *e* (*El’muz*, *Petdärv*), но не *i*. Эквивалент *i* представлен на более южных вепсских и смежных с ними русских территориях (*Il’mez*, *Путь*), при этом в основе данной ареальной дистрибуции лежит, видимо, разный характер звука в прасаамском: более древний, близкий к *i*, на юге и более поздний, приближающийся по качеству к *e*, на севере [Муллонен, 2002, 232–244, 284–286]. Как в данный контекст встраи-

вается история *Выга*? В качестве ответа можно предложить несколько вариантов. С одной стороны, появление *и* в русской форме топонима могло быть спровоцировано усвоением прибалтийско-финского (саамского) *e* беломорскими говорами как *и* [см., например: Kalima, 1919, 52]. С другой стороны, нельзя исключить, что в период восприятия топонима прибалтийскими финнами или русскими саамский звук был более узким и сближался с *i*. Аналогом здесь может служить финское *niva* ‘порог’, заимствованное из саамского источника, в котором некогда выступал **ę*: **ńevē* [Lehtiranta, 1989]. Наконец, не исключено, что отодвинутый назад *ę* мог усваиваться в русском языке через *ы* (т. е. минуя этап адаптации через *и*), о чем свидетельствуют материалы с территории Русского Севера [см.: Матвеев, 2001, 136–140].

В принципе для названия порога нельзя исключать и другую этимологию, связывающую его с саам. сев. *viekkā*, в восточных говорах *vīgg*, *vikk* ‘сила, большой и сильный’ < **vēke* [Lehtiranta, 1989]. Использование основы с подобной семантикой, характеризующей мощь водного потока, выглядит естественным в наименовании порогов, подтверждением чего служат некоторые названия порогов на реках северной Финляндии, засвидетельствованные в Ономастическом архиве Финляндии: *Väkevākосki* (*koski* ‘порог’), *Väkevāniva* (*niva* ‘порог’), *Väkevāvirta* (*virta* ‘течение’) и др. В них выступает фин. *väkevā* ‘сильный’, производное от *vāki*, которое имеет единые этимологические истоки с представленным выше саамским словом.

Поиски своего топонимического ряда для *Выга* привели в северную Финляндию, где примерно на одной широте с низовьями *Выга* соответствующая основа воплощена в ряде названий порогов или спровоцирована наличием значительных порогов на реке: ср. названия порогов *Vikaköngäs* (*köngäs* ‘крутой водопад’) и *Vianta*, в котором в результате присоединения суффикса *-nta* корневая морфема ослабла: **Vika-* > **Viγanta* > *Vianta*. Основа представлена в двух фонетических вариантах – сильном и слабом – также в названии рек *Vikajoki* (*joki* ‘река’) и *Vianjoki*. На последней располагается мощный порог под названием *Venäläistenkoski*, буквально ‘порог русских’. Возможно, именно он породил когда-то, еще на этапе, предшествовавшем русским контактам, речное наименование.

Итог: топоним *Выг* в качестве названия мощного порога в низовьях реки возник в глубокой древности в речи населявших Беломорское побережье саамов (или прасаамов). Очевидно, уже в саамское время это название распространилось на всю реку, а также на озеро (*Выгозеро*), из которого река вытекает. В связи с тем, что *Выг* издревле являлся важным участком транзитного водно-волокового пути, соединявшего Онежского озеро с Белым морем, название рано закрепилось в русском употреблении, откуда позднее было усвоено карелами. Исчезнув как название порога, топоним дожил до наших дней как название реки.

- Керт Г. М., Мамонтова Н. Н.* Загадки карельской топонимики: Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- СНМ 1873 – Список населенных мест Российской империи. XXVII. Олонецкая губерния. (По сведениям 1873 года). СПб., 1879.
- Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
- Kalima J.* Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista. Helsinki, 1952.
- KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. LSFU XV. 1958.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1–6. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
- Lehtiranta J.* Yhteissuomalainen sanasto. SUST 200. Helsinki, 1989.
- Nielsen K.* Lapp Dictionary. Vol. 1–5. Oslo, 1979.
- Pöllä M.* Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. Tampere, 1995.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.

* * *

Ирма Ивановна Муллонен – доктор филологических наук, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

Е. В. Захарова

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЙ СУБСТРАТ В ТОПОНИМИИ КОЛОДОЗЕРЬЯ

The author's analysis of place-names of the Kolodozerje region shows that a considerable portion of them originates from Pre-Baltic-Finnic sources. Those place-names that can be interpreted as Baltic-Finnic substrate, fall into three groups: those tracing back to the common word-stock of all Baltic-Finnic languages, those having Karelian or Vepsian sources. It is probable that the Karelian toponymy got shape later than the Veps toponymy, and dates back to the time of Karelian migrations of the XVII-th c.

Колодозеро и прилегающие к нему территории Пудожского побережья Онежского озера (Корбозеро, Пелусозеро и Салмозеро) – часть Восточного Обонежья. По данным истории и этнографии эти территории обособляются в единый ареал – Колодозерье [Краснопольская, 2001, 400], который граничит на востоке с Архангельской областью, а на юге – с Вытегорским районом Вологодской области. Современное Колодозерье – это русская территория с богатой этноязыковой историей, убедительным доказательством чего служат этнографические и топонимические данные.

Топонимический материал территории Колодозерья, который хранится в топонимической картотеке ИЯЛИ и включает полевые материалы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Санкт-Петербургского университета, насчитывает около двух тысяч географических названий, среди которых около 20 % – топонимы с нерусскими истоками.

Следует отметить, что топонимы нерусского происхождения встречаются на всей территории Восточного Обонежья. При этом просматриваются зоны, в которых удельный вес топонимов с нерусскими истоками выше среднего по региону. К таковым

относятся Водлозеро с окрестностями, отдаленные от берегов реки Водла деревни, а также исследуемая нами территория Колодозерья.

Хорошая сохранность топонимии нерусского происхождения на этих территориях связана, видимо, с их редкой заселенностью и малой освоенностью, поскольку «предшествующий пласт топонимии имеет значительно больше шансов сохраниться, если последующая волна заселения не носит плотного, массивного характера, а представляет собой постепенное внедрение пришлого населения в среду местного. Такая ситуация предполагает длительные контакты пришлого населения с местным, в ходе которых и усваивается топонимия последнего» [Муллонен, 2001, 344]. Очевидно, именно так осваивалась территория Колодозерья: доприбалтийско-финский пласт сменился прибалтийско-финским, а прибалтийско-финский, в свою очередь, – славянским.

На основе этнолингвистических данных восстанавливается довольно сложная картина освоения Восточного Обонежья. Для целого ряда топонимов, прежде всего названий рек (*Водла, Колода, Вама, Отовжа* и др.), не удастся найти убедительных этимологий. Некоторое число топонимов интерпретируется на саамской почве – при этом саамское наследие отличается архаичными прасаамскими чертами. Кроме саамского субстрата, в Колодозерье хорошо просматривается и прибалтийско-финский топонимический пласт, но в силу значительного сходства вепсского и карельского языков не всегда возможно отличить вепсский субстрат от карельского.

Согласно А. С. Герду, наиболее ранние пути продвижения в Пудожье шли по южному побережью Онежского озера, от Тудорова погоста по реке Водла к Вавдитову погосту. С самого давнего времени потоки миграций, следующих этим путем, были этнически неоднородными; известно также, что в определенный исторический период в районе озер Колодозеро и Корбозеро этот поток переселений остановился. Другой поток миграций был направлен прямо на север, вдоль восточного побережья Онежского озера к Выгозеру. Третий поток направлялся в Заволочье, на Корбозеро, а оттуда на Лекшмозеро и Кенозеро. Что касается относительно поздних миграций, то вепсы из Пудожья продвигались по реке Водла на восток к Лекшмозеру, Кенозеру и на Онегу, а с XIII в. это был в основном уже новгородский поток [Герд, 2001, 414]. По мнению Д. В. Бубриха, предки карел уже в XII в. достигли современного Архангельска, а в XIII в. побывали на озере Кубенское [Бубрих, 1947]. В период русского освоения Восточное Обонежье заселялось не только «новгородцами», но и представителями так называемой «низовской московской колонизации». Уже в XV в. московская колонизация была очень мощной и перекрывала волны древней вепсской и «новгородской» [Логинов, 2001, 366]. В результате сложных этнических процессов в Восточном Обонежье сложилась следующая ситуация: вепсский субстрат доминирует в южной части Пудожского района и в Вытегорском районе, а также в бассейне реки Водла и на Водлозере; в северной части Восточного Обонежья в субстрате присутствует саамский, но преобладает карельский элемент; в пунктах вокруг города Пудож карельский субстрат сочетается с вепским [Мызников, 1994]. Что же касается Колодозерья, то исследователи сходятся

в мнении о мощном саамском субстрате, присутствующем на данной территории, в то время как вепсский и карельский компоненты остались пока недифференцированными. Чтобы разграничить в топонимии Колодозерья вепсский и карельский элементы, необходимо проанализировать как можно более широкий массив относящегося к данному региону прибалтийско-финского топонимического материала.

Анализ географических названий территории Колодозерья позволяет говорить о том, что среди топонимов, имеющих нерусское происхождение, представлены практически все разряды названий: от гидронимов до микротопонимов. Выяснилось также, что на территории Колодозерья выделяются те же структурные типы названий, которые в целом характерны для субстратной топонимии Русского Севера [см.: Матвеев, 2001]: 1) собственно субстратные топонимы, характеризующиеся субстратными основой и формантом (реки *Илекса*, *Хабаньзя*, *Отовжа* и др.); при этом формант может быть этимологически ясен, затемнен или эллиптирован; 2) топонимы с субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (*Палангское Озеро*, *Корбенный Ручей*, *Лахтинское Озеро* и др.); 3) топонимы-полукальки с субстратной основой и русским детерминантом (*Колодозеро*, *Урболото*, *Сярг-ручей* и др.).

1. Собственно субстратные топонимы довольно широко представлены на территории Колодозерья: они встречаются в названиях рек, ручьев, сельскохозяйственных угодий (сенокосов и пашен), порогов, гор и др. Происхождение многих из них на сегодняшний день остается неясным, однако возможно привести и ряд достаточно убедительных этимологий.

Р е к и р у ч ь и

Воя. Ср. карел. *oja* 'ручей, канава', вепс. *oja* 'ручей' [ПФГЛК]. Если исходить из прибалтийско-финского оригинала, то протетический *в* может иметь русские истоки. В то же время нельзя исключить, особенно с учетом саамского фона, что гидроним восходит к вост.-саам. *viä'jj* 'ручей', которое либо является соответствием приб.-фин. *oja*, либо заимствовано в восточносаамские диалекты из прибалтийско-финского источника [SSA].

Илекса. Основа *iles-* ~ *ileks-* интерпретируется на прибалтийско-финско-саамской почве, ср. приб.-фин. *ylä-*, саам. *álv-* 'верх, верхний'; при этом финаль основы является по происхождению суффиксальным элементом *-s* ~ *-kse-* [Муллонен, 2002, 232]. Географическое положение реки подтверждает эту этимологию.

Ильма. В этом названии, вероятно, представлена та же прибалтийско-финско-саамская основа, что и в предыдущем топониме, однако она выступает в форме превосходной степени *ylimä-* 'самый верхний'.

Корба. Ср. карел. *korpi*, *korbi* 'глухой лес, обычно еловый, растущий на низком сыром месте' [KKS], вепс. *korb* 'глухой лес, сырая низина; сырое болотистое место' [СВЯ]; слово заимствовано в русские говоры Пудожья в виде диалектной лексемы *корба* со значением 'густой еловый лес; болото, поросшее лесом; сырое болотистое место в лесу' [ПФГЛК]. С. А. Мызников связывает гидронимы типа *Корба*, *Корбозеро* с диал. *корба*, *корбица* 'рыба елец' [Мызников, 2003, 233].

Матсара. < **Matkasara*, ср. карел. *matka*, вепс. *matk* ‘путь, дорога, расстояние’ и карел. *šoara, suara*, вепс. *sar, sara* ‘развилина, разветвление (например, дороги, реки, ручья)’ [ПФГЛК]. Судя по многочисленным топонимическим фиксациям, в вепсском языке слово имело семантику ‘небольшая река, приток более крупной реки’, которая и отразилась в названии *Матсара*.

Сарожа. В составе этого гидронима выделяется та же прибалтийско-финская основа *sar- / suar-*, что и в предыдущем названии, объяснение же финали топонима может быть двояким. С одной стороны, основа могла быть оформлена суффиксом прилагательного *-inen* (в косвенных падежах *-iže-*), с другой стороны – вепсским суффиксом *-nž*, восходящим к приб.-фин. *-nto*, широко используемому в образовании ландшафтных терминов. В пользу вероятных терминологических истоков названия *Сарожа* (< **Saranž*) свидетельствует значительное число топонимов-«тезок» на вепсской и смежной с ней обрусевшей территории, где данная основа последовательно используется в именовании объектов с идентичной ландшафтной характеристикой: развилка, рассоха, боковое ответвление озера или реки. В качестве этимона предлагается реконструированная вепсская лексема **sarand* (**saranž*) ‘развилина, разветвление’ [Муллонен, 2002, 205–208].

Хабанья. Ср. карел. *hoapa, huaba, hoaba, huaba, haaba*, вепс. *hab* ‘осина’ [ПФГЛК]. Основа *хаб-* в данном случае оформлена формантом *-нья*, который встречается в гидронимии на территории расселения вепсов к югу и востоку от Онежского озера, что позволяет возводить его к вепс. *-*nd*: *Хабанья* < **Хабанда* < **Haband*. Оказавшись в позиции палатализации перед *j* (**Habandʹjogi*), *-ndʹ* перешло в *-nzʹ*: **Habanzʹ(jogi)* > *Хабанья* [Муллонен, 2002, 215–217].

Сельскохозяйственные угодья

Валанья. Учитывая сказанное о конечном элементе *-нья*, топоним можно возвести к приб.-фин. (вепс.) **Aland* ‘низина, низкое место’; начальный *в* при этом следует квалифицировать как протетический, возникший, скорее всего, в результате русского освоения топонима.

Гоньжема. Ср. вепс. *hongžom* ‘сосняк, сосновый лес’ [ПФГЛК].

Кезанда. Ср. карел. *kešanto, kezando, kežando, kezändö*, вепс. *kezand* ‘пар (в севообороте), поле под паром’ [ПФГЛК].

Кукорьга. Название относится к расположенной на горюшке пахотной поляне и представляет вепсскую метафорическую модель **Kukoihaŋj* (буквально ‘петушиный гребень’), которая активно использовалась в именовании возвышенностей [Муллонен, 1994, 32]. Развитие *-рьг-* из *-ŋj-* в процессе русской адаптации топонимов – закономерный процесс: ср., например, *Сюрьга* из **Siiŋj* (см. далее).

Кутекса. Ср. карел. *kütö* ‘подсека или пашня на болотистом месте’ [ПФГЛК]. При объяснении структуры топонима важны варианты с конечным *-s*, зафиксированные в финских говорах (*kytös*), а также в водском (*išütšüz*) и эстонском (*kütis, kütus*) языках [SSA]. Еще важнее то, что на территории расселения северных вепсов зафиксирован топоним *Kütes*, который может свидетельствовать о следах бытования термина в вепсских говорах [ПФГЛК]. Таким образом, в названии *Кутекса* воспроизводится основа прибалтийско-финского термина *kütes* : *kütekse-*.

Норманьзя. Ср. карел. *nurmi*, вепс. *nort* ‘трава, дерн, луг, лужайка’ [KKS; СВЯ]. О форманте *-ньзя* см. выше, ср. *Хабаньзя*.

Омосовонга. По-видимому, в этом сложном по структуре прибалтийско-финском названии второй компонент связан с карел. *vonga* ‘излучина реки, бухта, омут, водоворот; глубокая и широкая часть реки (плес)’ или с вепс. *bong* ‘омут, глубокая и широкая часть реки’ [ПФГЛК]. В качестве атрибутивного компонента, возможно, выступает антропоним.

Позя. Ср. вепс. *pože, poža* ‘топкое место; лужа; яма на лугу, заполненная водой; омут в реке’ [ПФГЛК].

Пуржак. Поскольку название относится к покосу, расположенному на болоте, уместным кажется сопоставление топоосновы с прибалтийско-финской глагольной основой *pursu-* ‘сочиться, просачиваться’ [SSA].

Чухи. В основе названия, видимо, лежит вепс. *čuhu* ‘конек крыши’ [СВЯ], выступающее в форме множественного числа. Данная основа довольно широко представлена в названиях возвышенных участков местности в вепсской топонимии [Муллонен, 1994, 56]. Колодозерские *Чухи* – название поля, расположенного на склоне горы, что позволяет относить данный топоним к вепсским.

Горы

Кивень. Скорее всего, название восходит к прибалтийско-финскому прилагательному *kivinen* ‘каменный’ [SSA], которое при русском усвоении перешло в самостоятельное употребление. Для этого топонима известен и вариант *Кивеньгора*, свидетельствующий о вероятном эллипсисе детерминанта в исходной форме топонима.

Кукуй. В основе топонима представлен прибалтийско-финский ландшафтный термин *kukki*, имеющий в карельском и вепсском языках значение ‘крутая гора; холм; вершина горы или сопки’ [ПФГЛК]. В виде *kuk-* эта основа была продуктивна в вепсском ареале [Муллонен, 1994, 67], что дает основания предполагать вепсское происхождение данного названия.

Мудомяга. В этом случае, по-видимому, в русское употребление перешел сложный по структуре прибалтийско-финский топоним **Mutamäki, *Mudamägi*, связанный с карел. *muta*, вепс. *tuda* ‘муть, ил’ и карел. *mäki, mägi*, вепс. *mägi* ‘гора, холм, возвышенность’ [KKS; СВЯ].

Рюшка. В основе топонима заманчиво видеть карел. *ryhjä* ‘группа домов, строений’ [SKES], которое по законам фонетической адаптации усваивалось в русский язык как **Рюга* (с диминутивным суффиксом – **Рюжка* и далее *Рюшка*). Лексема продуктивна как в говорах, так и в топонимии Северного Приладожья [Кузьмин, 2002, 145], что может служить подтверждением карельских истоков этой топонимической модели и в Восточном Обонежье.

Сюрьга. В карельской и вепсской топонимии основа неоднократно отмечена в названиях возвышенностей [Муллонен, 1994, 62–63]; в финских говорах бытует и термин *surjä* ‘возвышенность, гора, гряда’ [SKES], что позволяет реконструировать соответствующую ландшафтную лексему в вепсском и карельском языках. Колодозерская *Сюрьга* – гора в окрестностях деревни Дубовская.

Другие объекты

Кагрема, залив. Ср. карел. *kauruma* ‘бухта, маленький залив озера или реки’ [KKS].

Катило, оз. Ср. карел. *katilo* ‘чугун, горшок’ [KKS]. Мотивом этой номинации могла послужить форма озера.

Муры, бол. Ср. карел. *muuroi*, вепс. *murm*, *murikeine*, *murašk* ‘морошка’ [KKS; СВЯ]. В данном случае фонетически более предпочтителен карельский источник.

Пенькин, порог. Ср. карел. *penkka* ‘береговой откос’ [ПФГЛК].

Саймега, кладб. Скорее всего, топоним восходит к приб.-фин. **Savimägi*, ср. карел., вепс. *savi* ‘глина’ и карел. *mäki*, *mägi*, вепс. *mägi* ‘гора’ [KKS; СВЯ]. Такая интерпретация топонима согласуется с характеристикой объекта, поскольку кладбище расположено на горе с суглинистой почвой.

Тереж, порог. В названии представлена продуктивная в карельской гидронимии модель, выраженная I причастием актива: *törisijä* ‘журчащий’, от карел. *töristä* ‘журчать’. Мотивом подобных номинаций является громкий звук, издаваемый водой [Кузьмин, 2003, 306–307].

Харьюс, мыс. Ср. карел. *harja* ‘вершина, гребень (горы); холм, гора, песчаная отмель’ [ПФГЛК]; в данном случае представлен суффиксальный дериват этой или близкой основы *harju*.

2. Топонимы с субстратной основой и русскими аффиксами *-ов-*, *-ин-*, *-к-*, *-ух(a)* и др. встречаются на исследуемой территории в названиях озер, рек, порогов, омутов, сельскохозяйственных угодий, болот, гор и т. д. В целом такие названия немногочисленны, поэтому приведем соответствующие этимологические статьи без различения видов объектов.

Артово озеро. Ср. *Artto* – карельский вариант русского имени *Артем*.

Веньзина поляна. Угодье расположено у *Веньгина порога*, что позволяет связывать топоним с карел. *vengi*, *venki* ‘ручей или небольшая речка, соединяющая два озера (ламбы, болота); протока’, родственными фин. *venki* ‘изгиб, поворот’ [ПФГЛК].

Карзанка, поле. Ср. рус. диал. *карзатъ*, усвоенное из карел. *karsie*, вепс. *karsita*, *karsiä* ‘обрубать (сучья)’ [KKS; СВЯ].

Ланьжина (*Ланьзина*), ур. Ср. карел. *lantto* ‘понижение, ложбина’, ‘низинный, низкий, мелкий, неглубокий’ [ПФГЛК]. По данным SSA, слово выступает также в варианте *lansi*, который и закрепился в колодозерском названии.

Равково болото. Ср. карел. *rahka-*, *rahkasuo*, *rahkasammal* ‘торфяной мох, сфагнум’ [KKS].

Хилкина поляна. Ср. *Hil'ko* – карельский вариант русского имени *Филипп*.

Хомино озеро. Ср. *Нота* – карельский вариант русского имени *Фома*.

Суффиксация как способ адаптации иноязычного топонима представлена также в названиях порога *Корбенный* и горы *Куковка*, в сочетании с префиксацией – в названии омута *Подкагремный* (этимологии соответствующих топооснов приведены выше). В целом же представленный материал говорит о незначительной в данной зоне продуктивности суффиксации как способа русского освоения прибалтийско-финской топонимии.

3. Набор топонимов-полукалек с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом, напротив, очень разнообразен. На территории Колодозерья широко представлены полукальки с детерминантами *-озеро*, *-ручей*, *-болото*, *-гора*, *-река* и др.

Самое большое количество топонимов-полукалек (около 100), выявленных на территории Колодозерья, – это полукальки с компонентом *-озеро*, представленные в регионе повсеместно. Ниже предлагаются этимологические интерпретации для некоторых озерных гидронимов данного типа.

Айтозеро. Ср. карел. *aita* ‘ограда, забор, изгородь’ [KKS].

Вагнозеро. Ср. вепс. *ahne*, *ahn* ‘окунь’ [СВЯ]; начальный *в* в названии имеет протетический характер.

Вехозеро. Ср. карел. *vehka*, вепс. **vehk* ‘вахта трехлистная, трифоль’ (в вепсских говорах слово утрачено, однако многочисленные топонимические свидетельства уверенно подтверждают его бытование в прошлом [Муллонен, 1994]).

Вирозеро. Ср. карел. *vierä*, *viärä*, *veärä*, вепс. *vär* ‘кривой, изогнутый’ [KKS; СВЯ]. Судя по фонетическому облику топоосновы, ее источником является карельский язык. Исследования топонимии Заонежья показали, что именно карельский дифтонг *ie* (*iä*) преобразуется при русском усвоении в *и*, вепсский же *ä*, как правило, передается через *я* или *е* [Муллонен, 2000, 157–165].

Габозеро. Ср. карел. *hoara*, *huaba*, *hoaba*, *huaba*, *haaba*, вепс. *hab* ‘осина’ [ПФГЛК].

Елиозеро. Ср. карел. *elihmä* ‘топкое место на болоте’ [ПФГЛК].

Желгозеро. Связано, видимо, с карел. *šelkä*, *šelgä*, *selgä*, вепс. *selg*, *süüg* ‘кряж, возвышенность, холм, гора’, во всех диалектах карельского языка еще и ‘середина озера, водный простор, водная гладь’ [ПФГЛК]. С учетом начального шипящего карельский источник для данного названия предпочтительнее, чем вепсский.

Ижозеро. По нашему предположению, основа *иж-* < *hiž-*, ср. карел. *hiisi* ‘перелесок; отдаленное, глухое, наводящее страх место’ [ПФГЛК].

Каскозеро. Ср. карел. *kaski*, *kaški* ‘подсека, пожог’, вепс. *kašk* ‘подсека’ [ПФГЛК].

Кедозеро. Ср. карел. *keto*, *kedo* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’ [ПФГЛК].

Кивозеро (*Киозеро*). Ср. карел., вепс. *kivi* ‘камень’ [KKS; СВЯ].

Кудозеро. Ср. карел. *kuto*, *kudo*, вепс. *kudo*, *kudu* ‘нерест; икра; нерестилище’ [KKS; СВЯ].

Куозеро. Ср. карел. *kuuzi*, вепс. *kuž* ‘ель’ [ПФГЛК]; глухой согласный во втором слоге появился, видимо, вследствие прогрессивной ассимиляции.

Ландозеро. Ср. карел. *lantto* ‘понижение, ложбина’, ‘низменный, низинный, низкий; мелкий, неглубокий’ [ПФГЛК].

Ланатозеро. Ср. вепс. *lapt*, *laptaz* ‘в стороне, боковое’ [СВЯ], что соответствует расположению озера на местности.

Лыгозеро. Ср. карел. *liko*, *ligo*, вепс. *ligo* ‘мочило (место замачивания льна)’ [KKS; СВЯ].

Маймозеро. Ср. карел. *taima*, вепс. *taim* ‘малек, мелкая рыба’ [ПФГЛК]. Соответствующий апеллятив *майма* ‘мелкая рыба’ заимствован в русские говоры [Мызников, 2003, 170].

- Маткозеро.* Ср. карел. *matka*, вепс. *matk* 'путь, дорога, расстояние' [ПФГЛК].
- Мягозеро.* Ср. карел. *mäki*, *mägi*, вепс. *mägi* 'гора, холм, возвышенность' [KKS; СВЯ].
- Падозеро.* Ср. карел. *pato*, вепс. *pado* 'запруда' [KKS; СВЯ].
- Палозеро.* Ср. карел. *palo* 'выгоревшее место в лесу; сожженная подсека, пожар', вепс. *palo* 'сожженная подсека' [ПФГЛК].
- Пелусозеро.* Ср. карел. *pieli*, вепс. *pel'* и их производные: карел. *pielus*, вепс. *pelus*, *rölus* 'край, сторона; косяк (окна, двери)' [KKS; СВЯ].
- Пихкозеро.* Ср. вепс. *pihk* 'густое мелколесье; молодой хвойный лес' [ПФГЛК].
- Равдозеро.* Ср. карел. *rauta*, вепс. *raud*, *roud* 'железо' [KKS; СВЯ].
- Разозеро.* Ср. вепс. *rag* 'хворостина, большой прут, шест' [СВЯ].
- Райдозеро.* Ср. карел. *raita*, вепс. *raid* 'ива' [KKS; СВЯ].
- Райозеро.* Ср. карел. *raja* 'граница (государства, земельного надела); край, конец (моря, леса и т. д.)', вепс. *rajak* 'заросшая пожога' [ПФГЛК; СВЯ].
- Редозеро.* Ср. карел. *retu*, вепс. *redu* 'грязь' [KKS; СВЯ].
- Ригозеро.* Ср. карел. *riihi*, вепс. *rih* 'рига' [KKS; СВЯ].
- Ровдозеро.* Ср. карел. *routa*, вепс. *roug* 'мерзлота, мерзлая почва' [KKS; СВЯ].
- Рогозеро.* Ср. карел. *ruoko*, вепс. *rogo* '(озерный) тростник, камыш, рогоз' [KKS; СВЯ].
- Салмозеро.* Ср. карел. *salmi*, вепс. *sal'm*, *saum* 'пролив' [ПФГЛК].
- Сарозеро.* Необычная форма озера, имеющего множество разветвлений, позволяет предложить вепсскую этимологию: ср. вепс. *sar*, *sara* 'развилина, разветвление (например, дороги, реки, ручья)' [ПФГЛК].
- Сейбасозеро.* Ср. карел. *seiväs*, вепс. *seibaz* 'шест, кол, жердь' [KKS; СВЯ].
- Сельгозеро.* Ср. карел. *selgä*, вепс. *selg* 'кряж, возвышенность, холм, гора' [ПФГЛК].
- Сяргозеро.* Ср. карел. *särki*, вепс. *särg* 'плотва' [KKS; СВЯ].
- Хабозеро.* Ср. карел. *hoara*, *huaba*, *hoaba*, *huaba*, *haaba*, вепс. *hab* 'осина' [ПФГЛК].
- Харагозеро.* Ср. карел. *harakka*, вепс. *harag* 'сорока' [KKS; СВЯ].
- Чирозеро.* Возможно, основа названия связана с вепс. *čirak* 'мель, града на озере' [СВЯ].
- Чувакозеро.* Ср. вепс. *čuhak* 'конек крыши, гора, верхушка' [СВЯ].
- Чумбасозеро.* Ср. вепс. *čumb* 'угол, тупик' [СВЯ].
- Набор полукалек с компонентом *-ручей* также довольно обширен. Об истоках названий *Вирручей*, *Габручей*, *Илесручей*, *Ланатручей*, *Майморучей*, *Палоручей*, *Пихручей*, *Равдручей*, *Сяргручей*, *Хараручей* см. выше, в связи с полукалками на *-озеро*. Ряд речных гидронимов-полукалек дополняют приведенные далее.
- Лидручей.* Ср. карел. *liete*, *lie'e*, вепс. *lete* 'песок; низкий песчаный берег', *led* 'ил, грязь' [KKS; СВЯ].
- Мергоручей.* Ср. вепс. *märg* 'мокрый, сырой' [СВЯ].
- Пичаручей.* Ср. вепс. *pičiine* 'маленький' [СВЯ].
- Славручей.* Возможно, название связано с прибалт.-фин. *lava* 'помост, настил, мост', к которому в результате русского освоения добавился начальный согласный —

по крайней мере, подобное явление неоднократно отмечено в субстратной топонимии Обонежья.

Чиаручей. Ср. вепс. *čiraita* ‘шипеть, журчать’ [СВЯ].

Для обозначения болот в Колодозерье используются две модели: с детерминантом *-болото* (*Енишболото, Илезболото, Карасболото, Орьболото, Ревболото, Славболото, Урболото*) и с детерминантом *-мох* (*Вадомих, Елемох, Кульмох*). При этом выраженная ареальная дистрибуция в употреблении данных моделей отсутствует.

Полукальки с детерминантом *-гора* встречаются в названиях гор, сенокосов и пахотных угодий на этих горах: *Ижгора* (вариант *Хижгора*), *Кивеньгора* (вариант к *Кивень*), *Койгора, Палангора, Пугнатгора, Шаньгора* (вариант *Шаньгоргорка*).

Другие типы полукалек с русскими детерминантами представлены единичными примерами:

Энрека (Ендрека). Ср. карел. *eno* ‘глубокое место в реке; фарватер реки, где наиболее сильное течение; большой и глубокий рукав реки’ [ПФГЛК].

Сахарпорог. Ср. карел. *sagarva*, вепс. *sagarv* ‘выдра’ [KKS; СВЯ]; глухой *x* мог появиться в результате народноэтимологического переосмысления основы и сближения ее со знакомым русским словом.

Кроме того, в Колодозерье отмечен целый ряд сложных по структуре топонимов, в которых формально выступает русская диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника. На самом же деле среди названий этой группы могут быть и перешедшие в русское употребление в результате прямого заимствования. Некоторые из них приведены далее.

Вехтолахта. Детерминант *-лахта*, как и в двух следующих топонимах, соотносится с вепс. *laht* ‘залив’ [СВЯ]. В основе названия – прибалт.-фин. *vehka* ‘вахта трехлиственная, трифоль’, где непривычное для русского языка сочетание *-ht-* преобразовалось в *-хт-*, как и во многих других севернорусских топонимических примерах.

Каислахта. Ср. карел. *kaisla* ‘камыш, тростник’ [KKS]; упрощение фонетической формы названия объяснимо явлением гаплогонии.

Майлахта. Очевидно, исходная форма топонима – **Маймлахта*, где первый компонент связан с прибалт.-фин. *maima, maim* ‘малек, мелкая рыба’ [ПФГЛК].

Саворга. Это единичный в Колодозерье топоним с детерминантом *-орга*, который соотносится с карел. *orko, orgo* ‘ложбина; глухой ельник на низком сыром месте’, вепс. *org* ‘дремучий лес, чащоба; овраг, низина’ [ПФГЛК]. Нарцательное *орга* проникло в русские говоры Карелии, в том числе известно в Восточном Обонежье в значении ‘овраг, низина’ [Мызников, 2003, 265]. В Колодозерье термин *орга* встречается и в самостоятельном топонимическом употреблении, в этом случае наиболее вероятны его русские истоки. В связи с интерпретацией основы названия *Саворга* ср. карел., вепс. *savi* ‘глина’ [KKS; СВЯ].

Следует отметить, что в Колодозерье практически отсутствуют полукальки с детерминантом *-сельга* (ср. карел. *selgä*, вепс. *sel'g* ‘кряж, возвышенность вытянутой формы’), чрезвычайно характерные для более западных областей Обонежья.

В нашей картотеке отмечен лишь один пример – название *Гансельга*, связанное с карел. *hoapa*, *huaba*, *hoaba*, *huaba*, вепс. *hab* ‘осина’ [ПФГЛК]. Возможно, причину надо искать в появлении именно здесь, на восточной окраине Пудожского побережья Онежского озера, топонимов с детерминантом *-шалга*, в основе которого можно предполагать карел. *šelkä*, *šelgä* (*шалга*, иначе говоря, своего рода вариант по отношению к *сельга*, но, видимо, с несколько другими истоками, поскольку не вполне понятно усвоение карельского *e* через *a* в переднерядном слове). В Колодозерье термин *шалга* засвидетельствован в двух топонимах: *Габшалга* (о значении основы см. выше) и *Пушалга*, где в качестве первого компонента может выступать прибалт.-фин. *puu* ‘дерево’, хотя соответствующая модель (*Puuselkä*) необычна для прибалтийско-финской топонимии.

В заключение подведем некоторые итоги. Анализ топонимического материала территории Колодозерья прежде всего показал, что значительная часть географических названий этого региона не интерпретируется на прибалтийско-финской почве и, следовательно, восходит к доприбалтийско-финским источникам. Что же касается прибалтийско-финского топонимического субстрата, то он представлен в Колодозерье тремя группами названий.

Основы топонимов первой – весьма многочисленной – группы не являются дифференцирующими по отношению к карельскому и вепсскому языкам, т. е. восходят к общему для всех прибалтийско-финских языков словарному фонду (*hab-*, *kiv-*, *korv-*, *kud-*, *matk-*, *mäg-* и др.).

Основы топонимов второй группы имеют очевидные карельские истоки. Так, к карельскому источнику восходят топонимы, образованные от антропонимов – карельских вариантов православных имен: *Артово Озеро* (*Artto* – Артем), *Хилкина Поляна* (*Hil'koī* – Филипп), *Хомино Озеро* (*Homa* – Фома). В данном случае важно, что для вепсского ономастикона имена *Artto* и *Hil'koī* нехарактерны, а имя *Homa* известно и у вепсов, однако вепсское *h* передается по-русски, как правило, через *г*. Карельские истоки прослеживаются и в целом ряде топооснов, в которых выступают нарицательные лексемы, отличающие карельский язык от вепсского (*Кагрема*, *Каислахта*, *Кедозеро*, *Рюшка*, *Тереж* и др.). Карельского происхождения, по-видимому, и название *Муры*, на что указывает его фонетическая форма (карел. *tiuroi* при вепс. *turt-*).

Наконец, в топонимии Колодозерья отмечается ряд названий, которые по происхождению могут быть квалифицированы как вепские. На это указывают дифференцирующие основы топонимов, свойственные только вепсскому языку (*Гоньжема*, *Пичаручей*, *Позя*, *Чувакозеро*, *Чумбасозеро*, *Чухи* и др.).

Как можно предполагать, карельская топонимия сложилась в Колодозерье позже вепсской. Об этом свидетельствует, например, состав собственно карельских названий, среди которых преобладают микротопонимы и отантропонимические названия. Видимо, следует предполагать, что карельская топонимия данной территории восходит ко времени карельских переселений XVII в. из северного и северо-западного Приладожья, что было вызвано нестабильностью политической и экономической обстановки.

- Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Герд А. С.* Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.
- Краснопольская Т. В.* Северное Обонежье в свете данных этномузыковедения // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.
- Кузьмин Д. В.* Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Петрозаводск, 2002.
- Кузьмин Д. В.* Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. (Мат-лы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003.
- Логинов К. К.* Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001.
- Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен И. И.* Вырозеро // Кижский вестник. № 5. Петрозаводск, 2000.
- Муллонен И. И.* Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Мызников С. А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в районных говорах Обонежья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
- Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- ПФГЛК – *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- СВЯ – *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- KKS – *Karjalan kielen sanakirja*. I–V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.
- SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981.
- SSA – *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1–3. SKST 556. Helsinki 1992–2000.

Н. В. Кабинина

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

The paper considers a number of Russian proper and substrate Finno-Ugrian place-names of the Arkhangelsk Pomorje region, coined on the basis of onomatopoeic words. The author qualifies this semantic type as highly productive and proceeds to proposing a number of new etymologies for substrate toponymic stems. The etymological studies are complemented by comments on the issues of ethnolinguistic distinctness, phonetic and morphological peculiarities of suchlike substrate Finno-Ugrian place-names.

В 2004–2006 гг. в журнале «Вопросы ономастики» появилось несколько публикаций, перекликающихся по теме и материалу с настоящей статьей и в какой-то мере ее спровоцировавших. Первой из них по времени является работа А. Л. Шилова, посвященная номенклатурным терминам в названиях порогов Карелии. В заключительном комментарии к весьма обширным этимологическим материалам статьи А. Л. Шилов отмечает, что одной из моделей образования терминов, квалифицирующих пороги, является деривация от глаголов со значениями ‘шуметь, греметь’ (~ ‘течь, литься’, ‘пениться, клубиться, кипеть, бурлить, бушевать’) [Шилов, 2004, 98]. Далее, в публикации 2005 г., подобная модель отмечается Д. В. Кузьминым и О. Л. Карловой в русской топонимии Карельского берега Белого моря (мыс и озеро *Гремяха*), причем авторы считают, что эта модель в целом не свойственна русской топонимии Северо-Запада и с большой вероятностью представляет собой результат калькирования с предполагаемого карельского **Törisevâ* «Гремящий» [Кузьмин, Карлова, 2005, 191]. Это положение вызвало справедливые, на наш взгляд, возражения А. Л. Шилова, который в полемическом отзыве на статью

карельских исследователей убедительно проиллюстрировал не только широкое распространение, но и универсальный в этноязыковом отношении характер названий, связанных с глаголами *греметь*, *шуметь* и им подобными [Шилов, 2006, 118–119].

Мнение А. Л. Шилова подтверждается и материалами топонимии современного Архангельского Поморья – региона, который вместе с приморскими районами Карелии и Кольского полуострова образует единую историко-культурную и географическую зону, называемую Беломорьем. Более того, топонимические материалы убеждают в том, что в Беломорье рассматриваемый топонимический тип (в рабочем порядке назовем его *ономатопозитическим*) проявляет высокую активность как в исконно русской, так и в субстратной топонимии.

В качестве иллюстрации приведем прежде всего русские данные, засвидетельствованные на территории Архангельского Поморья Топонимической экспедицией Уральского университета. В общей сложности в этом беломорском субрегионе отмечено не менее 25 русских названий, которые с достаточной уверенностью можно связывать с ономатопозитическими апеллятивами, в целом образующими идеографическую группу «шумный» (шумящий, производящий тот или иной звук). В большинстве случаев признак «шумный» проявляется в названиях малых рек и ручьев Поморья – многие из них впадают в Белое море, некоторые относятся к бассейнам местных рек. В речной микрогидронимии наиболее широк и апеллятивный арсенал модели: в качестве исходных представлены глаголы *греметь* (*Гремучий Ручей*, *Гремяк*, *Гремяха*, *Гремячий Ручей*), *шуметь* (*Шумливый Ручей*, *Шумячий Ручей*), *реветь* (*Ревушка*), *балагурить* (*Балагур* / *Балагурка*), *рокотать* (*Роковик*). Местные жители охотно дают объяснения подобным микрогидронимам: «Бурный, весной шумит от него», «Вода весной там шла да гремела», «Он гремел, его слышно за километр», «Гремит, шуршит по камням», «Гремит, шурчит сильно» и т. п. В единичных случаях подобные названия относятся к другим объектам – например, в Двинском заливе есть остров *Гремиха* («Там даже в спокойную погоду гремит»), а на Летнем берегу – болото *Ревливая Лыва* (названо, видимо, по звукам, издаваемым при выходе болотного газа, хотя местные жители объясняют название тем, что идти по болоту «тяжело было, ревели»).

При обращении к данным субстратной топонимии выявляется очень близкая в целом картина – ср. приведенные ниже материалы, в которых устанавливаются вероятные этимологические источники ряда субстратных топооснов (о других элементах структуры топонимов будет сказано далее).

Дурьжыха, морское течение (Приморский р-н). ~ Люд. *d'ürizoi*, *d'urižoi* 'гремящий, стучащий', ср. также вепс. *g'üri*, *d'uri* 'гром, грохот' [SSA, 1, 255]. С формальных позиций нельзя исключить связь этого названия с антропонимом (ср. новг. *Дурыга* [Веселовский, 1974, 104]), однако такой путь номинации морских течений («рукавков» и «стрёжей») в Архангельском Поморье не встречается: для них обычно именование по физическим или пространственным признакам (*Нижний Рукавок*, *Большая Стрёжь*, *Поперечная Стрёжь*, *Холодная Стрёжь* и т. п.).

Ирүний рүчей, руч. (Онежский р-н). ~ Фин. *jyrätä*, *jyrytä*, *jyrähtää*, карел. *jyrissä*, вепс. *juřista*, *juräta* 'греметь, грохотать' [SSA, 1, 255]. О передаче приб.-фин. у русским и см. [Матвеев, 2001, 138–139].

Йркин(ь) ручей, руч. (Мезенский р-н). ~ Коми-зыр. *йиркны* 'грохотать, греметь' [КРС, 255].

Рймен(ь)га, речка (Онежский р-н). ~ Фин. *rymistä* 'бушевать, баловаться, шуметь', карел. *rymissä* 'греметь, грохотать' [SSA, 3, 117].

Сófьина, рчк. (Приморский р-н). ~ Фин. *sohista*, карел. *šohissa* 'шуметь' [SSA, 3, 192]. Звук *ф* на месте приб.-фин. *h* мог возникнуть в результате народноэтимологического переосмысления субстратного названия или по собственно фонетическим причинам: ср. название речки *Софьянга* в Северной Карелии [АРК, 17].

Туртова (Турдова), рчк. (Приморский р-н). ~ Саам. нотоз. *tuŋ^hfed* 'шуметь' [KKLS, 622]. Ср. собственно саамский гидроним *Turdes* (> рус. *Шумная*) [KKLS, 1023].

Тухручей, руч. (Онежский р-н). ~ Фин. *tuhahtaa, tuhista, tuhina*, карел. *tuhissa* 'шуметь, шипеть', вепс. *tuhahtoitta* 'фыркнуть' [SSA, 3, 318].

Хум(а)ручей, руч. (Онежский р-н). ~ Фин. *humata, humahtaa, humista* 'шуметь', карел. *humata, humissa* 'шуметь, греметь', люд. *huvista* 'шуметь' [SSA, 1, 183].

Из данных примеров видно, что действие оноματοпоэтической модели в субстратной топонимии, как и в исконно русской, проявляется прежде всего в речной микрогидронимии. Вместе с тем в субстратной топонимии региона эта семантическая модель проявляет себя и в именовании порогов – ср. название порога *Торда* в низовьях Онеги, сопоставимое с саам. кильд. *toRDe^h* 'журчать; катиться с шумом, гроыхать' [KKLS, 607]. В этой же зоне известен порог *Рюрики*, в названии которого возможно предполагать видоизмененный вследствие ассимиляции субстратный прототип, соотносимый с фин. *rytistä* 'шуметь', *rytyyttää* 'стучать, греметь', карел. *rytsissä* 'шуметь, трещать' [SSA, 3, 119].

В приведенных этимологических материалах мы постарались ограничиться примерами, в которых лексико-семантические параллели между русским и финно-угорскими языками наиболее очевидны. Вместе с тем есть основания полагать, что полная картина отражения звукоизобразительной лексики в субстратной топонимии Архангельского Поморья значительно шире. Прежде всего, на этой территории во многих случаях выявляется связь субстратных топооснов с глаголами, лексическая семантика которых представлена комплексом взаимосвязанных значений 'течь, литься (струиться, сочиться)' ~ 'журчать, звенеть, играть' ~ 'стрекотать, трещать, щебетать, болтать', ср.:

Вырручей, руч. (Мезенский р-н). ~ Фин. *virrata* 'течь, струиться', ливв. *virrata* 'бежать, течь (о воде)', эст. *virrata* 'пениться, кипеть, бурлить' [SKES, 1789; SSA, 3, 460]. На два километра выше в реку Мезень впадает ручей *Текущий* (истор. *Текучий*). По отношению к приб.-фин. *Вырручей* этот уникальный для Поморья русский микрогидроним является, видимо, семантической калькой. О примерах передачи приб.-фин. *vi-* русским *вы-* см. [МДС, 100].

Лоренгский Ручей, руч. (Онежский р-н). ~ Фин. *lorista* 'журчать', *lorotaa, lorua* 'течь, литься', карел. *lorissa* 'журчать', *lorottoa* 'течь, литься' [SSA, 2, 93–94].

Пйрина, рчк. (Приморский р-н). ~ Фин. *piristä* 'журчать, звенеть', карел. *pirissä* 'журчать, звенеть, трещать; болтать', вепс. *biraita* 'журчать, звенеть' [SSA, 2, 372].

Сйруй, руч. (Мезенский р-н). ~ Фин. *siristä* 'стрекотать; щебетать; струиться, сочиться, журчать', *sirittää, sirinä, sirahtaa* 'шипеть; дребезжать', карел. *širissä*

‘стрекотать; журчать; сочиться; трещать, потрескивать’, люд. *tširi-* ‘щебетать’, вепс. *tširaita* ‘трещать’ [SSA, 3, 185].

Тирібурати (*Кирибурати*), луг (Онежский р-н). ~ Фин. *tiristä* ‘журчать, сочиться, течь’, карел. *tirissä* ‘течь, журчать’ [SSA, 3, 298], ср. также фин. *kirata*, *kiristä* ‘трещать, хрустеть’, карел. *kirissä* ‘звучать, звенеть’, вепс. *kirižen* (prs 1 sg) ‘трещать, хрустеть’ [SSA, 1, 369]. В сочетании с детерминантом *-бурати* (ср. карел. *purakko* ‘ручей’, фин. *purakko* ‘сырое место; озерцо, лужа’ [SSA, 2, 437]) основа образует название, которое можно толковать как «Журчащий, звонкий ручей» (луг, по-видимому, обозначается этой топонимией вследствие метонимии).

Чюга, рчк. (Мезенский р-н); *Чююга*, совр. *Чююга* / *Чюнега*, рчк. (Приморский р-н). ~ Прасаам. **čōje*, саам. сев. *čuojjāt*, ин. *čuoiađ*, колт. *čuijjād*, кильд. *čuijjeđ* ‘звучать, звенеть; играть’ [Lehtiranta, 1989, 28–29].

Ширша, рчк. (Мезенский р-н); *Ширша*, мельница; *Ширшема*, рчк.; *Ширшемянка*, рчк. (Приморский р-н). 1. ~ Саам. кильд. *širše*⁸, патс. *širràD* ‘журчать (о воде, ручье)’, нят. *širraT* ‘звенеть’ [KKLS, 554]. 2. ~ Фин. *siristä* ‘стрекотать’, карел. *širissä* ‘стрекотать; сочиться; журчать; трещать’, люд. (prs.) *tširizöi* ‘щебетать’, вепс. *tširgita* ‘сочиться’, вод. *širisä* ‘стрекотать, журчать’, эст. *siriseda* ‘стрекотать, щебетать; журчать’, лив. *tširiksā* ‘щебетать; трещать’ [SSA, 3, 185].

В связи с прибалтийско-финскими данными интересно, что в одной микроне с *Ширшемскими Озерами* (бассейн реки *Ширшема*) отмечено русское название *Стрекуньи Озёра* – уникальная в Архангельском Поморье номинация, которую можно объяснять по-разному, в том числе и калькированием, ср. арх. *стрэкать* ‘трещать (о горящих дровах или угольях)’ [Подвысоцкий, 165]. Примечательно также, что в одном примере название *Ширша* относится к мельнице – возможно, в этом случае номинация отражает характерный для работающей мельницы «стрекочущий» звук.

Юргин, совр. *Югрин Ручей*, руч. (Мезенский р-н). ~ Коми-зыр. *юрғыны* ‘звенеть, звучать; греметь’, *юрган* ‘звонкий, звучный’ [КРС, 817].

Что касается иных лексических средств, реализующих в поморской субстратной топонимии «звуковую» модель, то они представлены относительно немногими примерами, ср.:

Ёрзеньга (*Эрзеньга*, *Брзэнга*), рчк. (Мезенский р-н). ~ Коми-зыр. диал. *эрзыны* ‘гоготать без удержу, громко смеяться’ [ССКЗД, 449], *ырзыны* ‘реветь, громко плакать’, ‘кричать, орать, вопить’ [ССКЗД, 445]. Для этой этимологии немаловажно, что варианты с начальными *э* / *ы* следует считать более близкими к субстратному источнику, поскольку переработка *јэ* > *э* или *јэ* > *ы* нетипична для русского языка, тогда как обратная переработка вполне вероятна по причине редкости начального *э* и отсутствию начального *ы* в русском языке.

Мугринский Ручей, руч. (Мезенский р-н). ~ Коми-зыр. *мургыны* ‘гудеть, рокотать’, *мурган* ‘рокошущий»; ср. также *муркōдны* ‘рокотать, грохотать’ [КРС, 435]. В этом названии предполагается метатеза **rg* > *gr*, ср. аналогичное изменение *Юргин* (истор.) – *Югрин* (совр.) в названии ручья соседней микроне (см. выше). Ср. также русское название ручья *Роковик*, который находится в нескольких километрах от *Мугринского Ручья*.

Опираясь на эту достаточно широкую картину, мы предлагаем обсудить и одну из возможностей объяснения названия *Турьи* (порог и ручей в Мезенском р-не), которое находит параллели на разных территориях исторического и современного проживания финно-угорских народов, но этимологически пока не интерпретировано. На наш взгляд, широкая распространенность этого топонимического типа может объясняться – по крайней мере, для части названий – их ономатопоэтическим происхождением, которое, с одной стороны, можно связывать с праязыковой древностью финно-угорского корня **tur(j)-*, с другой стороны – с относительно поздними результатами типологического совпадения названий в разных финно-угорских языках (практически все они обладают высоко развитой звукоизобразительностью). В частности, для мезенского *Турьи*, которое называет порог и ручей, на общем фоне подобных поморских топонимов вероятной представляется связь с фин. *turista* ‘жужжать, журчать; болтать, бормотать’, *turrata* ‘болтать, журчать’, карел. *turissa* ‘журчать; булькать; литься потоком, бить струей, пениться, клубиться; греметь, грохотать, сотрясаться; роптать; брызгать, разбрызгивать’, *turevuo* ‘начинать кипеть’ (ср. морд. *torams* ‘говорить; каркать’, *torodoms* ‘разговаривать, болтать’) [SSA, 3, 333]; выше см. также статьи *Торда*, *Туртова*, в которых представлены фонетически близкие звукоизобразительные корни саамского языка¹.

В связи с предлагаемыми этимологическими гипотезами отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о морфологических особенностях топонимов, интерпретируемых на основе ономатопоэтической лексики. При том что в субстратных названиях достаточно определенно просматриваются соответствующие глагольные основы, участие глаголов в образовании топонимов, очевидно, не является непосредственным – по всей вероятности, в топонимию проникают дериваты звукоизобразительных глаголов, т. е. причастия, отглагольные прилагательные, а возможно, и субстантивы.

Так, названия *Ерзеньга* (*Эрзеньга*, *Ырзеньга*), *Мугринский Ручей*, *Юргин Ручей*, которые относятся к восточной части Архангельского Поморья и сопоставимы с лексическими источниками коми языка (см. выше), следует, видимо, возводить к тому типу причастий (отглагольных прилагательных), которые в коми языке образуются с помощью *н*-овых суффиксов *-н*, *-он*, *-ён*, *-ан*, *-ян* и др. (< ф.-уг. **-н*) [ОФУЯ, 189] – ср. название реки *Войтемданью* (республика Коми), где *немдан* – причастная форма глагола *немдыны* ‘темнеть’ [Афанасьев, 1996, 47].

¹ Предлагаемой этимологии, казалось бы, противоречит тот факт, что субстратные топонимы типа *Турья* (*Турьи*) иногда относятся не к гидрообъектам, а к «молчащим» географическим реалиям – ср., например, название горы *Турья* на побережье Кандалакшской губы. Эта ситуация, с одной стороны, может объясняться произошедшим в древности метонимическим переносом (шумный ручей или водопад на горе → гора), однако можно предполагать и то, что в древнейших названиях гор – под влиянием наблюдаемых номинаторами природных процессов или без этого влияния – могли отражаться мифолого-поэтические представления, согласно которым гора колеблется и издает те или иные звуки (ср., например, библейское описание горы Синай перед явлением Господа: «...вся гора сильно колебалась»; «Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся» [Библия. Ветхий Завет. Исход, 19 : 18, 20 : 18]).

Подобный механизм можно предполагать и для некоторых древних субстратных названий прибалтийско-финского и саамского происхождения, если допустить, что в соответствующих языках-источниках еще сохранялись некоторые финно-угорские рефлексy (ф.-уг. **-n*, а также **-m*² – ср. в наших материалах название речки *Ширшема*). Однако по отношению к отдельным прибалтийско-финским топонимам – таким, как *Ириний Ручей*, *Пирина*, *Софына* – весьма вероятно и то, что их формантный компонент является рефлексом суффа. *-inen*: во всяком случае, как можно судить по современным словарным данным, этот суффикс способен образовывать прилагательные оноματοпоэтического характера, ср. фин. *kärt(t)yinen* ‘ворчливый’ наряду с *kärt(t)yisä* (буквально ‘ворчащий’) [РФС, 92], фин. *meluinen* ‘шумливый’ наряду с *meluisa*, *meluava* (буквально ‘шумящий’) при *meluta* ‘шуметь’ [РФС, 968] и др.³ Возможно, эта гипотеза способна объяснить не только названия с компонентом *-n-*, но и отдельные топонимы на *-(V)нга* / *-(V)ньга*, если предполагать, что в этих формантах при русском усвоении слились адъективный суффикс *-inen* и речной формант *-joki* / *-jogi* ‘река’ (например, в наших материалах – микрогидронимы *Рименьга* и **Лоренга*).

В заключение коснемся ряда вопросов, которые в связи с рассмотренным материалом представляются значимыми для будущих исследований субстратной топонимии Русского Севера.

Во-первых, даже по относительно немногим приведенным примерам довольно определенно вырисовывается звуковой тип, объединяющий основы «шумных» топонимов финно-угорского происхождения со стороны формы. В целом этот тип соответствует характеру оноματοпоэтической лексики финно-угорских языков, в которой чрезвычайно широко распространены и многочисленны звукоизобразительные глаголы с корнями типа CVR (согласный + гласный + дрожащий согласный), а также с корнями, содержащими шипящие, свистящие и придыхательные звуки. Тем самым представляется, что соответствующий формальный признак должен обязательно приниматься во внимание на начальном этапе разработки тех или иных этимологических версий – особенно если речь идет о гидронимах и названиях порогов, относящихся к тем зонам, где востребованность оноματοпоэтических номинаций подтверждается характером природных реалий.

Во-вторых, при этимологизации субстратных топонимов следует учитывать, что оноματοпоэтические лексемы в финно-угорских языках не только более многочисленны, чем в русском языке, но и более синкретичны по семантике, в которой весьма последовательно – и при этом не совсем так, как в русском языке – ассоциированы различные звуковые оттенки и присоединяемые к ним действия из мира движения. А. Л. Шиловым эта своеобразная «финно-угорская» семантика уже обозначена как ряд устойчиво связанных значений ‘шуметь, греметь’ ~ ‘течь, литься’ ~

² Подробнее об этом древнем суффиксе см. в работе А. К. Матвеева [2004, 23].

³ К последнему примеру можно привести русскую словообразовательную параллель: по-разному связанные с глаголом *шуметь* прилагательные *шумячий* и *шумливый*, которые, кстати, одинаково употребительны в топонимии.

‘пениться, клубиться, кипеть, бурлить, бушевать’ [Шилов, 2004, 98]; по нашим данным, которые во многом совпадают с наблюдениями А. Л. Шилова, к этому ряду можно добавить значения ‘журчать’, ‘звенеть’, ‘играть’, ‘стрекотать’, ‘трещать’, ‘щебетать’, ‘болтать’. Соответственно, финно-угорский глагол с любым значением данного ряда – независимо от того, насколько широко его семантика отражается современными словарями, – может рассматриваться как потенциально «топонимичный». Из этих обстоятельств следует также, что в сфере топонимии, имеющей оноματοпоэтические истоки, нельзя ожидать значительного числа полукалек и калек: напротив, представляется, что финно-угорские оноματοпоэтические названия в силу их разнообразия и семантического синкретизма были трудны для калькирования и большей частью усваивались русским населением в собственно фонетической форме (исключения могут составлять лишь некоторые «универсальные» модели, но в этих случаях обычно не удается провести границу между калькированием и типологическим совпадением).

В-третьих, совершенно очевидно, что использование оноματοпоэтической лексики не является исключительной чертой топонимии Архангельского Поморья. Иначе говоря, при отмеченном колоссальном богатстве оноματοпоэтических ресурсов финно-угорской лексики естественно предполагать, что они нашли отражение в субстратной топонимии самых разных территорий Русского Севера. К этому же ведет и осмысление практического значения оноματοпоэтических топонимов, которым в географическом пространстве соответствуют природные звуковые ориентиры, важные не только для поморов, но и, например, для охотников или оленеводов, каковыми повсеместно являлись древние финно-угры Русского Севера.

АРК – Республика Карелия: Общегеографический региональный атлас. М., 2002.

Афанасьев А. П. Топонимия республики Коми. Сыктывкар, 1996.

Библия. Синодальное издание. 2000.

Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.

КРС – Коми-русский словарь / Под ред. проф. В. И. Лыткина. М., 1961.

Кузьмин Д. В., Карлова О. Л. Экспедиция на Карельский берег Белого моря // *Вопр. ономастики*. 2005. № 2. С. 189–193.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001; Ч. II. Екатеринбург, 2004.

МДС – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Екатеринбург, 2004–.... . Вып. 1–

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

РФС – Русско-финский словарь. М., 1963.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Шилов А. Л. Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // *Вопр. ономастики*. 2004. № 1. С. 86–99.

Шолов А. Л. Об интерпретации некоторых материалов полевых сборов // *Вопр. ономастики.* 2006. № 3. С. 116–120.

KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II // LSFU XV. Helsinki, 1958.

Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa I–VII. Helsinki, 1955–1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

* * *

Надежда Владимировна Кабинина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

П. Амбросиани

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ И РУССКОЙ ОЙКОНИМИИ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

*The present article discusses the relationship between Baltic-Finnic and Russian place names relating to the same localities in the former province of Ingria, south and west of St. Petersburg. At least since the seventeenth century, during which this area belonged to Sweden, many villages have been known under both a Russian and a Baltic-Finnic (mostly Finnish, but in certain areas Votic or Ingrian) name. Such name pairs are often phonetically (*Peräkylä/Perekjulja*, *Saastrova/Zaostrov'e*) or semantically similar (*Nuolijoki/Strelna*, *Sutela/Volkovo*). Some name pairs can be explained as results of adaptation from one language to the other, but in some cases more complicated processes need to be reconstructed in order to account for the attested variation.*

1. Топонимия юго-западной части современной Ленинградской области, как известно, характеризуется известной пестротой: исконно русские названия селений сосуществуют здесь с прибалтийско-финскими (финскими, водскими, ижорскими), которые в современных официальных документах, как правило, выступают в более или менее адаптированной русским языком форме.

Вплоть до 1940-х гг. в этом регионе существовали сотни финских, водских и ижорских деревень. Водское и ижорское население имеет здесь глубокие исторические корни, тогда как большая часть собственно финского населения переселилась сюда из Финляндии в XVII в., когда интересующая нас область после Столбовского мира 1617 г. вошла в новую шведскую провинцию под названием Ингерманландия¹.

¹ Подробнее о переселении в XVI в. в Ингерманландию финноязычного населения – преимущественно из областей Саво (*Savo*) и Эуряпя (*Äyräpää*) см. работу [Saloheimo, 1982].

Среди общественных преобразований шведского времени особенно важно одно – новое административное деление провинции: старые *погосты* новгородской земли² постепенно преобразовались в систему лютеранских приходов, похожую на ту, которая уже существовала в «старом» Шведском государстве. В связи с административными реформами велась интенсивная работа по составлению писцовых книг новой провинции и, к концу века, топографических карт³ как всей Ингерманландии, так и отдельных ее частей: к самым важным документам той эпохи относятся, например, так называемая «Ингерманландская книга» 1618–1623 гг. [IB] и известная карта Ингерманландии А. Андерсина [Andersin]⁴.

Изучением многоязычной топонимии бывшей Ингерманландии занимались как русские, так и иностранные исследователи: см., например, работы З. М. Дубровиной [1969], А. И. Попова [1981], Е. Амбургер [Amburger, 1980, особенно гл. «Ortsnamnen in Ingermanland»], С. Кепсу [Kepsu, 1995], К. Фасулас [Fasoulas, 1977] и др. Исследования по топонимии Ингерманландии – прежде всего по финским географическим названиям – можно найти также в общих работах по финской ономастике [например: Nissilä, 1962].

2. У разноразличных топонимических пар, относящихся к одной и той же местности, можно дифференцировать два главных типа⁵ соотношения между членами пары: семантическая близость и фонетическая близость⁶.

Согласно З. М. Дубровиной [1969, 87], которая приводит целый ряд примеров переводных названий, относящихся к территории современной Ленинградской области (*Sutela – Волково*, *Oja – Ручьи*, *Nuolijoki – Стрельна* и др.), таких топонимов много⁷. Другие примеры: 1. *Kiwickko – Каменка* Set.,

² См. о них в недавно опубликованной монографии А. А. Селина [2003] с обширной библиографией.

³ О шведском картографировании Ингерманландии см. работу С. Б. Горбатенко [1997].

⁴ Документы так называемого Новгородского оккупационного архива (1611–1617 гг., т. е. перед мирным договором 1617 г.), относящиеся к периоду шведской оккупации Новгорода и части новгородских земель, включая будущую Ингерманландию, также содержат богатый топонимический материал [см.: Löfstrand, Nordquist, 2005; Ambrosiani, 2003a, 7].

⁵ В настоящей статье мы не обсуждаем топонимические пары, члены которых, по всей вероятности, образовались самостоятельно в обоих языках, например *Vanhakontu – Дубки* (см. ниже 3.2).

⁶ Ср. различие «переводных названий» и топонимов «финского... происхождения, приспособленных к нормам русского языка и к типам русской топонимии Ленинградской области» [Дубровина, 1969, 82, 87]. Об обратном явлении – приспособлении русских топонимов к финскому языку – см., например: [Nissilä, 1962, 130–147]. Подробнее о дискуссии, связанной с механизмами перевода, см.: [Матвеев, 2001, 111–123].

⁷ По нашим наблюдениям, однако, переводные названия встречаются заметно реже, чем топонимические пары, характеризующиеся фонетической близостью. Относительная частотность случаев семантической и фонетической близости, разумеется, во многом зависит от характера используемых источников: ср., например: [Ambrosiani, 2003a, 17], где демонстрируется связь между русским названием деревни *Быков ручей* (1611–1617 гг.) и соответствующим финским названием *Mickois* (1618 г.), *Mickosi* (1696 г.) и др., прослеживаемая через упоминание двух вариантных финских названий этой деревни в источнике 1619 г.: *Härkä-Jäen eller Mickosien kylä*. Такое идентифицирование лингвистически самостоятельных топонимов встречается относительно редко [ср.: Sosnowski, 2002, 12–13].

№ 15⁸ [ср.: Mustonen, 1931, 49; Nevalainen, 1982, 406: *Kivikko*], ср. фин. *kivi* ‘камень’; 2. *Seppälä* – *Кузнецы* Туг., № 19, ср. фин. *seppä* ‘кузнец’ [ср.: Дубровина, 1969, 87]⁹; 3. *Uusi-Kylä* – *Новая (Ильина)* Skw./Rop., № 80, *Uusikylä* – *Новая (Ускуля, Узикюля)* Туг., № 16¹⁰, *Asikkala (Uusi-Kylä)* – *Новая деревня* Туг., № 30 [ср.: Mustonen, 1931, 47; Nevalainen, 1982, 406: *Asikkala*], ср. фин. *uusi* ‘новый’, *kylä* ‘деревня’ [ср.: Дубровина, 1969, 87: «Uusi kylä – Новая Деревня»]¹¹.

3. Среди топонимических пар, характеризующихся фонетической близостью, отмечаются примеры приспособления как финского топонима к русскому языку, так и русского топонима к финскому. В обоих случаях звуковые закономерности более или менее одинаковы: финские глухие согласные *p, t, k* (особенно в середине слова) соотносятся с русскими звонкими согласными *б, д, г*; финское *s* соотносится с русскими *с, з, ш, ж, ч* и т. д. [ср.: Дубровина, 1969, 82–85]¹². Нередко фонетическое соотношение финских и русских топонимов осложняется различными явлениями морфологической адаптации [ср.: Там же, 85–86]. Далее обсуждается несколько типов финско-русских топонимических пар, встречающихся на территории центральной Ингерманландии.

3.1. Топонимы с фин. *-kylä* ‘деревня’ в качестве второй части [ср.: Матвеев, 2001, 255; Дубровина, 1969, 81]: 1. *Peräkylä* (*in der Revision: Pergelewa*) – *Пере-кюля* Dud. № 40; 2. *Suokylä (Pihkowitz)* – *Сокули* Ser. № 10, ср. фин. *suo* ‘болото’, *pihka* ‘смола’; 3. *Ylikylä* – *Илики* Туг. № 11, ср. фин. *yli* ‘верхний’.

Слово *kylä* участвует и в более сложных словосочетаниях: *Kylänpää* – *Баби́й Гонь (1-й Б.-Г.)* Туг., № 34 [ср.: АТДЛО, 1973, 238: *Низино* (центр Бабигонского

⁸ В указаниях на административную принадлежность населенных пунктов мы опираемся на работу [Körpen, 1867], в которой используются следующие обозначения лютеранских приходов центральной Ингерманландии: *Duderhof* – Dud. [Körpen, 1867, 60–63], *Gubanitz* – Gub. [Там же, 77–79], *Serebetta* – Ser. [Там же, 75–76], *Spanko* – Sp. [Там же, 67–69], *Skworitz und Ropscha* – Skw./Rop. [Там же, 70–72], *Tyris* – Туг. [Там же, 73–74]. В финских публикациях используются, как правило, финские названия соответствующих приходов: *Tuutari* (и *Hietämäki*), *Kupanitsa*, *Serepetta*, *Spankkova*, *Skuoritsa*, *Ropsu*, *Tyrö*. Краткие сведения об истории отдельных приходов см. в работе [Mustonen, 1931, 41–43 (*Tuutari & Hietämäki*), 44, 54 (*Skuoritsa & Kolppana*), 46 (*Ropsu*), 47 (*Tyrö*), 48–49 (*Serepetta*), 52–53 (*Spankkova*), 55 (*Kupanitsa*)].

⁹ Встречаются, однако, и примеры фонетической адаптации финских топонимов с компонентом *seppä*: ср. *Sepänkylä* – *Пудость Себякиля* Skw./Rop., № 21 [ср.: Mustonen, 1931, 45; Nevalainen, 1982, 406: *Pöllä* (*Sepänkylä*)].

¹⁰ Как показывает наличие русских вариантных обозначений – *Новая, Ускуля, Узикюля*, – иногда параллельно встречаются семантическая и фонетическая близость.

¹¹ Я. Саарикиви связывает топоним *Asikkala* с германским личным именем *Азика* [Саарикиви, 2003, 146]. Нельзя, однако, исключить, что топоним *Asikkala* мог выступать в фонетическом варианте, близком к *Uusikylä*, а если это так, то такой вариант впоследствии мог переводиться как русское *Новая деревня*. Дополнительный материал по ингерманландской деревне *Asikkala* см. в работе [Ambrosiani, 2003a, 9].

¹² Похожие звуковые соотношения наблюдаются в апеллятивной лексике, заимствованной из русского языка в финский [см.: Plöger, 1973, 271–276].

сельсовета Ломоносовского р-на)], ср. фин. *pää* ‘голова’. Русское название у Кеппена, кажется, является переоформлением финского *Papinkontu* [ср.: Ambrosiani, 2003a, 15]¹³.

3.2. Топонимы с фин. *-kontu* ‘дом, усадьба, хозяйство, имущество и т. п.’ в качестве второй части [ср.: Матвеев, 2001, 217–218; Дубровина, 1969, 81]¹⁴: 1. *Simonkontu* – **Больш. Симонгонть** Туг., № 41¹⁵; 2. *Tammenkontu* – **Таменгонть** Туг., № 23, ср. фин. *tammi* ‘дуб’; 3. *Usinkontu* – **Узигонть** Туг., № 54; 4. *Wellonkontu* – **Велигонть** Туг., № 52 [ср.: Mustonen, 1931, 44: *Vellonkontu* (Hietämäki); Nevalainen, 1982, 405: *Vellankontu* (Hietämäki)] и др.

3.3. Финские топонимы на *-la/-lä* [ср.: Матвеев, 2001, 245–247; Дубровина, 1969, 77–79; Nissilä, 1962, 53–54, 60, 91–92] часто подвергаются морфологической адаптации, приспосабливаясь к русскому типу на *-ово/-ево* (см. ниже 3.6): соответствующие русские топонимы, как правило, оканчиваются на *-лово/-лево* [ср.: Дубровина, 1969, 77–79]¹⁶: 1. *Pekkala* – **Сепеля (Сеппелева или Пекколова)** Skw./Rop. № 32; 2. *Pihilä* – **Пигелево** Dud. № 80, ср. фин. *piha* ‘двор’¹⁷; 3. *Pikkola* – **Пикколова** Dud. № 42, ср. фин. *pikku* ‘маленький’.

3.4. Финские топонимы на *-si* [ср.: Дубровина, 1969, 79–81; Fasoúlas, 1977] особенно характерны для бывшей Ингерманландии [ср.: Nissilä, 1962, 70–71]: 1. *Hirwosi* (*in der Revision: Ruotsi*) – **Гурвизи (Роцы)** Dud., № 24 [ср.: Mustonen, 1931, 42: *Hirvosi*; Nevalainen, 1982, 406: *Hirvosi (Ruotsi)*; Fasoúlas, 1977, 79]; 2. *Kaukasi* – **Каукузи (Каукази)** Dud., № 78 [ср.: Mustonen, 1931, 44; Nevalainen, 1982, 405: *Kaukaisi* (Hietämäki); Ambrosiani, 2003a, 11]¹⁸; 3. *Kuttusi* – **Куттузи** Dud., № 79 [ср.: Ambrosiani, 2003a, 12], ср. фин. *kuttu* ‘коза’; 4. *Willasi* – **Виллози, Вилози** Dud., № 45 [ср.: Mustonen, 1931, 43; Nevalainen, 1982, 405: *Villasi*; Fasoúlas, 1977, 87–88]¹⁹.

3.5. Русские топонимы типа *Заполье* [ср.: Подольская, 1983, 44–45] довольно многочисленны на территории Ингерманландии. Как правило, они не переводятся на финский язык, а адаптируются фонетически²⁰. Несколько примеров: 1. *Saahkonia* –

¹³ Вариант *Papinkontu* встречается уже в документах XVII в. [см.: Nallinmaa-Luoto, 1989, 39].

¹⁴ Встречаются также примеры пар, в которых название на *-kontu* соответствует самостоятельному русскому топониму: ср., например, *Wanhakontu* – **Дубки** Туг., № 26 [ср.: Mustonen, 1931, 48; Nevalainen, 1982, 406: *Vanhakontu*], ср. фин. *vanha* ‘старый’.

¹⁵ Деревня **Мал. Симонгонть** имеет, однако, финское название *Reijola* Туг., № 42.

¹⁶ Другие финские топонимы также могли адаптироваться аналогичным образом: ср., например, *Peräjärwi* – **Переярова** Skw./Rop., № 61.

¹⁷ В XVII в. эта деревня была известна также под названиями *Кюллятино*, *Кюллино* и т. п. (< фин. *kylä* ‘деревня’?) [см.: Ambrosiani, 2003a, 12–13].

¹⁸ Ср. точку зрения о вероятном отантропонимическом происхождении топонима *Кавкола* (Архангельская обл.) [Саарикиви, 2003, 143–144].

¹⁹ В некоторых случаях финские топонимы на *-si* выступают у Кеппена в вариантах на *-is*: ср., например, *Halos* – **Халузи** Туг., № 49 при *Halosi* в [Mustonen, 1931, 47; Nevalainen, 1982, 406; Fasoúlas, 1977, 90]; *Piuttuis* – **Пюдүзи** Туг., № 51 при *Piutusi* в [Mustonen, 1931, 48; Nevalainen, 1982, 406; Fasoúlas, 1977, 96–97]; *Pohjois* – **Поези (Шувалова)** Туг., № 45 при *Pohjoisi* в [Mustonen, 1931, 48; Nevalainen, 1982, 406; Fasoúlas, 1977, 97].

²⁰ Дополнительные примеры см. в работе [Nissilä, 1956, 58; 1962, 137–138].

Захонье Gub., № 7 [ср.: Mustonen, 1931, 56; Nevalainen, 1982, 407: *Saahkonja*]²¹; 2. **Saapulī – Заполье** Gub., № 31 (ср. *Saappola* [Там же]); 3. **Saostrowia – Заостровье** Ser., № 22 [ср.: Mustonen, 1931, 49; Nevalainen, 1982, 406: *Saastrova*].

3.6. Русские топонимы на *-ово/-ево*, *-ино* (включая варианты на *-а*: *-ова/-ева*, *-ина*) – один из самых распространенных типов русских топонимов [ср.: Никонов, 1959, 324–329; Sosnowski, 2002, 37–50]. Как правило, они адаптируются в финском языке с известными фонетическими изменениями [ср.: Nissilä, 1962, 143]: 1. **Kluchova – Глухова** Skw./Rop., № 86 [ср.: АТДЛО, 1973, 240: *Глухово*]²²; 2. **Klätinā – Глядина (Лядина)** Skw./Rop., № 87 [ср.: Mustonen, 1931, 46; Nevalainen, 1982, 406: *Klätinā*; АТДЛО, 1973, 242: *Глядино*]²³; 3. **Roksowa – Крокиово** Gub., № 38 [ср.: Mustonen, 1931, 56; Nevalainen, 1982, 407: *Roksova*]²⁴.

4. В некоторых случаях нельзя однозначно решить, какой язык является исконным для определенного топонимического типа: например, можно только сказать, что финские топонимы на *-itsa* регулярно соотносятся с русскими названиями тех же деревень на *-ицы*²⁵. При этом форма множественного числа русского топонима, как правило, противостоит финской форме единственного числа: 1. **Kurkowitz – Курковицы** Sp., № 3 [ср.: Mustonen, 1931, 53; Nevalainen, 1982, 407: *Kurkovitsa*]; 2. **Lumitz – Глумицы** Sp., № 7 (ср. *Luumitsa* [Там же]); 3. **Ragelitz – Раглицы** Sp., № 2 (ср. *Raakelitsa* [Там же]); 4. **Zernitz – Черницы** Sp., № 57 [ср.: Mustonen, 1931, 54; Nevalainen, 1982, 407: *Sernitsa*].

Противостояние финского единственного числа русскому множественному числу²⁶ характерно не только для топонимов на *-itsa/-ицы*, но и для других типов, например: 1. **Gorka – Горки** (Gub. № 17), **Korka (Gorkka) – Горки** (Skw./Rop. № 67)²⁷; 2. **Miina – Мины** (Skw./Rop. № 66).

²¹ Ср. фин. *honka* ‘сосна’, рус. *хонга*, арх. *конга*, *конда* ‘красная, хорошая сосна’ [Даль, 4, 560].

²² Встречаются также финские варианты *Kluuhova*, *Luuhova*, *Luuhkova* [см.: NA]. Об упрощении русского *кл* см. в работе [Plöger, 1973, 90–91 (*leima* < *клеймо*)]; о передаче русского *х* финскими *h*, *hk* см. [Там же, 169 (*räähkä* < *греб*), 276]. О топонимическом «гнезде» *глух-/глуи-* см. в работе Н. В. Подольской [1983, 138–139].

²³ В приходе Kolppana зарегистрирована деревня *Lätinā – Лядино* Sp., № 53 [ср.: Mustonen, 1931, 54; Nevalainen, 1982, 407: *Lätinā*; АТДЛО, 1973, 213: *Лядино*].

²⁴ Об упрощении русского *кр* см. [Plöger, 1973, 153–154 (*raja* < *край*), 156–157 (*resla* < *кресло*), 161–162 (*risti* < *крест*)].

²⁵ Ср. [Nissilä, 1956, 50], где, насколько можно судить, предполагается русское происхождение финских топонимов на *-itsa*. Как известно, русские названия на *-ицы* иногда интерпретируются как варианты топонимов на *-ичи* при наличии цокания [см.: Sosnowski, 2002, 29–31; Никонов, 1959, 336]. Н. В. Подольская, однако, четко различает «суф. *-иц-* + флексия *-ы/-и*» от «суф. *-ич-* + флексия *-и/-ы*» [Подольская, 1983, 101, 103]. З. М. Дубровина упоминает только формы на *-иц* [Дубровина, 1969, 85–86]. Преобладание топонимов на *-ицы* над топонимами на *-ичи* в исследуемом ареале объясняется, возможно, влиянием финского языка, где в заимствованиях, как известно, русское *ч* в середине слова обычно передается финским *ts* [см.: Plöger, 1973, 275].

²⁶ Подробнее о русских топонимах *pluralia tantum* см. в работе Н. В. Подольской [1983, 95–98].

²⁷ Для русского топонима *Горки* встречается не только финский вариант *Korka (Gorkka)*, но и форма *Kurku* с другим гласным (ср. фин. *kurkku* ‘горло, шея’, *kurki* ‘журавль’ [ср.: Дубровина, 1969, 86: *kurku*]); ср. *Gross Kurku – Большая Горки*, *Klein Kurku – Мал. Горки* Skw./Rop., № 73, 74 [ср.: Mustonen, 1931, 46; Nevalainen, 1982, 406: *Suuri Kurku*, *Pieni Kurku*].

5. Кроме приведенных примеров встречаются также случаи, когда взаимоотношение финского и русского членов топонимической пары является более сложным. Привлечение дополнительного материала, в частности шведских карт XVII в., сделало возможным объяснение нескольких таких случаев, например:

5.1. *Dubitz – Дубицы* Sp., № 12 [ср.: Mustonen, 1931, 53; Nevalainen, 1982, 407: *Tupitsa*). В материалах НА встречается также вариант *Tammela* (ср. фин. *tammi* ‘дуб’). В данном случае мы имеем дело с двумя различными явлениями: это, во-первых, фонетическая адаптация топонима *Дубицы* в финском языке (*Tupitsa*); во-вторых, это семантическая близость топонимов *Дубицы* и *Tammela*, объясняемая переводом либо с русского на финский, либо с финского на русский.

Если исходить из того, что топоним *Дубицы* (*Tupitsa*, *Tammela*) возник в финноязычной среде, можно предложить следующую относительную хронологию: 1) перевод финского *Tammela* на русский как *Дубицы*; 2) фонетическая адаптация русского *Дубицы* в финском языке в форме *Tupitsa*. Напротив, если предполагать исконно русское происхождение интересующего нас названия, то приходится реконструировать два процесса, для которых невозможно определить относительную хронологию: а) перевод русского *Дубицы* на финский как *Tammela*; б) фонетическая адаптация русского *Дубицы* в финском языке в форме *Tupitsa*.

5.2. *Salusi – Салужу* (Sp. № 52)²⁸. На первый взгляд, финскую форму *Salusi* можно сопоставить с другими финскими топонимами на *-si*. Однако, как показывают материалы ПКВ, исходной формой является русское *Залужье* [ПКВ, стб. 688; ср.: Ambrosiani, 2003б, 62, 68], относящееся к деревне в Дягилинском погосте (ср. 3.5). Этот русский топоним адаптировался в финском языке в форме *Salusi*. Впоследствии финская форма послужила источником для современной русской формы *Салузи* (*Салужу*).

5.3. *Gross Taiz Gut – Большая Тайцы, Dorf Gross Taiz – Большая Тайцы, Klein Taiz – Малая Тайцы* Skw./Rop., № 51, 52, 57 [ср.: Mustonen, 1931, 45: *Suuri Taitsa*; Nevalainen, 1982, 406: *Suuri Taista* (sic)]. Как в материалах ПКВ, так и в шведских материалах XVII в. встречается форма множественного числа *Стаища* в разных вариантах: в *Стаищах*, *Staissa*, *Staitsa by*, *Staissahof* и т. п.²⁹ По всей вероятности, исходная русская форма³⁰ адаптировалась в финском языке – с упрощением начального *ст* в *с*³¹ и медиального *щ* в *тс* или *с* [ср.: Plöger, 1973, 275] –

²⁸ Современное название – *Котельниково* [см.: Amburger, 1980, 673; Перевезенцева, 2004, 77].

²⁹ Ср. ПКВ, стб. 682: *С. Стаища* (в Дягилинском погосте), стб. 873: *Д. Стаища* (в Взылицком погосте); IB: *Staissa ödhe* [ср.: Ambrosiani, 2003б, 68].

³⁰ Для топонима *Стаища* предлагается этимология от апеллятива *стая* ‘овин; конюшня’ [см.: Sosnowski, 2002, 76; Даль, 4, 319].

³¹ Ср. у Кеппена деревня *Starastina* (*Staarastina*) – *Старостина* («Pastorat zu Markowa, Filial-Gemeinde Järwisaari», № 16) [Körpen, 1867, 56]; согласно З. М. Дубровиной [1969, 86], встречается и финский вариант *Tarastina* (ср., однако, название этой деревни в финских источниках: *Staarostina* [Mustonen, 1931, 36]; *Staarastina* [Nevalainen, 1982, 404]. Упрощение русского *стар-* в финское *taar-* находим в работе [Nissilä, 1975, 139]: фин. *taarasti* < рус. *староста*; ср. также фин. *tarina* < рус. *старица* [Plöger, 1973, 198–199], фин. *tankki* < рус. *станок* [Там же, 196–197].

в форму *Taitsa*, которая затем адаптировалась обратно в современную русскую форму *Тайцы*³².

5.4. **Tarowitz – Таровицы** Sp., № 27 [ср.: Mustonen, 1931, 53; Nevalainen, 1982, 407: *Tarovitsa*]. На карте [Andersin, 1704] в соответствующем месте значится название *Starawas*, которое можно идентифицировать с засвидетельствованным на территории Кипенского погоста топонимом *Старая Весь* [ср.: ПКВ, стб. 642, 664]³³. Эта форма адаптировалась в финском языке: начальное *ст* упростилось в *т*, и слово *весь* переосмыслилось в уже знакомый формант *-itsa*. Впоследствии обратная адаптация в русском языке дала форму *Таровицы* (ср. выше 4).

5.5. **Tököttilä – Тякотели** (Dud. № 38)³⁴, ср. фин. *tökötti* ‘деготь (из березы)’, заимствованное из рус. *дѣготь* [см.: Plöger, 1973, 215; Jarva, 2003, 149]. В этом случае, по всей вероятности, образование топонима произошло в финноязычной среде: на основе финского апеллятива *tökötti*³⁵ создан топоним *Tököttilä*³⁶, который затем адаптировался в русское *Тякотели* (*Текотеля*).

6. Как видно из приведенных примеров, топонимия бывшей Ингерманландии иллюстрирует главные типы соотношений, которые встречаются в дву- или многоязычных ареалах, причем не только в России, между разноразличными топонимами, функционирующими на одной местности³⁷:

- 1) топонимы, возникшие самостоятельно в обоих языках, не связанные ни семантически, ни фонетически;
- 2) топонимы, характеризующиеся семантической близостью – «переводные» пары³⁸;
- 3) топонимы, характеризующиеся определенной фонетической близостью.

Вместе с фонетической адаптацией иноязычного топонима, как известно, нередко происходит также морфологическая адаптация: иноязычный топоним ста-

³² В недавно изданной работе Г. П. Смолицкая объясняет топоним *Тайцы* – без привлечения данных писцовых книг – из гидронима *Тайца* [Смолицкая, 2002, 339].

³³ Ср. топоним *Новая Весь*, относящийся к тому же Кипенскому погосту [ПКВ, стб. 644, 654].

³⁴ Согласно материалам НА, топоним *Tököttilä* являлся общим названием трех маленьких деревень: *Ruuteli*, *Rötsälä*, *Myrälä*. На карте 1826 г. [KS] встречаются соответствующие русские названия: *Текотеля* (*Рюттилева*), *Текотеля* (*Речилева*), *Текотеля* (*Мюрино*), кроме того, на карте указана еще маленькая деревня *Текотеля* (*Корсилева*).

³⁵ Судя по широкому распространению в финских говорах (см. карту в [Jarva, 2003, 216]), слово *tökötti* должно являться относительно ранним заимствованием в финский язык.

³⁶ Примеры других топонимов, образованных от апеллятива *tökötti*, см. в работе [Nissilä, 1956, 198].

³⁷ Для славянской ономастики особенно интересны славяно-германские соотношения в топонимии северной Германии и южной Австрии; в прибалтийско-финской ономастике шведско-финские соотношения на юге Финляндии и шведско-саамско-финские соотношения на севере Швеции, как известно, являлись предметом большого числа исследований.

³⁸ Речь идет о семантической близости либо всего топонима, либо отдельной его части [ср.: Матвеев, 2001, III]: ср., например, «переводную» пару *Sutela* – *Волково*, в которой финское *Sute-* (*Susi*) семантически эквивалентно русскому *волк*, но финское *-la-Ø* ни семантически, ни морфологически не является эквивалентом русского *-ов-о*.

вится в ряд уже существующего топонимического типа принимающего языка. Ср., например, переход финского *Pikkola* (содержащего прилагательное *pikku* ‘маленький’ и топоформант *-la/-lä*) в русское *Пикколова* или *Пикколово*, которое, кроме фонетически адаптированных элементов *Пикко* и *л*, содержит также суффикс *-ов-* и окончание *-а* или *-о*.

Кроме «чистых» соотношений, топонимия бывшей Ингерманландии представляет также примеры более сложных корреляций между членами разноязычных топонимических пар.

Во-первых, двучленные топонимы, содержащие определения *большой / малый, старый / новый* и т. п., часто обнаруживают смешанный тип взаимоотношения: определение переводится, тогда как основная, определяемая часть топонима лишь фонетически адаптируется. Ср., например, рус. *Большая* и *Мал. Горки* [Körpen, 1867, 72] – фин. *Suuri* и *Pieni Kurku* [Mustonen, 1931, 46; Nevalainen, 1982, 406]; рус. *Большое* и *Малое Кикерино* [Körpen, 1867, 77] – фин. *Suuri* и *Pieni Kikkeri* [Mustonen, 1931, 55; Nevalainen, 1982, 407–408]; рус. *Старая* и *Новая Боровская* (*Старый* и *Новый Борь*) [Körpen, 1867, 75] – фин. *Vanha* и *Uusi Poru* [Mustonen, 1931, 49; Nevalainen, 1982, 406], рус. *Стар.* и *Нов. Добрянцы* (*Добрянца, Добрянцы*) [Körpen, 1867, 76] – фин. *Vanha* и *Uusi Dobrenitsa* [Mustonen, 1931, 49; Nevalainen, 1982, 406] и т. д.³⁹

Во-вторых, нами предложено несколько примеров топонимических «цепочек», в которых реконструируется серия фонетических адаптаций или их комбинация с переводами: ср., например, топонимические пары *Salusi* – *Салужси*, *Tarowitz* – *Таровицы* (см. 5.2, 5.4)⁴⁰.

Таким образом, при анализе характерных черт топонимии бывшей Ингерманландии мы обратили внимание не только на некоторые общеизвестные явления топонимического контакта, но и на конкретные примеры, требующие тщательного исследования. Несомненно, более широкое использование архивных источников выявит в дальнейшем еще ряд интересных случаев соотношения между финскими и русскими топонимами бывшей Ингерманландии.

АТДЛО – Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1973.
Горбатенко С. Б. Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России // Краеведческие записи: исследования и материалы. Вып. 5. СПб., 1997. С. 9–37.

³⁹ Показательно, что Кеппен приводит названия с переводом первой части на немецкий язык: *Gross Kurku, Klein Kurku; Gross Kikkeri, Klein Kikkeri; Alt Boru, Neu Boru; Alt-Dobranitz, Neu Dobranitz*.

⁴⁰ Аналогичные реконструкции предлагаются также для начальных согласных топонимов *Ponua* (< *Храница*, см. [Смолицкая, 286–287]), *Гатчина* (< *Хотчино*, см. [Смолицкая, 71–72; Ambrosiani FRB, 62, 68]) и др.

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1979–1981.
- Дубровина З. М. Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области // *Вопр. финно-угорской филологии*. Вып. 2. 1969. С. 76–87.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001.
- Никонов В. А. География русских суффиксов // *Onomastica*. Т. V (1959). С. 321–345.
- Перевезенцева Н. А. По Балтийской железной дороге от Петербурга до Гатчины. СПб., 2004.
- ПКВ – Писцовая книга Водской пятины: письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Семенова сына Моклокова 7008 г. Цит. по изд. Археографической комиссии: Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868 (факс. изд.: *Slavistic printings and reprintings*. Vol. 212/3. The Hague & Paris, 1969).
- Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы: словообразовательный анализ. М., 1983.
- Попов А. И. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Ленинград, 1981.
- Саарикиви Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // *Этимологические исследования*. Вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 136–148.
- Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.
- Ambrosiani P. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // *Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15–21 August 2003* / Ed. Englund Dimitrova, B. & A. Pereswetoff-Morath. Lund, 2003a. P. 7–20.
- Ambrosiani P. Finska och ryska bebyggelsenamn i Ingermanland // *Namn och kulturella kontakter i Östersjöområdet. Handlingar från NORNA:s 30:e symposium i Visby 14–16 september 2001* / Ed. S. Nyström. Uppsala, 2003b. С. 60–73.
- Amburger E. Ingermanland: Eine junge Provinz Rußlands im Wirkungsbereich der Residenz und Weltstadt St. Petersburg – Leningrad. Köln & Wien, 1980.
- Andersin A. General Charta öfwer Provincien Ingermanneland <...>, карта Ингерманландии, нарисованная в Стокгольме в 1704 г.
- Fasoullas K. Inkerin si-loppuiset kylännimet. Helsinki, 1977.
- IB – Ingermanlands Boken pro Anno 1618 1619 1620 1621 1622 1623. Государственный архив Швеции, Стокгольм, Östersjöprovinsernas räkenskaper 1562–1709. Vol. 76. (Изд.: *Jordeböcker öfver Ingermanland*. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1–2. СПб., 1859–1862.)
- Jarva V. Venäläisperäisyys ja ekspressiivisyys suomen murteiden sanastossa. Jyväskylä, 2003. (Jyväskylä studies in humanities. 5).
- Kepsu S. Pietari ennen Pietaria: Nevansuun vaiheita ennen pietarin kaupungin perustamista. Jyväskylä, 1995. (Русский перевод: Петербург до Петербурга – История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.)
- KS – Топографическая карта окрестностей Красного Села, 1826 г. Для настоящей статьи использован экземпляр, хранящийся в Военном архиве Швеции (Krigsarkivet), г. Стокгольм, ф. 32, № 119.
- Köppen P. von. Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St. Petersburg, 1867.
- Löfstrand E. & L. Nordquist. Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm, 2005. (Skrifter utgivna av Riksarkivet 24).
- Mustonen J. Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki, 1931. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 191).

- NA – картотека топонимов Ингерманландии, хранящаяся в Ономастическом архиве (Nimiarkisto) при Центре исследования языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus). Хельсинки.
- Nallinmaa-Luoto T.* Mårten Feirichin jäljillä // *Genos*. T. 60. 1989. P. 25–30, 39.
- Nevalainen P.* Inkerinmaan suomalaiset seurakunnat kylästä kylään ennen neuvostoaikaa // *Inkeri: historia, kansa, kulttuuri* / Ред. Nevalainen, P. & H. Sihvo. Helsinki, 1982. P. 402–409.
- Nissilä V.* Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 272).
- Nissilä V.* Slaavilaisia aineksia nimistössämme // *Virittäjä*. T. 60. 1956. P. 49–70.
- Nissilä V.* Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Plöger A.* Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1973. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. 8).
- Saloheimo V.* Inkerinmaan asutus ja väestö 1618–1700 // *Inkeri: historia, kansa, kulttuuri* / Ред. Nevalainen, P. & H. Sihvo. Helsinki, 1982. P. 67–82.
- Sosnowski J.* Toponimia rosyjska XVI wieku: Nazwy wsi. Łódź, 2002.

Сокращения

- Dud. – Pastorat Duderhof im Zarskossessl'en Kreise <приход Дудергоф, Царскосельский уезд>
- Gub. – Pastorat Gubanitz, in den Kreisen von Oranienbaum und Zarskoje-Sselo <приход Губаницы, Ораниенбаумский и Царскосельский уезды>
- Ser. – Pastorat Serebetta im Oranienbaumer Kreise <приход Серепетта (Жеребяты), Ораниенбаумский уезд>
- Sp. – Pastorat Spanko in den Kreisen von Zarskoje Sselo und Oranienbaum <приход Шпаньково, Ораниенбаумский и Царскосельский уезды>
- Skw./Rop. – Pastorat zu Skworitz und Ropscha <приход Скворицы и Ропша, Ораниенбаумский и Царскосельский уезды>
- Tyr. – Pastorat Tyris (spr. Türis), im Oranienbaumer und St. Petersburger Kreise <приход Тюре (Мартышкино), Ораниенбаумский и Санктпетербургский уезды>

* * *

Пер Амбросиани – доктор филологии, профессор русистики факультета лингвистических исследований Университета в Умеа (Швеция).

СООБЩЕНИЯ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 6

В. С. Картавенко

ДРЕВНИЙ ВЕРЖАВСК: К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЯ

Вержавск впервые упоминается в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. О местоположении города Вержавска среди историков было много споров еще в XIX в. Так, И. Д. Беляев отождествлял его с городом Ржевом на Волге [Беляев, 1852, 177]. Придерживался этой версии и А. И. Соболевский, отмечавший, что название *Ржев* образовалось из *Вържева*, следовательно, *Вержавск* – это и есть древнее название Ржева [Соболевский, 1888, 83]. Историк, исследователь Смоленской земли П. В. Голубовский не согласился с предположением И. Д. Беляева о тождестве древнего Вержавска и Ржева. Он поддержал мнение М. Ф. Владимирского-Буданова [1876, 1, 221] о том, что город Вержавск находился на месте современного села Вержи, расположенного на реке Верже (притоке Днепра) [Голубовский, 1895, 65].

Краевед, знаток исторической географии Смоленской земли XII в. И. И. Орловский помещает древний Вержавск на озере Ржавец, недалеко от деревни Городище (в нынешнем Демидовском районе Смоленской области) [Орловский, 1907, 169]. Это место было географически выгодно, так как располагалось на одном из участков древнего водного пути «из варяг в греки». Предположение И. И. Орловского основано на письменных источниках начала XVII в., которые помогают достаточно верно определить место расположения древнего города [Акты исторические, 1841, II, 218]. Судя по этому документу, можно предположить, что Вержавск располагался возле литовской границы, между Велижем и Смоленском.

Многочисленные археологические раскопки, проводившиеся на местах предполагаемого расположения города Вержавска, подтвердили, что ни в окрестностях села Вержи, ни в бассейне реки Вержи нет городища, которое могло бы быть древним городом Вержавском. Не было привлекательным в древнерусский период и географическое положение реки Вержи, поэтому район был слабо заселен. Бассейн реки Гобзы, напротив, был удобен для судоходства, эта река через Касп-

лю и далее через Западную Двину связывала Смоленскую землю с Полоцкой землей. Также археологи указывают, что здесь находится большое количество городищ и могильников [Лявданский, 1926, 279]. «По густоте расположения археологических памятников этот район Смоленской области уступает лишь ее центральной части» [Седов, 1961, 323].

Такой важный документ, как «Список русских городов», составленный в конце XIV в., среди десяти смоленских городов этого времени называет город Ржавеск [Новгородская первая летопись, 1950, 476]. Это дало основание предположить, что город *Ржавеск* находился недалеко от озера *Ржавец*, следовательно, летописный *Ржавеск* XIV в. и древний смоленский город *Вержавск* – это один и тот же город [Седов, 1961, 317–326; Алексеев, 1980, 158–161; Шмидт, 1982, 44–46].

Во время литовско-польского владычества Вержавск постепенно утрачивал свое значение, приходил в упадок, а в XVII в. полностью прекратил свое существование, поэтому его отсутствие в списке городов XVI в. не вызывает удивления [Зимин, 1955, 336–347].

Гипотеза о расположении древнего *Вержавска* на реке *Верже* по сути основывается на предположении о производности названия города от гидронима. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев, исследуя названия рек в верховьях Днепра, в числе гидронимов балтийского происхождения указывают и название *Вержа*: «*Вержа*, 1) *Большая Вержа*, п. п. Днепра; 2) *Малая Вержа*, л. п. *Большой Вержи*, вар. *Вержица*, из балт., ср. лит. *Virzuva, Pavirzupe* (Буга, TiZ, I 1923, 40, Фасмер, Sitber Preus. Akad., 1932, 658). Сюда же *Вержейка*, п. п. Ветьмы, л. п. Десны...» [Топоров, Трубачев, 1962, 179]. Однако, как уже отмечалось, по берегам реки Вержи до сих пор не обнаружено следов крупных поселений, поэтому версия о происхождении *Вержавска* от гидронима вряд ли может быть принята.

Другие лингвистические данные свидетельствуют в пользу отождествления древнего Вержавска с Ржавеском. Еще А. И. Соболевский писал о случаях выпадения согласных не только в именах нарицательных, но и в географических названиях (*Дебрянск* – *Брянск*, *Пльсков* – *Псков*, *Вържева* – *Ржева*) [Соболевский, 1888, 83]. Вполне возможно, что то же самое произошло и с названиями *Вержавск* – *Ржавеск*. Таким образом, древний топоним *Вержавск* напрямую оказывается связан с наименованием озера *Ржавец*, которое, в свою очередь, произошло от топоосновы *ржав-*, очень употребительной в восточнославянской и – шире – славянской топонимии. В пользу этой версии служит как то, что апеллятив *ржавец* (*аржавец*) широко распространен в смоленских говорах [ССГ, 1, 84; 9, 133], так и то, что на всей территории Смоленщины множество ручьев, болот, покрытых ржавой, бурой пленкой. Смоленский исследователь-географ Б. А. Махотин видит обоснованность этимологической связи между *Вержавском* и озером *Ржавец* в «широкой распространенности на территории области “ржавых” рек, озер, болот и других объектов» [Махотин, 1989, 71].

Очень много топонимов и микротопонимов с топоосновой *ржав-* находим в памятниках смоленской деловой письменности XVII–XVIII вв.: д. *Ржавец* [РГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 15171, 581. 1670–1697 гг.], рч. *Ржавка* [РГАДА, ф. 1209, оп. 2,

д. 15171, 101. 1670–1697 гг.], рч. *Ржавец* [РГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 15175, 244. 1685–1690 гг.], руч-к *Ржавец* [Там же, 415], д. *Ржавец* [РГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 15176, 247 об. 1693–1698 гг.], сц. *Ржавец* [ГАСО, ф. 113, оп. 1, д. 210, 19], сц. *Аржевицы* [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 54/1487, 48. 1776–1779 гг.], сц. *Ржавец* [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1440, 22. 1781 г.]. Ср. также в контекстах: «Идучи прямо стеною через сухую тушомлю идучи в верховье ручья Ржавца а ручьемъ Ржавцомъ внизъ около земель гдна Садовского бровь в реку Веприну» [ГАСО, ф. 106, д. 10, 1 об. 1768 г.]; «Внизъ лощины в коей ручей Ржавецъ которой составил живую неперменную межу» [РГАДА, ф. 1337, оп. 2, ч. 1, д. 1, 6 об., 1777 г.]. Довольно много подобных топонимов бытует и сейчас: д. *Аржавеч*, *Аржавитино*, *Аржавицы*, *Аржауховка*, *Арженики* [АТУ, 113]; д. *Большая Ржава*, *Малая Ржава*, *Ржава*, *Ржавенье*, *Ржавец*, *Новый Ржавец*, *Старый Ржавец*, пос. *Ржавец*, д. *Новая Ржавка*, *Старая Ржавка*, *Ржавцы*, *Ржавы*, пос. *Ржев* [АТУ, 319].

Существует возможность и еще одного объяснения топонима *Вержавск*. Широкое бытование балтийской гидронимии на территории Смоленского края, подчинение иноязычной лексики законам древнерусского языка, усвоение и адаптация неславянских слов предполагает в далеком прошлом наличие некоего апеллятива балтийского происхождения, послужившего основой для образования топонима *Вержавск*. В процессе адаптации исходный апеллятив мог настолько измениться, что стал восприниматься как исконный, обычный для древнерусского языка, в результате чего и получил возможность соотноситься со словом *ржавец*.

Акты исторические. Т. II. СПб., 1841.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.

АТУ – Административно-территориальное устройство Смоленской области. М., 1981.

Беляев И. Д. О географических сведениях в древней Руси // Зап. Рус. Географ. об-ва. Кн. 6. СПб., 1852.

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. Киев, 1876.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.

Зимин А. А. Состав русских городов XVI в. // Историч. зап. Т. 52. М., 1955.

Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. НИСГУ. Т. 3. Ч. 3. Смоленск, 1926.

Махотин Б. А. К живым истокам. Смоленск. 1989.

Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.

Орловский И. И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907.

Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 4. Смоленск, 1961.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.

ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 1. М., 1982; Ч. 2. М., 1983.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 1209/2 – Поместный приказ; Ф. 1337/2 – Хранилище поместно-вотчинных и межевых фондов. Материалы генерального и специального межевания по Смоленской губернии; Ф. 1355/1 – Экономические примечания к планам генерального межевания (Смоленская губерния, 1776–1779 гг.).

ГАСО – Государственный архив Смоленской области (Смоленск). Ф. 106 – Храповицкие, князя Оболенские; Ф. 113/1 – Личный фонд Клетновой Е.Н. (д. № 210).

* * *

Вера Сергеевна Картавенко – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета.

В. И. Супрун

ПУШКИНСКИЙ АУТОГРАФОНИМ

Яблочный Пирог – так необычно подписал Александр Сергеевич Пушкин одно из своих писем. Воронежский исследователь Г. Ф. Ковалев предположил, что это один из псевдонимов нашего великого поэта [Ковалев, 2005, 38]. Как известно, псевдоним – «вымышленное имя писателя, артиста, политического деятеля» [БТС, 1042]. Энциклопедический словарь добавляет: «к<ото>рое заменяет его наст<оящие> имя или фамилию (либо то и другое)» [БЭС, 974], однако и этого уточнения, видимо, недостаточно, поскольку дефиниция не определяет сферу функционирования онима. Более точно термин определен в словаре Н. В. Подольской: «Вид антропонима <...>. Вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [Подольская, 1988, 113]. В числе причин возникновения этого типа онимов называются экстралингвистические факторы: стремление избежать преследований, желание мистифицировать адресата, неуверенность в успехе, мода, коммерческий резон и др. [Мочалкина, 2004, 3].

Полное определение термина *псевдоним* может быть следующим: вид антропонима – вымышленное имя, отчество и/или фамилия писателя, художника, артиста, музыканта, политического деятеля и пр. (реже – группы лиц), заменяющее его (их) настоящее имя, отчество и/или фамилию и используемое в публичном общении (на обложках книг, афишах, в прессе и т. п.); может в процессе функционирования полностью или частично вытеснять подлинный антропоним и употребляться в качестве официального (паспортного) имени, отчества и/или фамилии.

С псевдонимом частично сближается кличка – «конспиративное прозвище у человека, находящегося в какой-либо тайной организации, в т. ч. партийная кличка у многих членов партии в период ее нелегального существования (сейчас – партийный псевдоним)» [Подольская, 1988, 65]. Этот вид антропонима является вымышленным, заменяет настоящее имя, отчество и/или фамилию, используется в публичном общении, может переходить в официальное именование человека, но отличается

от собственно псевдонима более узким функциональным предназначением – он создается для того, чтобы скрывать подлинное имя человека, быть секретным, маскирующим, эзотерическим, известным (понятым) только посвященным [ср.: Мочалкина, 2004, 9].

В последнее время широкое распространение получили пренонимы – особый вид псевдонимов, представляющий собой реальное или придуманное имя, употребляемое без фамилии. Такие антропонимы характерны прежде всего для поп-музыкантов: *Алсу, Валерия, Жасмин, Юлиан* и др. [Мочалкина, 2004, 7]. Они используются на афишах, в СМИ, заменяют официальный антропоним, но созданы только для выполнения рекламной функции, не соответствуют компонентному составу реальной антропонимии, не могут по структурным особенностям стать полным паспортным антропонимом.

Исходя из сказанного, в число псевдонимов мы не можем включить различные серьезные и шуточные подписи в письмах, дарственных надписях и т. д., которые хотя и бывают нередко также вымышленными, заменяют подлинные антропонимы, но употребляются только в интимном общении, не предназначены для широкой публики. Вспомним, например, богатый репертуар подписей в письмах А. П. Чехова: *А., Твой А., Твой богатый брат А., Антоний, Антуан, Антонио, Собакин, Алехин, Твой Антон, Твой Тотоша, Твой Antonio, Муж Antonio, Твой Antoine, Твой кое-кака, Твой Муж!!!, Твой муж Антон, Твой муж Антонио, Твой муж Antonio, Муж твой Antoine, Твой супруг Antoine, Твой хозяин Антон, Твой кумысный брат Antoine, Твой А. Чех немец, Твой Антон Актрисын, Твой муж А. Актрисин, Твой иеромонах Антоний, Твой муж под башмаком Antoine, Твой строгий муж Antoine, Твой десном Antoine, Твой свирепый муж Antoine, Твой суровый муж Antoine, Твой верный муж Antoine, Твой немец Антон, Твой муж немец Антон, Твой старый немец Антон, Твой немец, строгий муж Antoine, Твой муж в протертых брюках, но не пьющий Antoine* и др. [Чех. Письма, 10, 12; Книп.]¹.

В силу традиций ономастики образовывать термины для разных типов онимов, в том числе и для специфических форм их бытования, мы можем назвать эти единицы *автографонимами*, или *аутографонимами* < греч. *αὐτογράφος* ‘собственноручно написанный’ [ГРС, 223]. Поскольку русское слово *автограф* имеет несколько значений: 1) собственноручная надпись или подпись; 2) собственноручный авторский рукописный текст [МАС, 1, 22; БТС, 26], а в современном узусе употребляется в основном с оттенком значения ‘подпись известного писателя, артиста, художника, музыканта, спортсмена, политика и т. п. на его книге, каталоге произведений, афише, открытке и пр. (часто выступает объектом коллекционирования); является фактом официальной коммуникации’, желателен ономастический

¹ Характерно, что эти единицы не включены И. Ф. Масановым в словарь [СПРП, 4, 5/5], очевидно, именно потому, что они не выполняют главной функции псевдонима – быть широко известным именованием лица, употребляться при публичной коммуникации.

термин не связывать с этой лексемой, поэтому второй вариант предпочтителен². *Аутографоним* – имя собственное, выбираемое в качестве подписи при эпистолярном общении, в различных дарственных надписях и в других случаях неофициальной коммуникации.

Именно аутографонимом является пушкинская шутливая подпись под письмом. Г. Ф. Ковалев считает, что в этой подписи «в легкой игривой форме зашифрованы инициалы поэта (буквально – *Я Пушкин*)», и предполагает, что именно из-за шуточности эта подпись не попала в словарь И. Ф. Масанова [Ковалев, 2005, 38]. Как мы уже убедились, шуточность здесь не при чем. Среди псевдонимов тоже могут встретиться весьма забавные единицы, сближающиеся с юмористическими дарственными или эпистолярными подписями. Например, некоторые псевдонимы А. П. Чехова по эмоциональному потенциалу весьма схожи с его приведенными выше подписями в письмах: *Брат моего брата*, *Врач без пациентов*, *Вспыльчивый человек*, *Некто*, *Прозаический поэт*, *Человек без селезенки* и др. [СПРП, 4, 515], но различия в сфере употребления этих двух типов имен собственных являются достаточным основанием для их разграничения.

Неубедительной выглядит и расшифровка воронежским ученым мнимого пушкинского псевдонима. Хотя среди аутографонимов довольно часто встречаются инициальные подписи и словосочетания разного состава и протяженности (см. выше список чеховских эпистолярных подписей), все они являются номинативными единицами, поскольку главная цель их появления – номинировать (в явном или зашифрованном виде) адресанта, автора письма или дарителя. Предполагаемая расшифровка пушкинского аутографонима **Я Пушкин* представляет собой предложение, коммуникативную единицу, которая не может выступать в качестве подписи, так как это противоречит логике коммуникативного акта.

И все же в *Яблочном Пироге*, возможно, есть определенная связь с инициалами поэта. Мы уже касались этого вопроса [см.: Супрун, 2006б, 173], теперь попытаемся более аргументированно проследить путь возникновения аутографонима. Чтобы реконструировать процесс возникновения необычной подписи, этапы номинативного, «ономатургического», акта, определить интенции номинатора, рассмотрим историю написания письма.

1 сентября 1827 г. в Тригорском, имении П. А. Осиповой, соседнем с Михайловским, собирается веселая компания, участником которой традиционно оказывается и Пушкин. Видимо, накануне пришло письмо от Анны Петровны Керн, родственницы хозяев дома и предмета романтической влюбленности поэта, посвятившего ей бессмертное «Я помню чудное мгновенье», написанное (и врученное адресату) именно здесь, на Псковщине. Сын хозяйки Алексей Вульф начинает писать кузине ответ, и скоро к этому процессу подключаются остальные.

² М. В. Голомидова предлагает термин *автограф* (*псевдоавтограф*) для «лексически не оформленных знаков авторства», относя к ним и инициальные обозначения, сокращенно передающие и реальные имена (А. В. Н. – А. В. Нарышкин), и псевдонимы (Д. С. А. – «Дедушка с Арбата») [Голомидова, 1998, 87]. Таким образом исследовательница выделяет формальный аспект, в то время как для нас речь идет об аспекте содержательном.

Итак, Вульф пишет: «Точно, милый мой друг, я очень давно к тебе не писал; главнейшая причина была та, что я надеялся ежедневно ехать в Пет^ерб.^{ург}, но теперь, когда я вижу, что сия желанная минута не так скоро приблизится, я решил тебе снова напомнить обо мне. <...> Прости, мой ангел, я было хотел себя сравнить с Оссиановыми героями и уже был на пути – но сестра, которая, стоя перед зеркалом, взбивала кудри, дала мне заметить, как хорошо ее...». Алексей подумал и решил поправить последнее слово: «... у ней правая», потом понял, что, глядя в зеркало, перепутал, поправился: «(ошибся, левая)» и продолжал: «...сторона взбита, и тем прервала полет моей фантазии, м...». Тут сестра (Анна Вульф) выхватила перо, не дав закончить слова, и сама начала писать: «Не могу вытерпеть, чтоб не прервать его поэтического рассказа, за кото...», но этого слова она не дописала, зачеркнула его и предшествующий предлог и продолжила: «...и чтоб не сказать тебе, что ты обязана сему двум тарелкам орехов и яблоков с зернышками, которые он съел для вдохновенья», а дальше перешла на французский: «*et cela par sympathie en voyant dans ma lettre que tu mangeais du petit et lui mange des noisettes et des pommes etc. etc.*» <и это из чувства симпатии, увидев в моем письме, что ты ела пирожные, и он ест орехи и яблоки и пр. и пр.>. Снова завязалась игра, Алексей выхватил у сестры перо и сделал к слову *noisettes* приписку: «кои для меня столь же вкусны, как для тебя пироги яблочные», а дальше пожаловался: «Ты видишь, что сестра не дает...». Вероятно, Анна вновь отобрала перо у брата и передала его Пушкину, который написал: «Анна Петровна, я Вам жалею на Анну Николавну – она меня не целовала в глаза, как вы изволили приказывать». Продолжать письмо, кажется, у него большого желания не было, он быстро заканчивает дежурной французской фразой: «*Adieu, belle dame*», т. е. «Прощайте, прекрасная дама», и подписывается: «Весь ваш Яблочный Пирог».

Итак, А. С. Пушкин, подписывая свою короткую реплику к общему письму, как и Алексей Вульф, прореагировал на какую-то фразу из письма А. П. Керн, в которой говорилось о яблочных пирогах (не о них ли пишет и Анна Вульф, говоря во французском тексте о пирожных?) и подписался *Яблочный Пирог*. Следовательно, первой причиной для возникновения аутографонима стала эпистолярная ситуация, реакция на стимул в письме адресата и на его упоминание в предшествующем тексте. Можно предположить, что не только «вкусные яблочные пироги», но и сам Пушкин упоминался в письме Керн, возможно, даже в одном контексте (что-нибудь типа: «Всегда вспоминаю всех вас, Пушкина и вкуснейшие яблочные пироги»). Тогда понятна и краткость приписки, и сам ее характер: обиженный поэт намекает, что любовь А. П. Керн к нему сродни ее же любви к яблочному пирогу, не слишком возвышенна и уже не так теперь желанна.

Но, возможно, на появление подписи повлияла и инициальная игра – стремление поэта в зашифрованном виде отразить свои имя и фамилию. Вспомним, что А. С. Пушкин неплохо знал английский язык, не так, конечно, как французский, но все же учил его с детства, читал книги английских авторов. Сергей Львович вспоминал, что «вступив в Лицей, он уже этот язык знал, как знают все дети, с которыми дома говорят на этом языке». Основательно к изучению языка А. С. Пушкин

приступил спустя год, но придумать языковую игру со своими инициалами он мог без труда и в 1827 г. Между прочим, Вульф в последних строках все-таки законченного им письма дважды приводит инициалы поэта: *А. П.* и *А. С. П.* В передаче латинскими буквами первая инициальная запись выглядела бы *A. P.* В том же 1827 г. опубликованный в «Московском вестнике» отрывок из повести «Граф Нулин» поэт подписал псевдонимом *P. 2*, в последующем несколько его публикаций подписано *P.* [СПРП, 3, 328].

По-английски «яблочный пирог» – *apple pay*, первые буквы этого словосочетания совпадают с пушкинскими инициалами – *А. Р.* Не на этом ли построена аутографонимная игра А. С. Пушкина? Всего лишь за полгода до описываемых событий поэт подписал свое письмо В. Д. Соломирскому от 15 апреля 1827 г. *А. Р.* В первой половине мая 1827 г. такая же подпись встречается в письме В. В. Муханову. А еще спустя пять месяцев после коллективного письма он ставит подпись *А. Р.* в письме П. А. Осиповой от 24 января 1828 г., затем 26 апреля 1828 г.; так же подписывает письмо В. Ф. Вяземской из Петербурга в Москву и другие письма в 1830–1831 гг.

Инициальная кириллическая подпись *А. П.* впервые встречается в конце письма Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822 г. из Кишинева в Петербург, так же он подписывает письмо брату в октябре 1822 г., затем П. А. Вяземскому от 5 апреля 1823 г. 13 июня 1823 г. уходит письмо из Кишинева в Петербург в адрес А. А. Бестужева, где снова стоит подпись: *А. П.* Такой же инициальный аутографоним 20 сентября 1824 г. ставится в письме, отправленном из Михайловского в Дерпт в адрес А. Н. Вульфа. В марте – апреле (до 20) 1825 г. ему же пишется письмо в Тригорском, и снова ставится подпись: *А. П.* Этот же аутографоним встречается также в письмах М. П. Погодину от апреля (до 23) 1827 г. и около (не позднее) 17 декабря 1827 г., И. Е. Великопольскому от конца марта 1828 г. Последний раз такая подпись стоит в письме В. Ф. Одоевскому от конца ноября – декабря 1836 г. Следовательно, для поэта подобная подпись под письмами была достаточно принятой, он мог обратить внимание на то, что такими же буквами начинается английское словосочетание *apple pay*, а когда в предшествующем тексте возникло упоминание о яблочном пироге, аутографонимная игра нашла свое воплощение.

В целом же А. С. Пушкину свойствен простой, даже аскетический (если сравнить с чеховскими подписями) тип аутографонимов. Большая часть его ранних писем подписана *Пушкин*, *Александр Пушкин*, *А. Пушкин*, *Rouchkine*, *A. Rouchkine*. Официальные письма в соответствии с нормами времени подписываются оборотами высокого стиля: *Вашего превосходительства всепокорнейший слуга Александр Пушкин*. Особенно пространны подписи под письмами А. Х. Бенкендорфу: *С глубочайшим чувством уважения, благодарности и преданности, честь имею быть, милостивый государь, Вашего превосходительства всепокорнейший слуга Александр Пушкин*. Сходная эпистолярная формула находится в письме к К. Ф. Толю от 26 января 1837 г.: *С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою Александр Пушкин*. Встречаются подобные конструкции и в письмах, написанных на французском языке: *Je suis avec la considération la*

plus haute de Votre Excellence le très humble et obéissant serviteur Alexandre Pouchkine; Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine. В этих эпистолярных завершениях трудно отделить собственно подпись от предшествующей этикетной формулы; вероятно, правильно будет всю конструкцию считать единым автографонимом, хотя это нуждается в дополнительном изучении.

При повышении уровня эпистолярной интимности проявляются подписи: *Весь твой А. П.*; *Весь Ваш А. П.*, *Весь твой Пушкин*; *Весь Ваш А. Пушкин*, *A vos pieds A. P.* Еще свободнее и вариативнее подписи в письмах к близким людям. Многие письма брату в 1823–1824 гг. вообще лишены подписи. 27 июля 1821 г. письмо из Кишинева в Петербург Л. С. Пушкину подписывается: *Твой брат А.* Письмо П. А. Вяземскому в марте 1823 г. подписывается арзамасским прозвищем поэта – *Сверчок*. В письмах ему же от 14 и 15 августа 1825 г. стоит подпись *Коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин*, в которой нельзя не усмотреть шутки и автоиронии. А 4 апреля 1817 г. в письме С. С. Фролову из Царского Села в Петербург юноша ставит подпись: *Егоза Пушкин*. Литературными реминисценциями вызвана концовка письма С. Л. Пушкину от 24 января 1822 г.: *Прощай, Фока, обнимаю тебя, твой друг Демьян* (Фока и Демьян – персонажи из басни И. А. Крылова «Демьянова уха»).

Подпись *Яблочный Пирог* встретила только в одном письме. Она явно отражала мгновенную ономастическую ситуацию [см.: Супрун 2006а]: писалось письмо, надо было поставить подпись, до этого упоминалось о яблочном пироге, в английском переводе словосочетание начиналось с тех же букв, что и инициалы поэта, которыми Пушкин часто подписывал свои письма, возникла сложная, многоходовая ономастическая игра, так и возник пушкинский автографоним *Яблочный Пирог*.

И для всего пушкинского творчества это сочетание оказалось единичным, оно не встретилось ни в одном из произведений поэта. Прилагательное *яблочный* употреблено А. С. Пушкиным еще дважды. Возможно, какие-то воспоминания о предшествующем автографониме навяли упоминание этого слова в письме А. А. Дельвигу от середины ноября 1928 г. В нем поэт рассказывает о своей жизни в Малинниках, куда он приехал по приглашению П. А. Осиповой и провел здесь октябрь и ноябрь 1828 г.: «Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно; жаль, что она хворает и все беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито; скажи это графу Хвостову. Петр Маркович здесь повеселел и уморительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбуроражил, он к ним прибежал: дети! дети! мать вас обманывает – не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин – он весь сахарный, а зад его я б л о ч н ы й, его разрежут и всем вам будет по кусочку – дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать – их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь – но увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили».

С написанным более года назад письмом это эпистолярное послание связано не только прилагательным, но и упоминанием о П. А. Осиповой, косвенно письма связаны также именем П. М. Полторацкого, отца А. П. Керн. Трудно сказать, вспомнил ли поэт при написании этого письма свой прежний автографоним, или прилагательное возникло спонтанно, но в эпистолярном творчестве поэта эти два письма можно поставить рядом.

-
- АП – Пушкин А. С. Избр. соч. в 2 т. М., 1978.
АСП – Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1960; Т. 5. М., 1960; Т. 9. М., 1962; Т. 10. М., 1962.
АСП-2 – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979.
БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
БЭС – Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2001.
Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
ГРС – Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991 (Репринт 5-го изд. 1899 г.).
Книп. – Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Ч. 1. Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым (1902–1904) / Сост. и ред. В. Я. Виленкин. М., 1972.
Ковалев Г. Ф. Ономастическое комментирование на уроках русской словесности: Учеб. пос. для учит. рус. яз. и лит. Воронеж, 2005.
МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984.
Мочалкина К. С. Псевдонимы в системе современной русской антропониимии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1988.
СПРП – Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. М., 1958; Т. 4. 1960.
Супрун В. И. Мгновенная ономастическая ситуация // Ономастика Поволжья: Мат-лы X Междунар. науч. конф. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006а. С. 92–95.
Супрун В. И. Полезная книга для учителей-русистов // *Res paedagogica*: научно-образовательный журнал (Волгоград). 2006б. № 1. С. 168–173.
Чех. Письма – Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 10. М., 1981; Т. 12. М., 1983.

* * *

Василий Иванович Супрун – доктор филологических наук, профессор, ректор Волгоградского государственного университета повышения квалификации работников образования.

МАТЕРИАЛЫ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 6

Т. В. Махрачева

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ХРОНОНИМОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

II. (Л-Я)*

Л

ЛА́ЗАРЕВА СУББО́ТА. Суббота накануне Вербного воскресенья. «[Как называется суббота накануне Вербного воскресенья?] *Лазарева суббота*. [Почему день так называется?] Эт тогда был какой-т Лазарь, святой, вот поэтому и называют *Лазарева суббота* под Вербную» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «*Лазарева*, да, мам... Ага, *Лазарева суббота*, это под Вербную, эта Вербная, а в субботу – эта *Лазарева суббота* называется... это вот рыбу едят, то рыбу нельзя, а то рыбу ешь и селёдку ешь, всё, мясо нет, мясо не ели... А эт рыбу и селёдку ели. [Почему субботу называли Лазаревой?] Я её вот не знаю, почему она так называется, а это так и называли её в старину и посейчас всё так называют...» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ЛА́ЗАРЕВО ВОСКРЕСЁНЬЕ. То же, что ЛА́ЗАРЕВА СУББО́ТА. «Жили два брата: богатый и бедный. Под Пасху *Лазарево воскресенье* один, бедный, весь в ранах, болеет. А богатый с батраками. И первый просит у богатого: “Дай хлеба!”». А тот батракам говорит: “Спустите злых кобелей”. А собаки не стали кусать его, а раны зализали. А богатый лег спать, а душа болит. Ведь хотел собственного брата убить» (д. Шилово, Бондарский р-н). «...Вот Вербния, а суббота называлась воскресенье, *Лазарево воскресенье*. Ну и вот, одна спешила доткать... и лампа упала, стан сгорел, и женщина сгорела. Да это прямо недалеко, в Мезинце, от нас. Да, да, сгоре... сгорела женщина» (с. Большая Дорога, Староюрьевский р-н).

ЛОША́ДИЙ ПРА́ЗДНИК. 1. То же, что ЛОШАДИ́НЫЙ ПРА́ЗДНИК в 1-м знач. «...Называется, какой-то Фролов день ещё. Это нельзя на лошади выезжать

* Начало публикации см. в: Вопр. ономастики. 2008. №5. С. 113–139.

на горóд. Это может лошадь умереть. [Вам известны такие случаи?] Я не видела ни разу, не слышала, а вот так говорили старые, что на Фролов день... “Ну, – говорят, – Какой день?”, – это *Лошадий праздник*. А вот старые говорят, что на этот день, говорят, если будешь пахать на лошади, или там что делать, может погибнуть лошадь» (с. Кишкино, Инжавинский р-н). «Хлоров день, это весною. В поле начнём полоть. В этот день в церкви служба, что лошадей, батюшка выходит – светит. Да, Хролов день – *Лошадий праздник*» (с. Фоновка, Петровский р-н). «Называется *Лошадий праздник*. *Лошадий праздник*. [Принято ли было в этот день работать на лошадях?] Нельзя. Вот в этот день нельзя работать-то» (пгт Мордово, Мордовский р-н). «Ну, строгий он, очень строгий. Что-нибудь, да будет. Он хоть праздник называется *Лошадий*, на лошадях нельзя работать. Вот на лошадях нельзя и так строгий праздник. Говорит, он в году два раза» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н).

2. То же, что ЕГОРИЙ. «Да, это праздник Ягорий, это *Лошадий праздник* тоже называется, это с первого с весны после Паски, тут в мае» (с. Плетни, Рассказовский р-н). «На Ягорию, называется *Лошадий праздник*, он тоже строгий, строгий, на Ягорию. Вот знаешь, когда бывает? Она в числе, шестого мая» (с. Берёзовка, Сосновский р-н). «Ягория – это, наверно, на лошадях не работают. [Почему нельзя было работать на лошадях?] Ну, *Лошадий праздник*. Лошадиный праздник. Лошадиный праздник Ягорий. Да» (д. Цыганок, Токарёвский р-н). «Оль, как называется *Лошадий праздник-то*? Ну у матери, мать знает. [На какое число приходится этот праздник?] В апреле, в апреле, что ли, шестого мая Ягорий день» (с. Моисеево, Уваровский р-н).

ЛОШАДИ́НЫЙ ПРАЗДНИК. 1. День святых Фрола и Лавра, 18.VIII/31.VIII; без конкретизации обычно – Юрьев день, который отмечали два раза в год: весной, 23.IV/6.V, реже осенью, 26.XI/9.XII. «Есть. Это Фролов день. Тогда в церкву всех лошадей водили, накупают, наряжут, их там светют. Тогда же на лошадях работали. Это знаешь, когда праздник-то, сейчас я тебе скажу. Да вот он будет в августе. Фролов день называется. Все тогда кто работал – всех лошадей принарядют, и батюшка выходит, молебен служит, и всех благословляет, Да, да, есть, было. Это *праздник Лошадиный*» (с. Кулевча, Инжавинский р-н). «После Пасхи зерно готовят, несут в церковь зерно святить, и лошадей водили, лошадей батюшка окроплял. Говорят, был лошадиный ангел, а ещё кропили на Егория, но это *Лошадиный праздник*, на него и на лошадях не работали, нельзя было» (с. Пахотный Угол, Бондарский р-н). «Эт, по-моему, девятое иль мая, иль в июне. Помню. Да он в численнике записан. Это *Лошадиный праздник*, на нём не работают на лошадях. Так работали, а на лошадях не работали. Эт было. Эт есть, он и сейчас праздник этот» (с. Екатериновка, Кирсановский р-н). «[Знаете ли вы Лошадиный праздник?] Егоров день. Ягорий. Это вот нельзя работать на лошадях, и людям не надо работать. Это очень строгий праздник» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н). «Егория. Егория – это *Лошадиный праздник*. Это двадцать... какого... это двадцать пятого мая либо... Это Егорий, дочк. Когда отец служил в армии, это *Лошадиный праздник*, лошади все стоят. Каждому овёс, и очистит каждый своего коня, чтоб был чистый носовой платок, и утереть этим носовым платком, вот как чистили

коней. Это Ягория. И коню отдельно, и солдаты были все отдельно, кушали, это Ягория, *Лошадиный праздник*» (с. Заречье, Пичаевский р-н). «Ну, он, вот так он называется, это самый *Лошадиный праздник*-то, Ягорий-то, в это время на лошадях ничего не делаешь: ни пашут, ничего не делают, лошади отдыхают» (с. Коптево, Рассказовский р-н). «Шестого мая бывает это, дочка, шестого мая Егорий, ага, это грозный праздник, *Лошадиный праздник*» (с. Пушино, Ржаксинский р-н). «Эт Егорий, *Лошадиный праздник* называется, на лошадях работать нельзя» (с. Беломестная Криуша, Тамбовский р-н). «Ну, Лошадий праздник. *Лошадиный праздник*. *Лошадиный праздник* Ягорий. Да. [Какого числа бывает этот праздник?] Это тоже с перьясны. Весной, Ягория-то» (д. Цыганок, Токарёвский р-н).

2. Без конкретизации даты. «Ну вот, *Лошадиный*, чтобы на лошади не работали. Забыла, как его называют. Это нужно записывать, а мы неграмотные. Да, это есть такой праздник, а то лошади заболеют. Тогда было, тогда такой... был закон или как, порядок, как бы назвать. Вот они на лошадях, чтоб не работали» (с. Ленинское, Кирсановский р-н). «*Лошадиный*... вот я забыла, есть, есть, есть... [Не называют ли этот день Юрьевым (Егорием)?] Не-не-не... [Принято ли было выпекать хлебные изделия к празднику?] Это рассказывали старинные люди-то... Вот чей-то они тоже с ними, с лошадьми делали, а чего вот они делали – я не могу вспомнить» (с. Новоситовка, Петровский р-н). «А, ну чего ж он? *Лошадиный* да и... подойдёт да пройдёт *Лошадиный*, чё ж он, есть и *Лошадиный праздник*. А как же есть, есть» (с. Гавриловка, Ржаксинский р-н).

М

МАЛЕНЬКИЕ ДНИ. Первые три дня Масленицы. «Ну а как же. Широкая Маслена это с четверга, вот Маслена начинается с понедельника, но это *Маленькие дни*, и в четверг уж Широкая Масленица. Пятница, суббота и Прощёный день в воскресенье – вот это называлось» (с. Челнаво-Покровское, Сосновский р-н).

МАРОНОСЕТСКИЕ РОДИТЕЛИ. Поминальная суббота на третьей неделе от Пасхи. «[Сколько в году родительских суббот?] Да вот Масленицкие родители, потом, после Пасхи, *Мароносетские родители*, Троицкие и последние осенние, под Октябрьской, и всё. [Как принято было отмечать родительские дни?] Да сейчас доброе уж стали встречать-то вон как, и всё, и накупят и всё, и гостинцев. А тогда-то, бывало, блинка испекёт, и всё, и идут на могилку, там сядут, поминут...» (с. Верхнеспасское, Рассказовский р-н).

МАСЛЕНА. То же, что МАСЛЕНИЦА. П о в с е м е с т н о. «На *Маслену* гуляли, народ наряжён, едут подвода за подводой, наперёд кучер. С четверга Широкая Маслена, блины пекли, к жениху гости приходили» (с. Пахотный Угол, Бондарский р-н). «Вообще всю неделю, она как начинается, неделю она, с понедельника там, *Маслена* <...>. Гуляют, потом ничё не делают, гуляют. Кулочки вот тут были. Начинают ребятишки травить с четверга, а потом кулочки. Такой бой, кулочки. <...> Конечно, под *Маслену*-т всё пекут. И на *Маслену*, там орехи пекли и блины пекли. Орехи такие, натирали тесто такими кусочками, в масле пекли» (с. Вязовое, Жердевский р-н). «Вот. Это вся неделя *Маслена*. Теперь в четверг собирают-

ся встречать *Маслену*. Девки сидят, ну кто там, девки, ребята, бабы, собираются встречать *Маслену*. На улицу собираются с гармониями, ходят по селу, ну и всё, чё, пляшут, играют на четверг. А в пятницу всегда идут, там эт была церква, и там круг церкви была улица хорошая. Пятница, это не так. А это, кулочки были, не так в пятницу, суббота – побольше» (с. Ярославка, Никифоровский р-н).

МАСЛЕНАЯ НЕДЕЛЯ. То же, что МАСЛЕНИЦА. «*Масленая* – забыли мы про неё, про *Масленую*, не поминали ничего, да, мг. Ну начиналась *Масленая*, *Масленая*, ну прям пекли блины. У нас как... родители как делали: молоко, кислого молока нам сделают, только мы всё это, всё было вкусно тогда, и всё мы ели, и были здоровые: и родители, и мы» (с. Берёзовка, Сосновский р-н). «Ну а как же, это Маслена, а потом начинается Великий пост. Прощёный день кончится, *Масленая неделя*, Мясоед, эт Мясоед называется» (с. Гладышево, Токарёвский р-н).

МАСЛЕНИЦА. Последняя неделя перед Пасхальным постом. П о в с е - м е с т н о. «Ну, эт *Масленица*, это у нас были и кулочки. О, что вы, долго были кулочки, и все и со всех сторон съезжались и сходились. И кулочки тут только проходили вот, на Широкой, так её называли Широкий проулок. На *Масленицу* и на Крещение, нет, на Маслену и на Рождество, да, на Рождество были» (с. Никольское, Знаменский р-н). «Обычно на *Масленицу* вроде молодые на лошадях катались, особенно которые вот поженились первый год. Они на лошадях едут, значит, она к своей матери с мужем на ночь. Вот гуляют целую неделю. Они в основном были всё лошади, а теперь – машины» (с. Голынщина, Кирсановский р-н). «...А мясу уже не едят на *Масленицу*. Это уже грех. [Почему?] Это был... была женщина, тогда ведь змеи были, давным-давно-то змеи были. Вот её муж, эт..., её сын, Фёдор, Фёдор Тырин, он служил вот двадцать пять лет на войне, вот. И пост начался, начался пост, а мать-то пришла к этим, к святым апостолам и говорит: “Двадцать пять лет сынок не был, пришёл, мне нечем его встретить”. Они говорят: “Так, мы разрешаем маслу коровью, сыр и яйца”. И вот эта неделя-то, она от поста оторвана, поняла? Эта она иде веками, веками» (с. Кужное, Мордовский р-н). «А как же... На *Масленицу* катались с горы, и катались, знаешь, было такое колесо. Протягивается колесо в слёгу, там привязывается салазки, и вот в это колесо, мужики крутят, а санки крутятся кругом. А мужики здесь крутят. Ведь это на *Масленицу* тоже было» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н).

МАСЛЕНИЦКАЯ НЕДЕЛЯ. То же, что МАСЛЕНИЦА. «Ещё на ледянках катались. На солому положат снежок и заливают водой, и приморозят, вперёд верёвочку. И ребята девушек катают всю *Масленицкую неделю*. А ещё и сами наряжались в коз, кто в чё. Любимые песни можно петь» (пос. Советский, Бондарский р-н). «Эт среди недели, Масленица, она ведь длится, тянется целую неделю, ну и вот Широкая Масленица эт, ну примерно с понедельника начинается Масленица, с понедельника и в течение всей недели Масленица, так эт *Масленицкая неделя* называлась. Ну вот так и отмечали» (с. Стар. Тарбеево, Мичуринский р-н). «Такая же она, Маслена, *Масленицкая неделя*, да. А с четверга это, а с четверга она идёт... раньше справляли с четверга Широкою: гуляли, все с гармониями, вот» (с. Кёрша, Рассказовский р-н). «Ну, Широкая, ну, Широкая она, Масленица, она неделя. Она всю неделю, *Масленицкая*. Первую неделю – Заговенья, первый день

Заговенье, потом начинается Масленица...» (с. Стёжки, Сосновский р-н). «Крещение три дня и Ма... Масленица, эта Прощёный день, он... *Масленицкая неделя*, она много, а Прощёный день воскресенье, и всё» (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н).

МА́СЛЕНИЦКИЕ РОДИ́ТЕЛИ. То же, что РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББО́ТА в 1-м знач. «Родительская, да сейчас эти родительские, они каждую субботу родители. А тогда их только было, прям буду считать: Троицкие родители раз, нет, эти, как её, Господи, Навские, Навской вторник, вот эти родители, Троицкие родители, и потом ещё Казанские родители, и *Масленицкие родители*. Вот, вот четыре родителей, родительская была эти, субботы. А сейчас важные недели субботы, родителей поминают» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «Перед Масленой? Ну как и называлась перед Масленой, *Масленицкие родители*, потом на эту, на Страшной неделе, на второй неделе тогда были родители и под Троицу – родители. Это в церкву идут, там старухи эти держут. Эти, ну такие... как их называют? Покупают просфирки и отдают. Батюшка там прочитает, это всех мёртвых там поминает, ну и вот так вот» (с. Плетни, Рассказовский р-н).

МА́СЛЕНИЧНАЯ НЕДЕ́ЛЯ. То же, что МА́СЛЕНИЦА. «Мы выделяем пять родительских суббот в году: на *Масленичной неделе*, вернее под неё, в субботу; Жёно-Мироносские родители – это после Красной Горки, в субботу» (с. Усово, Бондарский р-н).

МА́СЛЕНСКАЯ НЕДЕ́ЛЯ. То же, что МА́СЛЕНИЦА. «Ну, я говорю, подходит Маслена, блины пекли на *Масленской неделе*, и вот до Масленой творят. Если до Масленой тебе не просватали, значит, не будут сватать дальше, тогда – грех, тогда тебе не будут, тогда всё – пост. Только после Красной Горки, а на Масленице не венчаются» (с. Прибытки, Бондарский р-н). «Блинчики пекут каждый день. А это называется у нас *Масленская неделя*, масленские блины <...>. А к празднику блинчики все пекут, а это уж блины, Масленица» (с. Кулевча, Инжавинский р-н). «Это не то, не под Крещению, это под Маслену, на *Масленской неделе*, это... На Маслену зиму провожают. Зимой провожают. Да. Зимой провожают» (д. Цыганок, Токарёвский р-н). «Маслена – это называлось *Масленская неделя*. И на этой *Масленской неделе* мясо не ели. Только молоко, рыбу ели. Всё постное, а уж мясо нет. Мясо последний день ели под Маслену» (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н).

МАТРЕ́НЫ НАСТАВНИ́ЦЫ (ПОЛУРЕПНИ́ЦЫ). День мученицы Матроны Солунской, 27.III/9.IV. «*Матрёны полурепницы* или *наставницы*. Прилетают пеголки на север» [ТГВ, 1864, 98].

МЕ́РЯНО́СЕЦ. То же, что ЖЕ́Н-МИРОНО́СИЦ. «Воскресенье Христово справят, и недельку спустя Красная Горка, а после неё неделя, после Красной Горки – *Меряносец*» (с. Липовка, Пичаевский р-н).

МИ́ТРИЕВ ДЕНЬ. То же, что ДМИ́ТРИЕВ ДЕНЬ. «Ну, в большие праздники я вообще не работала никогда, чтобы Рождество, *Митриев день*, Крещение и Маслена. Это почитали, это почитали праздники, и Троицу, Паску... [Какого числа справляли Митриев день?] *Митриев день* – это Октябрьская. <...> Это как Октябрьская называется. А наш праздник *Митриев день*. [Это Ваш престольный праздник?] Наш престольный, да» (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н). «Да, эт чё ж не было и есть, и ходят, да. Это вот тут из другого села, если эта, может, тётка у mine или

там, ну приходят к празднику. У них *Митриев день*, вот в Димитриевке, а у нас Покров, вот к нам на Покров, а мы пойдём на *Митрив день*. Вот это и сейчас есть» (с. Челнаво-Покровское, Сосновский р-н).

МИХАЙЛОВ ДЕНЬ. 1. День памяти Михаила Архангела, 8.XI/21.XI. «Это день Михай... *Михайлов день*, двадцать первое ноября *Михайлов день*. В этот день для усопших бывает великая радость, все, все ангелы и архангелы просят Михаила Архангела, чтобы он стал на край преисподние, на край преисподние. Он становится на край преисподние, опускает своё крыло туда, и вот души, которые в преисподние, они, как насекомые, садятся на его крыло, на его крыло. И он взмахивает этим крылом, взмахивает, и они, и они оказываются уже здесь, у Господа Бога. Ангелы, архангелы начинают их чистить. Они грязные все, такой вид имеют неприятный. Они их начинают их чистить. Они [души] начинают светиться и уже славят Господа Бога. И так до трёх раз, он опускает своё крыло в преисподнюю, Михаил Архангел, и также... Ну, вот вы знаете, ведь мне, кажется, те души, за которых молятся, они могут подняться на это крыло-то. Поэтому в этот день обязательно надо идти в церковь, просить Михаила Архангела, чтобы он всех сродников взял из преисподние, если которые находятся в преисподние» (с. Красивка, Инжавинский р-н).

2. Престольный праздник, отмечавшийся в день памяти Михаила Архангела, 8.XI/21.XI. «Сейчас Покров, Казанская, вот мой был родчий праздник. <...> У нас, например, Покров, а в другом селе это, Казанская, а в этой – *Михайлов день*. Так вот разные праздники, и в каждый ходили, гульливые были. Где родные – гуливали. А сейчас, как вечер, никого не слышать» (с. Чуповка, Гавриловский р-н).

МИХАЛ ДЕНЬ. То же, что МИХАЙЛОВ ДЕНЬ в 1-м знач. «Ну отмечают его, конечно, на эт *Михал день* делают свадьбы. Это уж как положено. И по многу делали, и по двадцать свадеб тогда» (с. Ярост, Мичуринский р-н).

МОРОГОСЬЕ (-ЬЯ). То же, что ЖЁН-МИРОНОСИЦ. «[Принято ли было на праздник Жёны-Мироносицы резать кур?] Это на Марго... на *Моргосье?*.. Только кур, кур одних, кур. [Почему праздник так называется?] Ох, я уж не знаю почему. После Пасхи он называется *Моргосья*, не знаю, почему называется так, почему эт *Моргосья*» (с. Мезинец, Староюрьевский р-н).

МОРОНИЦА. То же, что ЖЁН-МИРОНОСИЦ. «Вот это после Пасхи, я говорила, Мороносетские родители-то, вот, это самое под этот праздник, он в воскресенье, *Моронисца*-то, а Родители в субботу» (с. Верхнеспасское, Рассказовский р-н).

МОРОНОСЕТСКИЕ РОДИТЕЛИ. То же, что МАРОНОСЕТСКИЕ РОДИТЕЛИ. «Вот это после Пасхи, я говорила, *Мороносетские родители*-то, вот, это самое под этот праздник, он в воскресенье, *Моронисца*-то, а Родители в субботу» (с. Верхнеспасское, Рассказовский р-н).

МОРОНОСИЦА. То же, что МАРОНОСЕТСКИЕ РОДИТЕЛИ. «Родительские субботы по упокойникам – *Мороносица*, она после Пасхи. А вот от Пасхи до Красной Горки – это Пасхальная неделя, а следующая Мороносная и есть. Вот под неё и ходят поминать» (с. Солчино, Пичаевский р-н).

МОРОНОСНАЯ. То же, что ЖЁН-МИРОНОСИЦ. «А вот от Пасхи до Красной Горки – это Пасхальная неделя, а следующая *Мороносная* и есть, вот под неё и ходят поминать» (с. Солчино, Пичаевский р-н).

МУЧЕНИЦЫ ЕВДОКИИ. То же, что ЕВДОКЕИ. «Мученицы Евдокии. Авдотья плющиha, а у других – свиcтунья» [ТГВ, 1864, 98].

МЯСОЁД. 1. Период между постами, когда разрешается мясная пища. «*Мясоед*, он не равный. То бывает десять недель, а то шесть недель. Он как-то это не всегда одинаков. Нет, ага. Не всегда одинаковый» (с. Фоновка, Петровский р-н). «А у меня мать в *Мясоед* ходили по родным – это называется “гостить”, и они с работой: пряли...» (с. Гурово, Пичаевский р-н).

2. Без уточнения часто обозначает мясоед от Крещения до Великого поста. «Крещение пройдёт, а после него на *Мясоед* наряжались, лицо краской мазали» (с. Пахотный угол, Бондарский р-н). «*Мясоед*-то? Ну, это *Мясоед*, когда это едят мясо, между постами-то расстояние. *Мясоед* вот тут вот – эт вот Масленица, вот эт тут бывает» (с. Голынщина, Кирсановский р-н). «С Крещения-т? Да тут как вот? Идёт *Мясоед* до Маслены, до Маслены. Вот когда большой, когда маленький *Мясоед*. <...> *Мясоед* считаются... Вот Маслена, от Хрещения там сколько бывает дней? Неделя, он когда бывает маленький *Мясоед*: пять, а если бывает семь недель, вот, поэтому Паска такая ранняя. То бываить первого, то одиннадцатого апреля, вот такой называется *Мясоед*» (с. Ярок, Мичуринский р-н).

Н

НАВСКИЕ РОДИТЕЛИ. Поминальный день, вторник на второй неделе после Пасхи. «Ну на первый день мы вот Паски ходили, а потом, ведь говорят, грех, говорит, ходить на первый день не положено. А на эти вот, бывает после Паски, во вторник, эт называется *Навские родители*, *Навские родители*, они да, на них вот, это вот только ходют. На эт праздник ходить можно, вот в эту, во вторник, как раз после... Паска кончается, неделя, и вот вторник, начинаются эти родители, *Навские родители*. Но на них только иголкой не шьют, а то вырастает кость. На эти родители...» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

НАВСКОЙ ВТОРНИК. То же, что НАВСКИЕ РОДИТЕЛИ. «А, да, эт на это, *Навской вторник* через неделю от Паски. Ходют на кладбищу, обратно, родители эт называются и вот поминают родителей. Уж они, родители, на первый день Паски все Царские ворота все открыты, говорит, все мёртвые, ходют, гуляют ихние души. Они, их там, конечно, нет, но ихние души ходят, гуляют. И когда вот приходишь, христосваемся, заходим и христосваемся, они, говорит, слушают и видят нас. А мы-т их нет, а потом родители. А на родители они уж всё, закрыты, они уж всё, обратно отлетели, а мы их поминаем. А мы вот на первую неделю Паски, целая неделя уж вот родителей тут никак не поминают и “Царствие Небесное” это, не говорят, только когда после *Навского вторника*, только обратно начинают “Царствие Небесное” говорит» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «Эт праздник, ничего нельзя в праздник делать. А есть праздник, <...> любой праздник... любой праздник, грех, грех. А вот после Паски, Тамара Арсентьевна, бывает пасхальные родители, *Навской вторник*-та... да... ведь ничего нельзя делать, нарастает какая-т кисточка... да, эта... кости нарастают... да, да, кость, кость. Нельзя ничего делать, эта такой праздник, очень строгий. Это называется на... *Навской ...вторник* что ли, он бывает... вторник, родители. Это очень строгие родители, пасхальные, они

родителей поминают, на кладбище ходют... да... да, да, да. Это после Пасхи прям, Красная горка в воскресенье. А потом во вторник родители, и Паску уш знают, Паску сейчас опубликовывают в каждом календарике, везде, в газетах пишут. [В каком месте на теле может появиться “кость”?] Кость-кость, ну кость вот нарастает на любом месте... на руках вот, на ногах... да, на ногах... на пальцах... да, и очень, нельзя ни детей купать, ни с дитей стирать» (с. Чибизовка, Петровский р-н).

НИКО́ЛА. Праздник в память великого христианского святого Николая Мирликийского, 9.V/22.V и/или 6.XII/19.XII. «Ну *Никола* тут, как это, ладно, *Никола* вот, но *Николу*, эт Первый май по-старому. Сеют просу, первый сев. Второе мая, пятого мая сеют второй сев, а уж третьего мая, эта, девятого мая – эт *Никола*, последний сев. Эт уж бывает, не взойдёт или персева... персевают её, значит это, не закладывая там, чё персевают её. Вновь сеют, эт последний сев, вот и всё, вот и всё. А чё ж там? Это вот там просу сеют, ну а тут, после *Николы*, чё ж ещё...» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Ну, как же, тогда ведь были праздники. Вот у нас *Никола* назвали... у меня уж она, голова-т <...> Да я знаю, а, престол, престол, престольный праздник. Ну и родные собирались. Нынче у нас, завтра там у других. Гуляли. А сейчас чё? Сейчас нет...» (с. Большая Дорога, Староюрьевский р-н). «У нас колодца святого не было, в церкву все ходили <...>, где-то вот колодец святой есть, вот чёй-то у нас уехали все на *Николу*, сегодня *Никола*, 22 мая, вот на *Николу* ездят. Вот сегодня у нас поехали, все бабки собрали в машине, машину наняли, поехали» (с. Беломестная Криуша, Тамбовский р-н).

II

ПАЖИ́НКА. То же, что УСПЕ́НСКИЙ ПОСТ. «Грех, боялися, и вот деды наши, бабушки говели пятницу, среду в Петровку, в *Пажинку*, в Хвелипповку – эти все посты говели. Мясо у нас было, а мы не ели, не ели...» (с. Кужное, Мордовский р-н).

ПА́СКА. То же, что ПА́СХА. «*Паску*, ну *Паску*, ну как, ну конечно, все готовились к *Паске*, знаешь, как готовились: всё выгребаем, всё из дома, там до *Паски*, думаешь, там не дожить. Пекли эт самое, пекли куличи тогда, покупали... раньше сами... Хлебы делали, вот, на кладбище ходим, чё там» (с. Ярок, Мичуринский р-н).

ПА́СХА. Пасха, один из самых значительных и почитаемых в народе церковных праздников. Употребляется наряду с широко распространенным хрононимом *Святая*. «Да на *Пасху* чего ж, никто не работает... Только еду сварить, да эт... А так на *Пасху* не работают. Даже до трёх, пока *Пасхи* три дня» (с. Новопокровка, Мордовский р-н).

ПАСХА́ЛЬНАЯ (ПАСКА́ЛЬНАЯ) НЕДЕ́ЛЯ. Неделя, на которую приходится празднование Пасхи. «*Пасхальная неделя*. Вся *Пасхальная неделя*, свет... светлая. Светло-пасхальная воск... неделя. Не работали, даж... даже хлеб не сеяли. Никакие работы не делали» (с. Вязовое, Жердевский р-н). «Её на *Пасхальной неделе* всю неделю поют. А в пятницу, когда похоронят, то в церковь идут, три раза обойдут вокруг церкви, и уже поют “Христос воскрес”» (с. Алгасово, Моршанский р-н).

ПАСХАЛЬНЫЙ ПОСТ. Св. Четыредесятницы пост. «А эт такой вот пост – *Пасхальный пост*. Эт уж строгий он, эт все семь недель, все семь недель нельзя есть скоромного» (с. Ковылка, Кирсановский р-н).

ПЁСТРАЯ НЕДЕЛЯ. Неделя, предшествующая Масленице. «*Пёстрая* бывает, это она бывает к посту. Нельзя чинить одёжу, а то ягнята будут пёстрые. <...> Свекры скажет: “Не чини, а то ягнята будут пёстрые”» (с. Прибытки, Бондарский р-н). «Это пост, пост, ну как сказать пост? Ведь он семь недель длится, и вот такая *Пёстрая*, я этого не знаю, в общем, в пищу применяют разнообразную пищу. В рацион входит разнообразная пища, вот поэтому и называется *Пёстрая*, что уж необязательно скоромное есть, ну, и такую, простую пищу» (с. Стар. Тарбеево, Мичуринский р-н). «Всеядная вперёд, а потом *Пёстрая*, а потом Масленская. [Почему неделя называется Пёстрой?] Ну, пятницу и среду не ядят, вот она *Пёстрая*, а этно Сплошная. Вся неделя – есть мясо и колбасу там. Сплошная называется. <...> Всё мясное, да, всю неделю ешь, а *Пёстрая* – уже в среду и пятницу – постные. Вот она *Пёстрая* называется. Отъедались» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

ПЕТРОВКА. Петровский пост. «Грех боялися, и вот деды наши, бабушки говели пятницу, среду в *Пятровку*, в *Пажинку*, в *Хвелипповку* – эти все Посты говели. Мясо у нас было, а мы не ели, не ели...» (с. Кужное, Мордовский р-н).

ПЕТУШИНЫЙ ПРАЗДНИК. То же, что КУЗЬМА-ДЕМЬЯН. «Ну на Кузьму-Демьяна петухов режут. Это не праздник. Петухов режут. Вот, говорит, не зарежем, он всё равно ж пропадёт. Это *Петушиный праздник*. Ага, Кузьма-Демьян» (д. Цыганок, Токаревский р-н).

ПОБРЫКУШКИ. То же, что БРЫКУШКИ. «[Известен ли Вам праздник Побрыкушки?] Бывает. <...> Ну, сейчас его уже нет. А раньше было. [Как принято было отмечать этот праздник?] Чего такое? Ну, день такой, *Побрыкушки*. И вот раньше колодцев было много, и вот ведрами воду таскают, и... друг друга поливают. <...> [Какого числа бывают Побрыкушки?] Весной они бывают, да. [Этот праздник бывает до или после Пасхи?] После Пасхи» (с. Воронцовка, Знаменский р-н). «*Побрыкушки* – это четвёртая среда от Пасхи. Обливались, поливались водой» (с. Новгородовка, Рассказовский р-н) [Поповичева, 2004, 79]. «Это вот в мае, эт делают *Побрыкушки*, по телевизору даже вот показывали, поливались. А... [Что такое Побрыкушки?] Вот их *Побрыкушки* зовут, вот их зовут *Побрыкушками*, день, эт, бывал, обливались обязательно. Вот такой день бывает и обрыва... всё эт было для смеху, для шуток, тогда шутили, смеялись так» (с. Гавриловка, Ржаксинский р-н). «Четвёртый вторник от Пасхи – *Побрыкушки*. Тогда обливались. В среду праздник – Прополвеньё. В церковь ходят, службу служат» (с. Перикса, Сампурский р-н) [Поповичева, 2004, 73]. «Водой обливаются. <...> Любого, кто на дороге идёт, любого обливают. Холодной водой черпать из кадушки черпают и обливаются. Вот и называются они *Побрыкушки*, а почему их *Побрыкушки* назвали – кто его знает, эт старые люди. Всё по-старинному, у нас всё идёт поколения. [Купальный сезон открывали с Побрыкушек?] Да, как раз... а-а-а в тёплая вода и до *Побрыкушковых* купаются, молодёжь-то» (д. Фёдоровская, Токаревский р-н).

ПОКРÓВ. То же, что ПОКРÓВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРÓДИЦЫ. П о в с е - м е с т н о. «На *Покров* свадьбы бывают» (с. Митрополье, Бондарский р-н). «*Покров*? Ну, это на *Покров* блины пекут, чтоб было зимой в избе тепло. У нас так. Блины надо обязательно на *Покров* печь, чтоб было в доме тепло. Всегда, всегда у нас пекут. Это вот к этому» (с. Новоситовка, Петровский р-н). «Ну, вот с блинами-то и у нас на *Покров* только ходят вокруг дома. Ну, *Покров*, праздник такой, когда он бывает... четырнадцатого октября. А вот пекут блины, и вокруг дома надо пройти с блином. Чтоб деньги водились. И говорят: “*Покров, Покров*, покрой мой дом теплом”» (с. Старосеславино, Первомайский р-н). «*Покров* уж это... он когда? Ещё он нескоро, осенью *Покров*-то. Эт уже к зиме готовятся, блины надо печь, говорит, углы затыкать... *Покров*-то, да... блинами, да. [Расскажите подробнее.] Да так, вот, блины напечём, скажет: “Углы затыкать, холод пойдёт скоро, *Покров* подошёл”. [Действие совершали в доме или на улице?] Ну, куда их, просто говоришь, такой праздник. Он – холод, затыкают, значит, все дырки-то. Кто замазывает, кто какой соломой затыкает. А эт такая пословица, скажа: “Блинами заткнётся”. Петров... Петров день, холод. *Покров*, а я Петров! Вот, он осенью бывает, к осени туда уж, *Покров*-то» (с. Мезинец, Староюрьевский р-н).

ПОКРÓВ БОГОРÓДИЦЫ. То же, что ПОКРÓВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРÓДИЦЫ. «Ну, *Покров Богородицы*, Мать Божия, её отмечают, *Покров Богородицы*, тоже праздник. Гуляют, всё уберут» (с. Вязовое, Жердевский р-н).

ПОКРÓВ ГУЛЯЩИЙ. Престольный праздник, отмечавшийся в день Покрова Пресвятой Богородицы, 1.Х/14.Х. «Покров, праздник есть Покров... Да нашу деревню-то забыла, это называется *Покров Гулящий*. Ну, все собирались, тогда у кого родные, вот ждут, в этот день придут гости. Угощаются, пьют, гуляют, танцуют, поют» (с. Кишкино, Инжавинский р-н).

ПОКРÓВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРÓДИЦЫ. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы, 1.Х/14.Х. «Вот, ну после Воздвиженья, там *Покров Пресвятой Богородицы*, там эта, четырнадцатого октября, Покров, говорит, первый зазимок. Вот, это уж если холодный Покров...» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Главное тут Покров, это вот *Покров Пресвятой Богородицы*. Мы и в гости ходили к беклемищевым [д. Беклемищево, Рассказовский р-н]. Знаешь, вот Беклемищево, а Михайлов день – у нас престольный. Мы, бывал, по очереди вот гуляли, много нас тут было, дворов. И вот мы гуляли по очереди. Нас тут человек пять тут либ в нашей деревне вот мы, бывал, покровские всегда к нам в гости ходили, хорошо, хорошо, не хуже этого проводили время» (с. Кёрша, Рассказовский р-н). «Престольный праздник у нас – *Покров Пресвятой Богородицы*» (пгт Ржакса, Ржаксинский р-н).

ПОМИНАЛЬНАЯ СУББОТА. То же, что РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА в 1-м знач. «Ну эт перед Масленой – *Поминальная суббота*, это уж всё поминают, вот там и раздают. Кто вот в церкви, близко, кто, у кого церкви, и в церкву ходит, и *Поминальная суббота*, и поминают родителей. А дома, тут кто вот поближе, и я часто, вот я не гожусь. Вот, значит, я в церкву пойду, я пеку блины и понесу по соседям, соседям: ты вот помяни, ты помяни. Если я не испекла (я часто пеку блины), а блины у меня получаются хорошие, я сейчас блины испеку, нарежу их и пойду по соседям раздам» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ПОМИНАЮЩАЯ СУББОТА. То же, что РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА в 1-м знач. «*Поминающая суббота* под Маслену, под Пасху поминают. Но у нас первый блин к упокойнику на Масленицу не откладывают» (д. Шилово, Бондарский р-н). «На *Поминающую* первый блин на тарелочку клали и к иконке родителям ставили. Поминавших шесть недель, особенно перед Масленицей» (с. Серповое, Моршанский р-н). «Да, это было, она вот и сейчас так вот и называли *Поминающая суббота*. Эта она вот и тогда, и посейчас она, *Поминающая суббота*, родителей поминают. Да сейчас вот, например, ну и тогда-то, тогда-то церковь тоже, были церква, в церкву ходили, там поминали. Ну, сейчас-то просто, сейчас-то вот и ну, кто в церкву, а кто дома поминает и всё» (с. Беломестная Криуша, Тамбовский р-н). «Масленица будет начинаться, а в субботу поминают родителей. Под Маслену. Ну, это поминают тогда, и сейчас всё равно так же поминают. [Как этот день называется?] Ну, поминуший, какие упокойники, всем им, называется... поминают их, и всё. То каких родных, а это все, все умерли они, все в этот день, бывает, говорят, что так-то» (с. Ниж. Шибрй, Уваровский р-н).

ПОСТОВЫЕ РОДИТЕЛИ. То же, что РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА во 2-м знач. «Мы выделяем пять родительских суббот в году: на Масленичной неделе, вернее под неё, в субботу; Жёно-мироносские родители – это после Красной горки, в субботу; *Постовые* – это первая суббота поста, после Масленицы; Троицкие родительские субботы; Казанская родительская суббота» (с. Усово, Бондарский р-н).

ПОХМЁЛКИ. То же, что ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. «Ну как расскажи, ну это, вроде, называлось *Похмелки*, что ли. Это называлось Чистый понедельник. Вроде, это донце возьмут, донце это почему, пряли, вроде, а это её нужно обмыть, обкатать. И вот этим занимались, какие любят. Так-то выпьют, донце брали и обкатывали его. [Опишите обряд «донце обкатывать»?] Да куда, кто к какой подруге. Ну, это женщины делали...» (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н).

ПОХМЁЛЬНЫЙ ДЕНЬ. То же, что ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. «Подходит Прощёный день, попросились все, отгуляли, всё поели. Блинцы собирают, сушат, а чего? Масло, всё эт всё убирают, всё. Кадушки станоят и собирают, эт ещё мать мне рассказывала. А мы-т ещё чё? Жили плохо, чё говорить тогда. Ну, и эта, гуляют, а уж в понедельник подходит ведь эта, пост. Ну какие вот гульливые люди-то и говорит: “Это *Похмельный день*, ехать надо до...”. Надо идти до... донцу, что на ней прядут, вот самопряха и донце связывают за это, там такое отверстие, привязывают, кладут вино, всё и идут обкатывать донце. Они *Похмельный день*, у нас у деверя была свадьба на Маслену. Ну и тут бабки, бабки-то, а вот в понедельник гляжу, приходят все, заваливаются бабки. Две бабы Дуни у нас, баба Арина, это вот наша и говорит: “Так, Манька, собирай нам на стол”. Я гляжу: “Эт чёй-т Вам, – говорю, – нынче пост.” – “Нет, ныне *Похмельный день*, ты ничего не знаешь”. Сели вот тут вот, я им налила. “Чё ж ты помалу?” Она тогда свекольная была, чё же говорит, она слабая, а они выпили да давай по второму. Как начали песни играть, у мене всё вот, я вот как умру, я не забуду. Да и видишь, и я вот через это, а то, бывал, в пост, всё, ничё не... А они говорят: “Нынче *Похмельный день*”» (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н).

ПРЕПЛОВЕНИЕ. То же, что ПРЕПОЛОВЕНИЕ. «Препловение – это чё-то, какая-то Божья Мать преплывает по речке. Это такая, какая-то Божья Мать. Она вроде плыла с сыном, с Иисусом с этим. Это я вот тут как слыхала, это мне божественные бабушки. И она плывёт, а за ней вроде эти вот, ну, как их? Ну, вот какие над Христом-то издевались? [Разбойники?] Да, ну, как их называют там, жида, жида, да. И за ней по речке плыли. А она с этим, с Иисус Христом плыла. И вот она: “Господи, дай мне третью руку”. Две – ей плыть чем-то нужно, а она двумя – одной держит, а одной тяжело. И ей третью руку дал Господь. И она, вот она, и называют Трёхручная. Икона есть такая: Трёхручная Божья Мать. Вот она плыла, двумя-то она огребалась, а одной Его держала. И вот она на *Препловение*... Вот так вот я слыхала» (с. Мезинец, Староюрьевский р-н).

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАСИЛИЙ КАПЕЛЬНИК. День памяти св. Василия, 28. II/13.III. «*Преподобный Василий капельник*, или капелка. С крыш капает» [ТГВ, 1864, 1864, 98].

ПРЕПОДОБНЫЙ ВУКОЛА. День преподобного Вуколы, 6.II/19.II. «С *преподобного Вукола* телятся жуколы, то есть коровы. Во многих селениях есть обыкновение: когда телится корова, то по истечению двенадцати удоев, когда пройдёт молозево и молоко сделается годным к употреблению, варят молочную, некрутую кашу. Старшая в семействе женщина берёт горшок этой каши, обкладывает его сеном и становится в чашку с овсом. Потом трижды поднимает чашку над головой, каждый раз произносит: на сто бычков, на тысячу телушек! Между тем, как хозяйка совершает этот обряд, семейство молится Богу. Затем, снявши с каши приволоку, то есть плеву, или пенку, садятся за стол и едят. Этот обряд называется моление молока, который обыкновенно совершается перед обедом. Сено и овёс отдаются корове и телку, а приволока – одному телёнку...» [ТГВ, 1864, 98].

ПРЕПОЛОВЕНИЕ. Среда на четвертой неделе после Пасхи, 25-й день. «А ну когда осветят на *Преполовение*, три дня ни стирать нельзя, ни полоскать нельзя, нет, ни в коем случае. [Можно ли было полоскать белье в реке?] Нельзя, нигде нельзя. Святая вода три дня, обязательно, вот так-то вот» (с. Челнаво-Покровское, Сосновский р-н).

ПРОПЛОВЕНИЕ (-ЬЁ). То же, что ПРЕПОЛОВЕНИЕ. «Ходили – это называлось весной *Пропловение*. Это все иконы, ну, с которыми можно ходить, и вот ходили. А кто желает, выносит ко двору стол, скатерть, всё как следует. Хлеб кладут, а ещё чего пекут... яйца кладут. И этот едет, гость, собирает в отдельный и хлеба, и яиц... [Село обходили на Пасху или на Преполовение?]. Это на Пропловение, на Пропловение» (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н).

ПРОЩАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ. То же, что ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ. «*Прощальное воскресение*, да. Тут уж прощаются со всеми, пост настаёт, больше-то уж не побузыкаешь. Не побузыкаешь – не пойдёшь, не погуляешь, и так-то весело себе. Пост, мы же тогда соблюдали, зверствовали. Сейчас уж стали, а то, Боже упаси, чтобы ты куда пошла, поиграть пошла или запела. <...> Мы тогда с церкви шли, все собирались с улицы, страшили тогда, а то будет конец света. Страшили тогда всю жизнь: на последний день будет конец света. Собирались и ждали этого

конца света на Прощёное воскресенье само. На *воскресенье Прощальное*» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

ПРОЩАЛЬНЫЙ ДЕНЬ. То же, что ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «Это *Прощальный день*. Это вечером всё вот, я сама, мы сейчас все ходим, просим, там ругались ли, чего. *Прощальный день*, да» (с. Правые Ламки, Сосновский р-н).

ПРОЩЁНКИ. То же, что ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «А тогда уж Прощённый день эт называется, всё, прощаются, всё это, а тогда уж пост, тогда уж пост начинается. А на *Прощёнки* – это Прощённый день» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. Воскресный день асленичной недели. «Оно и сейчас называется *Прощёное воскресенье*. Вот идут в гости друг к другу, прощение просят, ну эт, конечно, пожилые люди. Молодёжь этого не признаёт» (с. Стар. Тарбеево, Мичуринский р-н). «*Прощёное воскресенье*, оно, это вот под Пасху, это под эту, да, под пост» (с. Керша, Рассказовский р-н).

ПРОЩЁННЫЙ ДЕНЬ. То же, что ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. *П о в с е м е с т н о*. «И четверг праздновали, пятницу, субботу, а в воскресенье уже затихает гуляние. Это называется *Прощённый день*. Воскресенье. Это, бывало, все прощаемся. Вот Господь, говорим, вот я уже была замужем, вот поужинали все, прям всем по яйцу варили, чтоб весна как, чтоб куры неслися» (с. Красивка, Инжавинский р-н).

Р

РЖАНЬЕ МИРОНОСИЦЫ. То же, что ЖЁН-МИРОНОСИЦ. «*Ржанные Мироносицы* – это вот уборочная пора, называется Аржанные Мироносицы, да» (с. Коптево, Рассказовский р-н).

РОДЬТЕЛИ. То же, что РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА в 1-м знач. «А Пёстрая неделя – эт теперь не едят ни в среду, ни в пятницу <...>. Вот, а потом уж тогда, эт пройдёт, потом перед Масленой бывают *Родители*, поминают усопших» (с. Стар. Казинка, Мичуринский р-н). «А, ну, эт за неделю, да, за неделю Маслены, вот в субботу бывают *Родители*, эт через неделю вперёд Маслены бывают. Это вот в субботу, а в следующий выходной – уже Прощённый день» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «Ну, теперь начинается Маслена. Это бывают под Маслену *Родители*, в субботу. Теперь в воскресенье – это уж Маслена» (с. Ярославка, Никифоровский р-н).

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. 1. Поминальный субботний день накануне Масленицы. «Теперь это, ну, *Родительская суббота*, эт перед Масленицей, да, эт *Родительская суббота*. Служба, поминают усопших, вот, ну это, а уж за Родителями суббота» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Как называется суббота перед Масленицей? Бывает, да, *Родительская*, поминают родителей, какие померли, поминают там, блины пекут, на погост ходят к ним, блины носят. Бывают *Родительские субботы*, да, ходишь на погост, вот где кладбища, у тебя схоронен, у тебй дед, мать живая, аль может, дед помер, а это кладбища, вот ходят поминать. Там на могилку положут блины или оладушки кто напекёт...» (с. Коптево, Рассказовский р-н). «Да, была прям в субботу, эт перед Масленой, называлась эта, *Родительская суббота*. Ходили, кто в церковь ходил поминать, ну а кто, если возможно, и на кладбище ходил» (с. Берёзовка, Сосновский р-н).

2. Без определения обычно – субботний день накануне крупного двенадцатого праздника. «Это вот раньше было так: *Родительская суббота*, обязательно нужно там на кладбище, ходим всё, и обязательно первый блин кладём на иконку. Вот так. Сейчас, моя хорошая, этого ничего нет» (с. Сычёвка, Никифоровский р-н). «*Родительская суббота* – поминают родителей в субботу, а иногда, когда вот конфет куплю, конфет ей раздам по родителям, вот и всё. *Родительская суббота* называется» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА КАЗАНСКАЯ. То же, что РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА во 2-м знач. «Мы выделяем пять Родительских суббот в году: на Масленичной неделе, вернее под неё, в субботу; Жёно-Мироносские родители – это после Красной Горки, в субботу; Постовые – это первая суббота поста (после Масленицы); Троицкие родительские субботы; *Родительская суббота казанская*» (с. Усово, Бондарский р-н).

РОЖАСТВО. То же, что РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. «Нет, на *Рожаство* бывает, зимой, ходят вот ребята и сейчас Христа славить. Ждёшь их, ходишь – сейчас ребятки придут Христа славить. Деньги даём им. Посодишь их вот так-то на лавку в насадки. Ты посиди, чтоб насадки садились туда» (с. Ольшанка, Гавриловский р-н). «Это знаешь, когда сажали первого ребенка? Ходили, славили *Рожаство*. Это колядовали-то ходили вечером, под Рожаство. Они там пели, а это была... *Рожаство* ходили славили тогда дети все. Деньги давали. Если к тебе первый придёт славить, то хоть там девочка, хоть мальчик, то его пускают и сажают на шубу. Это знаешь, чё, чтоб насадки садились. Когда девочки придут, то радуются, насадка будет хорошая, а мальчики – и мальчиков сажали, это одни пегушки, говорят... Да, это было, было» (с. Кулевча, Инжавинский р-н).

РОЖАСТВО ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА. То же, что РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. «Ды я не знаю, праздники-т, их двенадцать праздников в году, в кругу это [Назовите эти праздники?]. Ну, погодитя, запомнить надо, ну Святая, Рождество, Крещенья вот, потом *Рожаство Пресвятая Богородица*, Здвиженья ищо-та хватить? Сколько ищо? Сдвиженья, Иван Постный (Отсечения головы), эт скока я тут скажу? Пять» (с. Новосёлки, Мичуринский р-н).

РОЖДЕСТВО. То же, что РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. «Три дня *Рождество* праздновали. Рано вставали, Христу ноги подгревают. Заславил, кто-то пришёл, значит, Христа славить. На *Рождество* деревянные лоханки выносили корову поить» (с. Граждановка, Бондарский р-н). «На *Рождество*, ну, стряпали, всё делали: лапшу куриную варили, щи мясные, баранины или говяжьи. Котлеты делали, блинчики пекли, пироги пекли» (с. Вязовое, Жердевский р-н). «*Рождество* славили. Тогда по домам ходили. На шубу сажать, эт чтоб куры неслись... Нет, чтоб насадка сидела хорошо, выводила цыплят» (д. Трофимовка, Кирсановский р-н).

РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. День Рождества Богородицы, 8.IX/21.IX. «Да их и щас много. А щас и... Да вот скоро... Нынче у нас какое число? [19 сентября.] Вот скоро вот Рождество Пресвятой Богородицы будет» (с. Екатериновка, Кирсановский р-н).

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. Праздник Рождество Христово, 25.12/7.01 «Ну, у нас ходили раньше рябата, на селе было много. Они там выучат, там две или

одну молитовку там маленькую, если таки маленькие молитовки такие специальные для Рождества Христова, вот, они пройдут, пропоют» (с. Пеньки, Моршанский р-н).

С

СВЁТЛОЕ ВОСКРЕСЁНИЕ (-ЬЕ) (ХРИСТОВО). То же, что ПАСХА. «Светлым Воскресением Христовым существовало поверье, что солнце играет» (пгт Ржакса, Ржаксинский р-н). «Святое воскресенье, Светлое воскресенье, Христово воскресенье» (с. Вязовое, Жердевский р-н).

СВЕТЛОКРЕСТОВОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. То же, что ПАСХА. «Светлокрестово воскресенье – это Пасха, большой праздник» (с. Грачёвка, Пичаевский р-н).

СВЁЧКИ. Вечер накануне Крещения, 5.I/18.I. «Свечки – это... ну да, под Крещение. А Коляда – это под Рождество. А Свечки – это под Крещение вечер, он тоже хоть он когда попадёт, этот день, они, Святки-то идут скоромные, а Свечки – всё постное. Хоть когда она будет, в какой день... А день этот постный. И на него не едят. И пожилые справляют и молодёжь справляет. Не едят» (с. Кулевча, Инжавинский р-н). «Вот под Новый год, под Свечки, вот это под Крещению, гадали. На курах гадали. Вот наложим на столу много еды: и пшано, и рис, и всё-всё. Вот всё. Ну кукол кладём, ну вот всё. И вот вперёд идём валенок кидать через крышу» (с. Плетни, Рассказовский р-н).

СВЯТАЯ НЕДЕЛЯ. То же, что ПАСХАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ. «[Принято ли было считать, что по человеку, умершему на Пасху, нельзя читать псалтырь?] Так я не знаю, хоронить, наверно, нельзя, а поминать, читать по покойнику нельзя. Не читают Псалтырь. Семь недель, *Святая неделя*, не читают, так, поминать чтоб покойников...» (д. Трофимовка, Кирсановский р-н). «От Пасхи до Красной Горки *Святая неделя*» (с. Новотомниково, Моршанский р-н). «Да это в самое, это вот *Святая неделя*-то, и поп ходит по приходу, по приходу значит, по домам и служил молитвы в каждом доме, вот это. [Когда бывает Святая неделя?] Вот это самое, на Пасху, Пасху» (с. Верхнеспасское, Рассказовский р-н). «Так Святая, вся *Святая неделя*, так он [предмет, в котором ходили святить продукты на Пасху] и находился с миской с этой, с паской. А потом доедали, постирали его, да никуда» (с. Казанское, Старо-юрьевский р-н).

СВЯТАЯ. То же, что ПАСХА. «Ну специально кур резали, это на *Святую* всегда, вроде как петуха тогда это, Христос воскрес это, на эту, на *Святую*, петухов резали. [Когда бывает Святая?] Ну на Пасху» (с. Ярок, Мичуринский р-н); «А *Святая* – это когда яички красят, это *Святая*. Ну такая, *Святая* называется. *Святая* называется. Вот Троица, *Святая*, это самая вот» (с. Семёновка, Петровский р-н). «Вот воскресенье Вербная, а потом Паска. В другое воскресение уже эта, *Святая*, Паска. Да, она так бывает, не в числах она...» (с. Текино, Сампурский р-н). «Эт тоже выкладывали, и вот подходит *Святая*, это вот ни, ни я клала, подходит *Святая*, яйца ещё туда как жива... как живая, как кто её только снёс. Год лежала в иконе она, и она икону открывает и как только жи... живенькая лежала» (с. Челнаво-Покровское, Сосновский р-н). «Да сошьют мешки так, и яйца-то катаем об *Святую* и собираем в мешок их, кто выкатывает, а кто прокатывает их...» (с. Поповка, Строюрьевский р-н). «Это нет, это не на Благовещение, это на Пасху,

на *Святую*. *Святую*, на *Святую*. Мы Пасху *Святая* называем...» (д. Цыганок, Токарёвский р-н).

СВЯТКИ. 1. Двухнедельный период от Рождества, 25.XII/7.I до Крещения, 6.I/19.I. «В девках гадали на *Святки* на оракуле, книжка такая была. Солому на дороге жгли» (с. Митрополье, Бондарский р-н). «А вот когда, да, Маслена, наверное, или нет, Рождество, после Рождества вот начинаются *Святки*. Вот тут тогда уж девки собирают, сймают квартиру, уряжают весь дом там: и разные бумажки, и цветков, и всё. Тогда и свету не было, лампы. И вот, эт две недели – эт *Святки* до Крещения. Да, правильно, после Рождества и до Крещения. Две недели – эт *Святки*. Вот тут по всей ночи молодёжь и ходит то туда, то туда, поёт там. Ну девок было много, ребят было много, а сейчас куда вы пойдёте?» (с. Алгасово, Моршанский р-н); «На *Святки* играли особенно, и посиделки были, долго сидят до часу. К бабке придём и просим: “Пусти нас к себе”. А она говорит: “Несите мне керосин четвёртку”. И бабка на печи лежит, а мы играем, но не безобразничали, избегай Бог. На *Святки* трубы ходили затыкать снегом и окна. А те до обеда спят. Нитку привязывали за щеколду, чтоб хозяин не видел, и тянули до землянки и оттуда дёргали, а она постукивала. Хозяин выйдет сонный: “Да кто это стучит?”. А мы смеемся, да это вот на *Святки*. В скирде сено было, мы на *Святки* наворуем и к другому соседу делаем дорожку, вроде как он ворует, а на утро скандал. Ух, интересно нам» (с. Липовка, Пичаевский р-н). «А, это на *Святки*. Это на *Святки*, две недели нельзя прясть, это было, овцы кружиться будут. Правильно, это всё правильно. Да, это на *Святки*. Это промежуток вот какой с Рождества до этого, до Крещения. Да. Тут нельзя ничего, ни вязать, ни прясть, ничего. Или волк овцу съест, или закружуются, овцы кружуются. Это пословица тоже есть...» (с. Текино, Сампурский р-н).

2. Дни после главных праздников. Пасха (неделя, на которую приходится празднование Пасхи). «Вот не положено, Боже спаси. Что это – три дня Пасха, три дня, но мы в её не верим, в эту Пасху, зато. <...> Воскресенье, понеде... а вот мы её всю неделю празднуем, до понедельника. Но она называется *Святки*. Неделя *Святками*. Мы не делаем на Пасху, у нас вся неделя» (пгт Мордово, Мордовский р-н).

СВЯТО́ВСКАЯ НЕДЕ́ЛЯ. То же, что ПАСХА́ЛЬНАЯ НЕДЕ́ЛЯ. «С Пасхи до Красной Горки *Святовская неделя*, ничего нельзя делать» (пос. Советский, Бондарский р-н).

СВЯТО́Е ВОСКРЕСЕ́НЬЕ. То же, что ПА́СХА. «*Святое воскресенье*, Светлое воскресенье, Христово воскресенье» (с. Вязовое, Жердевский р-н).

СВЯТОШНЫЕ ВЕЧЕРА́. То же, что СВЯТКИ в 1-м знач. «Святки... да, Святки. Это две недели Святков. Эт тут в карты играли тогда, вот, в деньги ходили в карты играть. В лото... в лото, ну и большинство в карты. Две недели эт играли, дела не делали никакие, только в карты играли. Ну на Святки днём работают, это вяжут чего ли, прясть не прядут на снарядках, а вечером не... не работают, Святошники ходят. [Опишите святошников.] Ну, говорит, Святошные, раз Святки, свя... *Святошные вечера* ни... ни... грех работать. [Поясните выражение «святошные ходят»] Да, Бог её знает, говорят: Святошник ходит – нельзя работать» (д. Цыганок, Токарёвский р-н).

СВЯТЫЕ ВЕЧЕРА. То же, что СВЯТКИ в 1-м знач. «*Святые вечера*. Да, вроде, грех было делать днём, там кто пряли, кто тогда пораньше, а так, такие праздники мы ничего не делали» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «А, да, Святки, Святки вечером уже нельзя, потому что *Святые вечера* называются-т, от Рождества до Крещения называются *Святые вечера*. А раньше вот моя мамáка-то, они пряли сидели, перепрядали пальчики, пряли, пряли. А вот Господь давал им отдых, *Святые вечера*. Значит они должны не прясть, и не прясть, и не ткать, и не везть [вязать] две недели. Потому что Господь родился, эт радость какая, Господь, как говорится, нам дорогу Он открыл на небеса, вот» (с. Кужное, Мордовский р-н). «Ага, Святками называлось. Как Рождество проходя, тут Святки начинаются, да, до Крещения. А в Святки ходят на гулюшки... И на Святки нельзя вечером работать, называются *Святые вечера*. Вот до самого Крещения вечером не работают. Не вяжут ничего, не шьют. А потом начинается с Крещения, вот тут начинают» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н). «Нет, дочк, тогда я чтой-т не, не скажу тебе. Ну вот она, Хрещение – Святки, вот и она Хрещения. Святки кончаются, вот, это Хрещение, тоже большо... идут, батюшка идёт с Евангелием на речку, там уж вырубили, лёд прорубили и всех Спасителей рисовали, писали. Люди умные... [Соблюдался ли в Вашем селе запрет работать на Святки?] Да, эт *Святые вечера* называются» (с. Гладышево, Токарёвский р-н).

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ФЕДОТ. День священномученика Феодота, 2.П/15.П. «*Священномученик Федот*. Последняя оттепель. Пословица: Федот, да не тот – применяется к этому дню, когда вместо оттепели бывает в эту пору мороз» [ТГВ, 1864, 98].

СКОТИННЫЙ ДЕНЬ. То же, что ЕГОРИЙ. «[Известен ли вам праздник Егорий?] Ну, эт как называется *Скотинный день*. Не работают, вроде, на Егорию, праздник эт скотины, Егорий» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

СКУЧНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. То же, что ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. «[Как называются следующий день после Прощёного воскресенья?] Ну, это *Скучный понедельник*, его так называют, после этого, *Скучный понедельник*, так что он, то веселье было, а то уж сразу первый день – ничего там нет, и всё это называется *Скучный понедельник*, да» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

СОРКИ. То же, что ЖАВОРОНКИ. «На *Сорки* пичужки носили в гнездо куриное, чтоб куры неслись, нёский день» (пос. Советский, Бондарский р-н). «Пекли птички. Эт вот бывает праздник – *Сорки*. Вот на эт *Сорки* пекут из пресна тесты, делают вот такие птички и пекут. И вот этих птичков куда-то в рожь носили, так кидали в воздух, звали этих, жаваронков. Вот, ну тогда так вот было, а сейчас этого, дочк, нет, нет, всё сейчас отошло» (с. Олышанка, Гавриловский р-н). «Ну эт *Сорки*, эт *Сорки*. Это когда пост. Да пекут птички, да. <...> Вот, так, кто как сумея» (пгт Мордово, Мордовский р-н).

СОРОК МУЧЕНИКОВ. То же, что ЖАВОРОНКИ. «Это, не-не, а какие-то орешки вроде делали, вот такие форма, а как, сорок штук, потом ещё что-то, да я вот позабыла. Эт на *Сорок мучеников*. И ещё носили на кладбище на *Сорок мучеников*. Вот такие дела» (с. Никольское, Знаменский р-н). «*Сорок мучеников*, праздник был – *Сорок мучеников*, и вот жаворонки пекли из теста. Намесют – и

крылышки сделают, и головку им сделают, на листы посодют и в печку, пекли. Да, это в печках пекли эти жаворонки. Ну они там из пресной муки, там добавляют там маслица или там яичко положут, чтобы они были там это, лучше обжарют, чтобы они там лучше хрустели, да. Это были, это было» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «Это на *Сорок мучеников*, *Сорок мучеников*. Жаворонков пекут, я нынешний год пекла. <...> *Сорок мучеников*. Сорки... Да вот постом они бувают-то, вот забыла число» (с. Отшивка, Мордовский р-н); «А, это вот *Сорок мучеников*. Это двадцать второго марта. Это пекут жаворонков, такие, из теста делают, вот как птичков. И вот их пекут, и сорок, говорят, их надо испечь. И одну там налепят маленькую, это кладут в гнездо курицы, где куры несутся, туда, кладут, чтобы она вывела много цыплят. Вот это, на это *Сорок мучеников* пекут сорок жаворонков» (с. Рудовка, Пичаевский р-н). «[С какого дня принято было считать сорок морозов?] Да. Забыла, чего уж. Сорок мучеников, наверно, Сорки, Сорок мучеников» (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н). «*Сорок мучеников*. И вот, говорят, после этого ещё должны сорок морозов выйти. А они всё равно, вот они не выходят вообще, сорок морозов, это март, апрель, май, тридцать только, шестьдесят до мая, а сейчас он-то в июне...» (с. Павловка, Сампурский р-н).

СО́РОК СВЯТЫ́Х. То же, что ЖА́ВОРО́НКИ. «Да. Это и сейчас вот продолжают. Ребята знают, вот нынешние школьники знают это, а как. Бегут маленькие, жавароночку запускают. А холод, она не прилетела. Да, *Сорок Святых*» (с. Николино, Инжавинский р-н). «Да. Это праздник, да. Так вот называют такой праздник, то *Сорок Святых* – птички, жаворонки прилетают» (с. Ленинское, Кирсановский р-н). «Ну, эт *Сорок Святых*. Эт постом бывает, двадцать второго марта. Эти, Жаворонки, называется *Сорок Святых*» (с. Берёзовка, Умётский р-н).

СО́РОК СОРОКО́В – СО́РОК МУ́ЧЕНИКОВ. То же, что ЖА́ВОРО́НКИ. «Это *Сорок сороков* – *Сорок мучеников*. Тогда мучили за веру Христову. Вот они Богу веровали, а их у в озере загнали. А рядом кузню построили тёплую, чтоб они вот застыли и пришли. В озере в этом все сорок человек загнали мужчин. А один не вытерпел, один не вытерпел и пришёл в эту кузню. А он, какой их караулил, глянул, венцы спускаются, сорок венцов. А он тогда разбирается и туды, в озеро эту, и на него сошёл венец. Это вот со... Сорки, это на этот день жаворонки пекли» (с. Кужное, Мордовский р-н). «Это на Сорки, *Сорок сороков* – *сорок мучеников*. Когда была за Христом гонения, вот всех собирали и вот всех в озеро гнали топить. Всех ребяташек там. Вот их *Сорок сороков* – *сорок мучеников*. Вот их всех гнали. И вот, говорит, гнали, гнали, гнали, и вот, говорит, всем золотые венцы надевали. И вот, говорит, один испугался, в сторону и убёг, а какой гнал-то их, он взял да утопился и заслужил за один час золотой венец» (с. Тынково, Петровский р-н).

СПЛОШНА́Я НЕДЕ́ЛЯ (СПЛОШНЫ́Е НЕДЕ́ЛИ). То же, что ВСЕЕ́Д-НАЯ НЕДЕ́ЛЯ. «Вот он не каждый год, вот это перед Масленицей бывая там неделя одна и там называется *неделя Сплошная*. И Масленица – сплошная: и среду и пятницу едят сыр, маслу, молоко, а мясу уже не едят на Масленицу. Это уже грех» (с. Кужное, Мордовский р-н). «Это едят *Сплошная*... *Сплошные недели* эт называется, есть можно, эту среду и пятницу можно есть, вот» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Ну пятницу и среду не ядят, вот она пёстрая, а энто сплош-

ная. Вся неделя – есть мясо и колбасу там. *Сплошная* называется» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

СПОЖИ́НКА (-И). То же, что УСПЕ́НСКИЙ ПОСТ. «Эт *Спожи́н*, как его, *Спожинка*, она называется. <...> Девятнадцатого августа, а двадцать восьмого августа, эт уже разговляются» (с. Берёзовка, Сосновский р-н). «Ну, это вот знаешь, вот *Спожинка* бывает пост. Вот я поехала там, вот это вот семь недель, я говорю, пост, а другие-то, они есть три недели. *Спожинка* или этот покос вот...» (с. Поповка, Староюрьевский р-н). «А он тоже не всегда одинаковый, он по Паске. Она всегда, он, Петров день в числе хоть, а вот эти вот недели-то от Паски зависют. Вот прошлый год был три недели с чем-то, а в нынешний – пять... Тогда пойдёт эта, как он называется-то, *Спожинки*. Вот эти *Спожинки* – он тоже пост» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

СРЕТЁ́НИЕ. То же, что СРЕ́ТЕНЬЕ ГОСПО́ДНЕ. «А *Сретение*, эт вот двац..., нет, пятнадцатого февраля, эт тут ничё» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

СРЕ́ТЕНЬЕ (-ЬЯ) ГОСПО́ДНЕ (-Я). Христианский праздник, установленный в память принесения Св. Девою Иисуса Христа в сороковой день после рождения Спасителя, во храм иерусалимский ради жертвы Богу за своё очищение и для выкупа первенца, 2.П/15.П. «*Сретенье Господня*, да, ну, эт *Сретенья Господня*, эт Божия Мать Иисуса Христа несла в эту, в Ерусалим, в церковь. И они как вот, после как вот... после, когда родился он на Рождество, освятили... на Рождество Иисус Христос родился. На Новый год обрезался, на Крещенью крестился в реке Иордан. И как крестил Его Иоанн Креститель, вот, ну эт уж *Сретенье Господне*, эт сороковой день от рожденья Спасителя, Иисуса Христа. И Его эта, в церковь идут брать молитву такой, как это, как ребёнку. Все вот рождались и вот когда на сороковой день тогда... сейчас-то уж я не знаю, а тогда-т вот, прям, сороковой день, идут в церковь и идут эту, молитву ребёнку вот, ну вот, это вот и всё» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

СТРАСТНА́Я НЕДЕ́ЛЯ. Последняя неделя Великого Поста. «[Как называется неделя накануне Пасхи?] *Страстная неделя* она называется-то, да, *Страстная она неделя*. Великий понедельник, Великий вторник...» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Чистый четверг? На *Страстной неделе*. Вот перед Пасхой. Это Чистый четверг» (с. Стеньшино, Петровский р-н). «Ну *Страстная неделя*, она как, она последняя. Она перед Пасхой. Она ведь называется *Страстная неделя*. Эт вот в пятницу, к примеру, распинали Иисуса Христа, в пятницу... В пятницу? В четверг, в четверг. Нет, трехдневная: пятница, суббота, а в воскресенье, а да в четверг... Вот распинали Его, в пятницу похороняли, в пятницу Его пох... пох... похоронили. Вот она поэтому Страстная и называется. А в субботу под воскресенью Он воскрес. Вот поэтому она называется Страстна... Страшная неделя» (с. Керша, Рассказовский р-н). «Да нет, еврейская на той неделе будет, вот на еврейскую Паску, там, у нас говорят, у нас *Страстная неделя*, а там начинается Паска. И вот на их Паску, на еврейскую ветер невозможный идёт» (с. Текино, Сампурский р-н). «Это называется *Страстная неделя*. Это пост, Христа мучили, на этой неделе Его распяли, это *неделя Страстная*. А эти называется первая

неделя, вторая, третья, четвёртая, пятая, шестая – все они так по порядку и называются. А седьмая называется *Страстная*» (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н).

СТРАШНÁЯ НЕДÉЛЯ. То же, что СТРАСТНÁЯ НЕДÉЛЯ. П о в с е м е - с т н о. «Какая-то *Страшная неделя*, почему-то. Вот всё говорят, помирают кто на *Страшной неделе*-то, как-то плохо. Кто на *Страшной неделе* помирает, вот последние дни, перед Паской, это Великого поста, это, говорят, очень плохо, кто помирает на этой неделе» (с. Ниж. Шибрай, Уваровский р-н).

СТРАШНÓЙ ЧЕТВÉРГ. То же, что ЧÍСТЫЙ ЧЕТВÉРГ. «Перед Пасхой четверг – *Страшной четверг*, и даже семечки нельзя шелухать – это грех. И вся неделя *Страшная*» (с. Граждановка, Бондарский р-н).

СЫРОПÚСТНАЯ НЕДÉЛЯ. То же, что МАСЛЕНИЦА. «Масленица – она *Сыропустная* называется. *Сыропустная*. Сыр едят, молоко, маслу, яйца, *Сыропустная*. Мясу не едят. Вот сыр, вот *Сыропустная* она называется. Сыр, молоко, всё такое, яйца, только всё такое едят на Масленской неделе» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

Т

ТИМОФЕЙ ПОЛУЗИМНИК. День памяти Тимофея, одного из семидесяти апостолов, спутника и ученика апостола Павла, 22.I/4.II. «*Тимофея полузимника*. Половина зимы прошла» [ТГВ, 1864, 98].

ТРОÍЦКИЕ РОДÍТЕЛИ. То же, что РОДÍТЕЛЬСКАЯ СУББÓТА во 2-м знач. «Мы выделяем пять родительских суббот в году: на Масленичной неделе, вернее под неё, в субботу; Жёно-мироносские родители – это после Красной горки, в субботу; Постовые – это первая суббота поста (после Масленицы); *Троицкие родительские* субботы; Казанская родительская суббота» (с. Усово, Бондарский р-н). «Были, были, они и сейчас есть родительские, родительские дни в году бывает пятеро: Михайлов день родители, *Троицкие родители*, ну ещё простые там родители, ну в общем пять, пять дней родительских поминальных дней в году» (с. Стёжки, Сосновский р-н).

У

УЛÁСИЙ. То же, что БРЫКÚШКИ. «*Уласию*, *Уласий* бывает, да, ох, я жила рядом с врачом, там, на старом месте, как этот *Уласия*, то я его купаю. И подхожу прям так, а колонка прям вокруг нас, и он стоит, разрешает мне. Да с удовольствием, когда я его купаю. Вот так: “Баб Лен, давай обливай”. И я его, ведро достану и поливаю на него. Поливаю, прям, ждёт он минé всегда как эта... кто, иду, я его поливаю из ведра, он как думает, как вроде здоровье ему даю. Это всегда его поливала. [Какого числа бывает этот праздник?] Да вот весной бывает. [Этот праздник бывает до или после Пасхи?] Это чтой-т, дочка. Я не знаю, сейчас уже забываю всё, все праздник-т, да. И *Уласий*, как купались-т мы, ой, это ещё были молодые» (с. Никольское, Знаменский р-н).

УЛÁСИЯ. То же, что БРЫКÚШКИ. «Это *Уласия*. Да, купались ходили, с ведрами по селу и по домам. Наберут яиц и яичницу делали, а чё ж это правда. [Когда

бывает этот праздник?] Это бывает на четвёртой неделе па... после Пасхи, четвёртая неделя пойдёт, во вторник. [Как справляли этот праздник?] Ну вот это самое, идут с вёдрами, с водой, кто с чем сумеет и с гармониями, и пляшут, всё делают. Заходят в дом, если не хуже кто пожадничают, ничё не даст, они нальют на полу, на пол тебе <...> с золой намешают воды, нальют» (с. Коптево, Рассказовский р-н).

УСПЕНИЕ. То же, что УСПЕНСКИЙ ПОСТ. «Пост, вот до двадцать восьмого этого две недели, он тут, да, до двадцать восьмого августа. Вот это Пост – *Успение* называется. Разговляются уж... Да... разговляются... четырнадцатого августа уже пост начинается, вот и до этого, до двадцать восьмого» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

УСПЕНСКИЙ ПОСТ. Двухнедельный Успенский пост, 1–15.VIII. «До Успенья две недели не пьют, не едят – *Успенский пост* блюдут» (д. Фёдоровка, Бондарский р-н). «...А теперь вот мы заговым двенадцатого, двенадцатого июля, ай, четырнадцатого, наверно, июля, четырнадцатого августа, это будя *Успенский пост*, Божья Мать померла двадцать восьмого августа. Это очень строгий пост, вот тут уже ни среду, ни пятницу, ни понедельник – две недели ничего не едят, не едят маслу, ни едят яйца, ни едят молоко. Даже растительную маслу не едят. Ну, это редко кто уж соблюдая. И рыбу даже нельзя, грех есть, эт строгий пост, это Божья Мать померла. Вот Божья Мать померла когда, а вот один был неверующий. И когда её несли хоронить, а он ударил по гробу, хотел, чтобы она из гроба упала. А ему ангел, ангел шёл невидимо, мы ж ангела не видим, мы не достойны. А кто достоин: “Вот ходют, – говорит, – вот ходют ангелы”. Видют люди достойные, а мы вот не достойны. А он, ангел, ему раз – и отсёк руки вот до сех. И руки его висят на гробу у Божьей Матери. Тогда другой иди и говорит: “Божья Мать милостливая, попроси её, попроси и прислони руки”. Он покорился и прислонил свои руки, култышки. И они у него приросли! Вот сила у Бога очень великая и сколько чудес!» (с. Кужное, Мордовский р-н).

Ф

ФИЛИПКА. То же, что ФИЛИППОВСКИЙ ПОСТ. «Ну, я больше не ела <...>, Пятровку, я всё время её ела. А вот этот пост, две недели, не ела. И энтог большой пост не ела, а *Филипку* тоже ела» (с. Правые Ламки, Сосновский р-н).

ФИЛИППОВКИ. То же, что ФИЛИППОВСКИЙ ПОСТ. «С Медового Спаса это две недели, называется Успение. Так, потом вот подойдут *Филипповки*, Михал день пройдёт, тут неделя михаловская, называется Загованье тоже» (с. Кулевча, Инжавинский р-н).

ФИЛИППОВ ПОСТ. То же, что ФИЛИППОВСКИЙ ПОСТ. «...Вот осенью бывает *пост – Филиппов*. Это первый был апостол у Бога. В Евангелие пишут про него. Вот его потом повесили, как Иисус Христа. Вот ему шесть недель поста. Вот с осени и пока до Рождества, Господь родился» (с. Кужное, Мордовский р-н).

ФИЛИППОВСКИЙ ПОСТ. Рождественский пост, 15/28.XII–24.XII/6.I. «Ну, это *Филипповский пост*, ну, это попадает под Рожаство» (с. Тынково, Петровский р-н).

Х

ХВЕЛІППОВКА. То же, что ФИЛІППОВСКИЙ ПОСТ. «Грех, боялися, и вот деды наши, бабушки говели пятницу, середу в Петровку, в Пажинку, в *Хвелипповку* – эти все посты говели. Мясо у нас было, а мы не ели, не ели...» (с. Кужное, Мордовский р-н).

ХРЕЩЁНИЕ. То же, что КРЕЩЁНИЕ. «Вот Маслена, от *Хрещения* там сколько бывает дней?» (с. Ярок, Мичуринский р-н).

ХРИСАНФ И ДАРЬЯ-ЗАСОРИ ПРОРУБИ. День памяти св. мученика Хрисанфа и Дарьи, 19.III/02.IV. «*Хрисанфа и Дарья-засори проруби*, или: навозные проруби, жёлтые проруби, замазанные проруби, – ранняя весна – большое половодье» [ТГВ, 1864, 98].

ХРИСТОВО ВОСКРЕСЁНЬЕ. То же, что ПАСХА. «Святое воскресенье, Светлое воскресенье, *Христово воскресенье*» (с. Вязовое, Жердевский р-н).

Ц

ЦАРЕГРАД. То же, что ЦАРЬ-ГРАД. «Вот *Цареград, Цареград*, эт так и называется: “Завтра – *Цареград*”. [Какого числа следовало справлять этот день?] Вес... весной, он уж, наверно, прошёл, *Цареград*» (с. Гаритово, Мичуринский р-н).

ЦАРЬ-ГРАД. По церковному календарю в этот день справлялось обновление Цареграда, 11.V/24.V. «Это Царь-град. Эт Царь-град. Да. Это Кирилла и Мефодия, он называется, праздник. Двадцать четвёртого мая он всегда бывает. На этот день не работают. На этот день на огороде нельзя ничего делать, а то град побьёт. А то град побьёт. Был такой случай у нас, я была девчонка. Вот. А у нас были овцы. Мужика-то не было, а мама на этот день, моя мать, выбрасывала навоз от овец, с катуха [куратник. – Т. М.] выбрасывала его, ну, за калитку, вот сюда, на улицу. А соседка пришла и говорит: “Кума, что ж ты ныне работаешь, ведь ныне Царь-град”, – “Да ты что, кума! Иль правда? А я даже и не знала”, – говорит, ведь это что. Ну и вот. Что же. Огурцы уже цвели. Может быть, и не к этому, но вот как-то получилось так. Огурцы уже цвели у всех. И вот зашла туча, и пошёл град. У нас всё, все огурцы сметало с землёй. Вот у нас. Эт я хорошо помню. У соседев – ни грамма» (д. Казинские Выселки, Мичуринский р-н). «Ну, это какой, я уж забыла, не знаю, как же он называется, не Царь-град? Да, нельзя. Это случай был. Отец пошёл делать загородку, садок у нас был, ну и наделал. Вот такой к вечеру пошёл град. И у нас тут были вот сколько листья – подсолнухи, все как солдат пощёлкал, да. Точно» (с. Знаменка, Никифоровский р-н). «Ну Царь-град, Никола, она, а через день Царь-град. Вот, Никола она бувае, это весной. И потом через день Царь-град. Он двадцать третьего, нет, двадцать второго, по-моему, не помню, Никола, а двадцать четвёртого – Царь-град» (с. Тынково, Петровский р-н).

Ч

ЧІСТЫЙ ПОНЕДЁЛЬНИК. Первый день Великого поста. «Не хватало нам Маслены, пост настанет и в *Чистый понедельник*, то есть в Великий понедельник, идём догуливать. А нынче не гуляют, ничего, только одни именины, а ещё ничё не знают, сидят и сидят, в ящик глядят и глядят, в телевизор» (с. Верхнеспас-

ское, Рассказовский р-н). «Ну как же он называется? *Чистый понедельник* и всё, на него готовятся к причастию» (с. Гладышево, Токарёвский р-н). «Ну как расскажи, ну это, вроде, называлось Похмелки, что ли. Это называлось *Чистый понедельник*. Вроде, это донце возьмут, донце это почему, пряли, вроде, а это её нужно обмыть, обкатать. И вот этим занимались, какие любят. Так-то выпьют, донце брали и обкатывали его. [Опишите обряд «донце обкатывать»?] Да куда, кто к какой подружке. Ну, это женщины делали...» (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н).

ЧЫСТЫЙ ЧЕТВЕРГ. Четвертый день Страстной недели. П о в с е м е с т н о. «Ну в *Чистый четверг* тогда всё делали, тогда ведь того не было. Тогда было, сейчас ведь она мука вон какая, а тогда ведь аржаная была, да. Пшеничная, простой размол, а больше всего собирали пшано. Промоют её, она маленько осякнет, сбивали лепёшные блинцы, блины очень вкусные были, вот, эт всё делали, всё в Чистый четверг» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «...А в *Чистый Четверг* до зари купаются. Всех, детей купают до зари. Вот, считается, всё смывается. Это было и продолжается [Когда бывает Чистый четверг?] *Чистый четверг*? На Страстной неделе, вот перед Пасхой. Это *Чистый четверг*. Ну обычно все в этот день бани топят, ну а те, которые не потопят, значит, они до зари...» (с. Стеньшино, Петровский р-н). «[На какой день недели принято было варить и красить яйца к Пасхе?] Да, на *Чистый четверг*, чтобы яйца все чистые... Потом их красят» (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н). «Не ели, четверг назывался, *Чистый четверг*, Страшная неделя» (с. Пушино, Ржаксинский р-н). «Да, так и было. В *Чистый четверг* нужно нарезать курочку, к Пасхе это, в *Чистый четверг* надо делать. А сейчас, дочка, уж не стали так ничего разбирать. Когда придётся, тогда и режут, когда придётся, тогда и едят» (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н).

Ш

ШИРОКАЯ МАСЛЕНА. То же, что КОРЕННАЯ МАСЛЕНА. «На Маслену гуляли: народ наряжён, едут подвода за подводой, наперёд кучер. С четверга – *Широкая Маслена*, блины пекли, к жениху гости приходили» (с. Пахотный Угол, Бондарский р-н). «Ну Маслена, *Широкая Маслена* называли вот с четверга, в четверьх начинается, пятница, суббота, воскресенье <...> день, Прощёный день называется. Всё, со всеми ходют, прощаются, прощение просят у всех» (с. Вязовое, Жердевский р-н). «Всю неделю. А уж *Широкая Маслена* начинается с пятницы. Пятница, суббота, а в воскресенье уже Прощёный день» (д. Трофимовка, Кирсановский р-н).

ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА. То же, что КОРЕННАЯ МАСЛЕНА. П о в с е м е с т н о. «На Маслену гуляли, народ наряжён, едут подвода за подводой, наперёд кучер. С четверга Широкая Маслена, блины пекли, к жениху гости приходили» (с. Пахотный Угол, Бондарский р-н). «А это вот Масленица называется, вот когда заговееют в воскресенье, с понедельника начинается Масленица до пятницы, а пятница, суббота и воскресенье – это уж Широкая Маслена, вот. Это в недели три дня, эт называется *Широкая Масленица*. Катаются, блины пекут, всё. И это там, молоко и яйца, это всё, ну как уж... и катаются на лошадях, вот, вот это Масленица. Потом начинается пост» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

Я

ЯГО́РИЙ. То же, что ЕГО́РИЙ в 1-м знач. «Вот *Ягорий*, он праздник очень-очень строгий. Это в старину говорят, что на этот праздник вот вся Никольская у нас горела. Как это было, но это так действительно. Никольская вся. Выехали работать на поле – вот и всё, один дом, вдруг ветер пошёл, да и как шёл у них, и все дома, всё вообще погорело. Дом загорелся грозой, грозой, да. От этого пошло, ветер пошёл. Вот смерч какой-то у нас нынешний, всё смял, все крыши посорвал, вот у нас не на что покрыть тоже, прямо я не знаю, она вот, крыша-то хорошая, нет, смахнул, зараза» (с. Текино, Сампурский р-н).

ЯГО́РИЙ ВЕ́ШНИЙ. То же, что ЕГО́РИЙ в 1-м знач. «*Ягорий* вот *Вешний* бывает, она шестого, шестого *Ягорий* бывает. Эт вроде волк, тогда овцы были, да боялись, волк налетит да овцу утащит» (с. Новосёлки, Мичуринский р-н). «Да, *Ягорий* строгий, ещё *Вешний Ягорий* строгий» (с. Текино, Сампурский р-н).

ЯГО́РИЙ ЗЫ́МНИЙ. То же, что ЕГО́РИЙ во 2-м знач. «Строгий, да. Говорят, если на *Зимняя Ягория*, если будешь работать, то волки овец будут таскать. Так в старину говорили» (с. Старосеславино, Первомайский р-н).

ЯГО́РИЙ ПОТАЙНО́Й. То же, что ЕГО́РИЙ в 1-м знач. «Какой-то *Потайной* ещё *Ягорий* есть. Называется *Потайной Ягорий*. Как-то ещё осенью бывает, и вот не так давно он был. Вот рассаду сеят, капусту на *Ягорию* всегда, да, под *Ягорию*» (с. Нижний Шибряй, Уваровский р-н).

ЯГО́РИЙ ХРА́БРЫЙ. То же, что ЕГО́РИЙ. «*Ягорий Храбрый* – это шестого мая. Это под него сеют рассаду, капустную рассаду всегда, под *Ягория* сеют капустную рассаду, это шестого мая. На *Ягория*, говорит, трава в оборо. Уж трава вот такая, значит, это будет на *Ягория*, значит, пойдёт, да, *Ягорий* это шестого бывает, шестого мая. Под неё всегда сеют капустную рассаду» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ЯГО́РИЯ. То же, что ЕГО́РИЙ в 1-м знач. «Строгий праздник – это *Ягория*» (с. Текино, Сампурский р-н). «Человека-то унести, кто его знает, эт я не знаю, а вот в старину тада ткали, пряли. И вот один раз на *Ягория*, такой праздник есть, эт кропили лошадей святой водичкой. И возле нас там, я уж и ня знаю, либо в первый класс ходила. Бабка Дуня пошла на речку эти холсты, ну вот, и был праздник. И они все поднялись у ней, и все улетели в речку, эти вот холсты, какие ткали, тады ведь ткали всё своё. [Почему ветер унес холсты?] Праздник был, няльзя работать. Они и улетели, вихерь-то этот поднял. Ну, больше вам я не знаю, чего рассказать» (с. Троицко-Ивановское, Стрюрьевский р-н).

ЯРЬЛКА. То же, что ЯРЬЛЫ. «Ой, как же вот, послед, вот Троица пройдёт, вот ныне хоть воскресенье Троица, а в понедельник это обливушки. Ой, чё есть, мои хорошие, да лавют эт девок, да каких к колодезю, а каких прям в реку, да ныряли с ними. Это и до сейчас хоть плохо, а ребятишки маленькие, была *Ярилка*. И ребятишечки маленькие бегают с кружечкой, это у нас было, эт закон, эт у нас в понедельник» (с. Челнаво-Покровское, Сосновский р-н).

ЯРЬЛЫ. Понедельник на следующей неделе после Троицы. «Это бывает праздник, это я помню, праздник называется *Ярилы*, и обливаются водой. Колодцы,

сейчас нет, краны, а раньше колодцы. Кто прям идёт, воды схватят и поливают. Это как правильно было. Называли *Ярилы*» (с. Хоботово, Первомайский р-н). «Нет. У нас бывает вот это, на второй день Троицы, как он называется, не второй день, а понедельник от Троицы на следующей неделе – *Ярилы* называется. У нас тут вот начинают всех купать, обливаются, а вечером начинали русалку провожать. Вот раньше какое село было у нас. Все наряжались, ну русалку там убирались, у кого чё есть, наряды всякие. С гармошкой, бывало, отсюда едим, наряжённые, пляшем по селу идём, какая веселья была, страсть» (с. Беломестная Криуша).

Дополнения

ВЁРБНИЯ. То же, что ВЁРБНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «...Вот *Вербния*, а суббота называлась воскресенье, Лазарево воскресенье. Ну и вот, одна спешила доткать... и лампа упала, стан сгорел, и женщина сгорела. Да, это прямо недалеко, в Мезинце, от нас. Да, да, сгоре... сгорела женщина» (с. Большая Дорога, Старо-юрьевский р-н).

ЕГÓРОВ ДЕНЬ. То же, что ЕГÓРИЙ. «[Знаете ли вы Лошадиный праздник?] *Егоров день*. Ягорий. Это вот нельзя работать на лошадях, и людям не надо работать. Это очень строгий праздник» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н).

ЕГÓРИЯ. То же, что ЕГÓРИЙ. «*Егория*. *Егория* – это Лошадиный праздник. Это двадцать... какого... это двадцать пятого мая либо... Это Егорий, дочк. Когда отец служил в армии, это Лошадиный праздник, лошади все стоят. Каждому овёс, и очистит каждый своего коня, чтоб был чистый носовой платок и утереть этим носовым платком, вот как чистили коней. Это Ягория. И коню отдельно, и солдаты были все отдельно, кушали, это Ягория, Лошадиный праздник» (с. Заречье, Пичаевский р-н).

ЖЁНО-МИРОНО́СКИЕ РОДИ́ТЕЛИ. Поминальный субботний день накануне Дня жен-мироносиц. «Мы выделяем пять родительских суббот в году: на масленичной неделе, вернее, под неё в субботу; *Жёно-Мироносские родители* – это после Красной Горки, в субботу» (с. Усово, Бондарский р-н).

ЗДВІ́ЖЕНЬЯ. Праздник в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, приходящийся на 14.IX/27.IX. «Ды я не знаю, праздники-т, их двенадцать праздников в году, в кругу это [Назовите эти праздники?] Ну, погодитя, запомнить надо, ну Святая, Рождество, Крещенья вот, потом Рожаство Пресвятая Богородица, *Здвиженья* ищо-та хватить? Сколько ищо? *Здвиженья*, Иван Постный (Отсечения головы), эт скока я тут скажу? Пять» (с. Новосёлки, Мичуринский р-н). «Эт *Сдвиженья* бывает. Эт я разок была в перебо́ре, пошла... [Опишите, пожалуйста, перебор?] У нас лес вот такой вот, а я пошла косить. Я, говорю, сейчас пойду, а забыла, что *Сдвиженья*-то. Ой, как ужи на меня налетели, как ужи налетели. Я косу бросила в о́зер, сама лечу. Было двор, а забыла. Там прямо они вот собираются в нору, а эт они кусаются, я их <...>. Легла, вот как даже запарилась, эт *Сдвиженья*, на *Сдвиженья*. И вот когда снопы, до *Сдвиженья*, чтобы убрать. А то, говорят, урожай плохой будет. А до *Сдвиженья* уберут, тогда всё

в покое, всё сдви..., с токов всё сдвигается» (с. Красивка, Инжавинский р-н). «Нельзя на него в лес ходить, это праздник большой. Одна в лес пошла и пропала. Это, вроде, чтоб всё чисто было, все насекомые в одну кучу и на зимовку хоронятся. С огородов до *Сдвиженья* надо всё из земли убрать, это начало октября» (с. Грачевка, Пичаевский р-н).

КАЗАНСКИЕ РОДИТЕЛИ. Поминальный субботний день накануне праздника Казанской иконы Божьей Матери. «Родительская, да сейчас эти родительские, они каждую субботу родители. А тогда их только было, прям буду считать: Троицкие родители раз, нет, эти, как её, Господи, Навские, Навской вторник, вот эти родители, Троицкие родители, и потом ещё *Казанские родители*, и Масленицкие родители. Вот, вот четыре родителей, родительская была эти, субботы. А сейчас каждые недели субботы, родителей поминают» (с. Ярок, Мичуринский р-н).

КРЕЩЕНИЯ (-ЬЯ). То же, что КРЕЩЕНИЕ. «Это не то, не под *Крещению*, это под Маслену, на Масленой неделе, это... На Маслену зиму провожают. Зиму провожают. Да. Зиму провожают» (д. Цыганок, Токарёвский р-н). «Ды я не знаю, праздники-т, их двенадцать праздников в году, в кругу это. [Назовите эти праздники?] Ну, погодить, запомнить надо, ну Святая, Рождество, *Крещенья* вот, потом Рождество Пресвятая Богородица, *Здвиженья* ищо-та хватить? Сколько ищо? *Сдвиженья*, Иван Постный (Отсечения головы), эт скока я тут скажу? Пять» (с. Новосёлки, Мичуринский р-н).

Поповичева И. В. Тамбовская деревня в рассказах сельских жителей. СПб., 2004. Вып. 1. ТГВ – Тамбовские губернские ведомости. 1864.

* * *

Татьяна Владимировна Махрачева – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Института русской филологии и лабораторией этнолингвистики (Инновационный культурно-образовательный центр) Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Т Р И Б У Н А О Н О М А Т О Л О Г А

В О П Р О С Ы
О Н О М А С Т И К И
2008. № 6

А. К. Матвеев

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОНОМАСТИКЕ

На первый взгляд, в ономастике возможно все: любой предмет может получить имя, бессмысленный набор звуков стать названием, группа людей или даже один человек создать свой ономастикон. На самом деле это, конечно, не так. Выбор объекта номинации предопределяется потребностями и интересами людей, звуковой комплекс – возможностями языка, семантика названий и сфера их употребления – спецификой порождающего коллектива. Тем не менее уровень свободы в ономастике намного выше, чем в лексике; соответственно, больше и произвола. Но и в ономастике при всем ее многообразии есть свои закономерности и правила, а поскольку она живой эволюционирующий процесс – и свои тенденции развития.

Изменения в ономастике могут быть связаны с социально-политическими катаклизмами и быть радикальными или даже катастрофическими. Таковы замены финских и немецких названий русскими на Карельском перешейке и в Восточной Пруссии, русских наименований в странах СНГ и т. п. Как правило, они осуществлялись путем искусственной номинации. В других случаях изменения длительны, но тоже катастрофичны, подобно деградации русской сельскохозяйственной микропонимии в результате изменения социально-экономических отношений в деревне после Октябрьской революции.

Но есть изменения эволюционные, медленные, обусловленные прогрессом, развитием общества, цивилизацией. В этом случае естественные и искусственные процессы иногда переплетаются так, что их невозможно отделить друг от друга. Эти изменения могут растянуться на века и тысячелетия.

Тенденции развития проявляются по-разному в той или иной сфере ономастики. Но особенно ярко они выражены в новых, еще не отягощенных стандартами областях. Материалом этой статьи явилась преимущественно спортивная ономастика. Вообще-то спорт так же древен, как и человечество. Наверное, уже неандертальцы бросали камни на дальность и занимались каким-нибудь своим неандертальским дзюдо. Но развитая терминология спорта – достояние нашего времени. Спортивные онимы привлекают

прежде всего потому, что благодаря многогранности спорта в них хорошо отражаются различные процессы эволюции ономастики, а также тесное взаимодействие естественной и искусственной номинации, способное создавать адекватные ономастические системы. Спортивная ономастика – одна из лучших лабораторий живой ономастики, в недрах которой зарождаются и апробируются многотысячные пласты новых наименований, а тем самым реализуются тенденции развития.

Одна из них – тенденция к сокращению имени. Явление это очень старое. Хорошо известно, что наряду с развернутыми именами – словосочетаниями и словосложениями – употребляются антропонимические гипокористики и эллиптические топонимы. Но рост населения, урбанизация, прогресс в средствах транспорта и связи, ускорение темпа производства – все это в совокупности убыстряет темп жизни и скорость прохождения информации. Соответственно ярче проявляется и тенденция к сокращению имен. Классический пример: наименования книг XVII–XVIII вв., которые нередко занимали весь титульный лист, по сравнению с названиями наших дней.

Но сокращение имен в разной степени охватывает различные разряды ономастики прежде всего из-за противодействия нормы, традиции и официозов. Иногда оно вообще ограничивается рамками устной речи, просторечия и жаргонов. Общеизвестно *Питер*, а на конвертах пишется *Санкт-Петербург* или *Петербург*, и только в молодежных жаргонах употребляются такая эллиптика *Екатеринбурга*, как *Катер*. Есть, однако, области жизни, где сокращение имени становится необходимым и значимым. В этом отношении показательна спортивная ономастика, в которой активно внедряются и осваиваются современные онимические новации, в частности игровые прозвища футболистов и хоккеистов.

Футбол – игра командная, скоростная, с быстрой сменой ситуаций на обширном игровом пространстве. Как обращаться друг к другу в процессе игры? По имени не всегда возможно, так как одно имя может быть у нескольких игроков. Поэтому сложилась традиция именования, в общем-то достаточно распространенная в различных коллективах (в армии, школах и др.), но в данном случае заданная самим игровым процессом – давать прозвища по фамилиям, сокращая их, а именно оставляя один или два слога, чаще начальных, но иногда ударный и послеударный, ср.: *Алдонин* > *Алда*, *Аршавин* > *Шава*, *Бесчастных* > *Бес*, *Билялетдинов* > *Биля*, *Бузникин* > *Бузя*, *Кержаков* > *Керж*, *Колодин* > *Кола*, *Мостовой* > *Мост*, *Панов* > *Пан*, *Погребняк* > *Пога*, *Сычев* > *Сыч*, *Торбинский* > *Торба* и т. п. Эта тенденция отнюдь не является специфически русской. Она интернациональна: английский футболист *Бекхем* получил игровое прозвище *Бекс*, бразилец *Роналдо* – *Рони*, а немец *Клинсманн* – *Клинси*. То же и у хоккеистов с их запредельными скоростями. Русские легионеры в североамериканской НХЛ именуются соответственно: *Брызгалов* – *Брыз*, *Ковальчук* – *Кови*, *Козлов* – *Кози*, *Назаров* – *Наз*, *Овечкин* – *Ови* и т. п. Бывают в ходу и личные имена, особенно не слишком употребительные, но и они сокращаются: футболиста *Дениса Бояринцева* называют то *Бояра*, то *Ден*.

Кроме игровых, у футболистов и хоккеистов, конечно, могут быть и другие прозвища, которые им дают болельщики, друзья и коллеги-игроки. Это хвалебные, а иногда и хулильные прозвища. Они часто встречаются, но функциональны только в плане повышения или понижения имиджа игрока (*Великолепный*, *Профессор*, *Русская Раке-*

та, *Финская Вспышка* и т. п.). В игровой ситуации эти прозвища не применяются, так как не обеспечивают быстроту прохождения информационного сигнала.

Поскольку фамилии в своем большинстве нейтральны, игровые прозвища обычно хорошо приживаются, проникая и в среду болельщиков, а иногда и зарождаются в этой среде. Но они не обязательны. Кого-то из игроков зовут и просто по имени, а кто-то получил и хвалебное прозвище, по своим звуковым параметрам подобное игровому, скажем, *Босс*, *Слон*. Иными словами, действует не жесткое правило, а тенденция, которая без необходимости не проявляется. Если футбол – игра быстрых ног, то волейбол – игра высоких прыжков. Это бесконечный розыгрыш стандартных положений на небольшом пространстве и в тесном контакте. Поэтому здесь нет особой нужды в игровых прозвищах.

Но процесс сокращения имени может быть обусловлен и тем, что какая-то его часть, наоборот, утрачивает функциональность и становится коммуникативно уязвимым компонентом. Именно таким уязвимым звеном являются наши отчества. Несмотря на активное употребление они по существу пережиточны. Как известно, форму с *-вичем* в прошлом мог иметь далеко не каждый, а сейчас она есть у всех, но в основном используется в официальных отношениях и документах, а также как знак уважения. За рубежом отчеств нет. Поэтому *Владимир Владимирович Путин* для других президентов и премьеров официально *господин Президент*, а неофициально – просто *Владимир*. Поскольку связи с зарубежными странами, надо полагать, будут укрепляться, следует ожидать и определенного воздействия зарубежной нормы на традицию. Вполне возможно, что в будущем отчества начнут постепенно утрачивать свои позиции. Но традиция – фактор труднопреодолимый, тем более если она связана с благородным по своей сути стремлением выразить уважение к личности. Поэтому процесс сокращения имени в данном случае может затянуться надолго, хотя первые признаки его проявления уже налицо: в ряде ситуаций отчества опускаются.

Другая движущая сила ономастики – тенденция к переносу по смежности (метонимия) – тоже древнее явление. Создание имени – труд, требующий определенного напряжения мысли. Смежность объектов подсказывает самый легкий путь имятворчества. В этом случае тоже работает своего рода принцип экономии. Такие приемы номинации, как именование населенных пунктов по рекам, обычны с давних пор и действуют поныне. Но дело не только в «лености ума».

В прошлом человек жил в глубоком единстве с окружающим микромиром, где он занимался охотой, ловил рыбу, обрабатывал землю. Внешние связи были ограничены. За пределы микромира выходить было опасно. Рамки цивилизованной части мира раздвигались медленно. Зато свой мир был досконально изучен, детализирован и обозначен. С развитием цивилизации все изменилось: на микроуровне стираются детали – объединяются поля, вырубаются леса, осушаются болота, мелеют и высыхают реки и озера. Зато укрупняются поселки и города. Соответственно, разрушаются традиционные ономастические системы. Но метонимия живет – поля называются по бригадам, а поселки – по лесопунктам. И чем меньше первичных самобытных названий, тем больше метонимии. Однако ее истоки разнятся, поскольку связаны с экономическими и социально-политическими обстоятельствами.

В недалеком прошлом спортивные клубы создавались государством при соответствующих организациях. И во всех значительных городах были *Динамо*, *Спартак*,

Локомотив, кое-где еще *Торпедо*, *Зенит*, *Буревестник* и немногие другие. Аналогично именовались и игровые команды, поскольку искусственная номинация и метонимия тесно связаны. Эти реалии частично сохранились до сих пор: футбольная команда *Динамо* и сейчас есть не только в Москве, но и в Брянске, Барнауле, Махач-Кале, а *Спартак*, кроме Москвы, – в Нальчике, Нижнем Новгороде, Йошкар-Оле. Команды с этими названиями имеются и во многих других городах. Но в современной России регионы стали более самостоятельными и источники метонимии постепенно меняются. Топонимы начинают вытеснять шаблоны прошлого. И появляются команды *Москва*, *Ростов*, *Кубань*, *Урал*, *Сибирь* и др., т. е. утверждается местный «топонимический» патриотизм. А за рубежом уже давно преобладают названия команд по городам и департаментам. В первой футбольной лиге Франции все 20 команд имеют такие имена. Почти то же самое в Англии и Италии.

С метонимией связано еще одно немаловажное обстоятельство. Она способна создавать ряды, последовательности названий и тем самым способствовать формализации ономастики и развитию, пожалуй, самого непредсказуемого по своим последствиям ономастического феномена – экспансии числа.

Некогда числа, естественно в вербальном наряде, уже в какой-то мере освоили ономастику. Достаточно вспомнить русские неканонические имена типа *Первуха*, *Третьяк*, *Шестак* и им подобные, *линии* Васильевского острова, американские *стрит* и *авеню*, наконец, прежнее название улицы Щорса в Екатеринбурге, которая раньше именовалась *4-й Загородной*, потому что здесь проходила южная граница города. Но все это частности. Проблема намного серьезнее.

Как числа, так и имена способны индивидуализировать объекты и упорядочивать мир, причем числа в силу своей абсолютной абстрактности способны подменять имена. Когда спортсмена называют *Одиннадцатый* или *Пятнадцатый* (а соответствующий номер изображен на форме), это еще не имя, но уже намек на него. Однако есть и другие факты. На черных страницах истории кровью написаны цифровые и буквенно-цифровые квазиимена узников концлагерей. Одни астероиды имеют настоящие имена (*Веста*, *Икар*, *Харон* и т. п.), другие – буквенно-цифровые обозначения. Одна гора называется *Веселой*, а другая безымянна, но на карте есть ее высотная отметка – 729,0. И эта отметка в устной речи геолога или туриста с легкостью уподобляется таким собственным именам, как названия кинофильмов *Тринадцать* или *Сорок первый*, ведь на вопрос «Куда ты?» может последовать ответ «На *Семьсот двадцать девятую*». Тем не менее и подобные наименования не считаются полноценными собственными именами, хотя они способны выделять объекты, а в живой речи и функционировать как настоящие онимы.

Но это еще не все. По всей видимости, не за горами полная числовая индексация как человечества, так и природных объектов. Присвоение таких индексов может многое облегчить и упорядочить в экономике, статистике, борьбе с преступностью. Возможно, индекс будет использоваться и в качестве идентификационного знака. Тенденция ко все большему употреблению чисел (и соответственно цифр) прослеживается достаточно четко: в паспортах буквенно-цифровая нумерация заменяется чисто цифровой, введен ИНН (идентификационный номер налогоплательщика), в Интернете существуют вербальные имена («ники») и цифровые «гостевые индексы». Трудно сказать, чем руководствовалась наша Государственная дума, изымая из проекта закона «О персо-

нальных данных» пункт о присвоении каждому россиянину пожизненного личного номера. Предполагать можно многое. Но если бы этот пункт сохранился, то каждый из нас стал бы обладателем своего второго, «технического» имени.

Дальнейшее сближение человека и техники может открыть и совершенно новые области «технической» номинации. В антиутопиях Джерома К. Джерома и Е. Замятина уже идет речь о грядущей замене имен номерами. Тем не менее в духовной, культурной и обиходно-бытовой сфере имя никогда не уступит свои позиции, если только человечество, будем на это надеяться, не изменит менталитет и характер языка. Каждому – свое: уму – число, духу – слово. Именно об этом писал поэт-провидец Н. С. Гумилев: «А для низших целей были числа, как домашний подъяремный скот, потому что все оттенки смысла умное число передает».

Технический прогресс улучшает условия жизни, но не изменяет сущности человека, который изначально думает о своих интересах, а соответственно и о своем имидже. Именно по этой причине собственные имена всегда привлекали к себе внимание, а в наше рекламно-пиарное время тем более. Имиджонимы (простите маленькое ономастическое хулиганство!) заполнили мир. А эта тенденция противоположна предшествующей: в ономастику рвется звучное, пусть даже и непонятное, слово. Разумеется, прежде всего бросаются в глаза разного рода вывески. «Новые русские» называют свои кафе *Барракуда* и *Атабаска*, гостиницы – *Атриум-Палас отель* и *Гранд-Авеню отель*, и всем ясно, что дело не в значении этих имен, для посетителей очень часто загадочном, а в их форме, в иноязычной звонкости и нерусскости, которые должны стать своего рода приманкой.

Намного интереснее как раз по своей семантике индивидуальные прозвища профессиональных спортсменов.

Традиционная японская профессиональная борьба сумо возникла более тысячи лет тому назад. Это борьба гигантов-силачей неограниченного веса. Для нее характерны сложный ритуал, правила, система рангов, подробный кодекс поведения и образа жизни борцов. Традиции сумо соблюдаются и в наши дни, распространяясь на иностранных борцов. Одна из них состоит в том, что сумотори высоких рангов имеют право на боевой псевдоним. А величественной борьбе – величественные имена. Отсюда звучность, яркость и высокий пафос боевых псевдонимов: *Синий Дракон*, *Укротитель Драконов*, *Русский Феникс*, *Крепость из Железных Глыб*, *Русская Белая Гора*, *Молодой Феникс*, *Океан Вечности* и т. п.

Современный антропоцентризм, несомненно, дал новый стимул для изучения собственных имен как хранилища этнокультурной информации. Это позволяет воспроизводить достаточно цельные фрагменты традиционной языковой картины мира. В отличие от этнокультурной информации, которая связана с национальным менталитетом и традициями, информация, обусловленная профессиональной спецификой, а именно ее содержат, например, прозвища боксеров-профессионалов, отражает менталитет определенной весьма своеобразной и этнически разнородной группы спортсменов.

Профессиональный бокс – сочетание высокого спорта и шоу. Он имеет свои традиции, ритуалы, рекламные приемы, которые должны способствовать росту популярности спортсмена и укреплять его имидж. Наличие прозвища – такая же норма, как и пресс-конференция перед боем, когда боксеры осыпают друг друга угрозами, как и форма объявления о бое, в котором, кроме имени и фамилии, указываются возраст

боксера, вес, рост, прозвище, количество боев, побед и поражений. Таким образом, роль прозвища в профессиональном боксе очень значительна, но функции игрового и боксерского прозвищ различны: в спортивных играх прозвище функционально в самом процессе игры, являясь средством общения, в боксе это своего рода псевдоним, который тоже функционален, но характеризует боксера. Игровое прозвище неофициально, а прозвища боксеров указываются в объявлениях о матчах. Более того, не каждый игрок имеет прозвище, а для профессионального боксера это общепринято.

Естественно, что боксерское прозвище должно прежде всего создавать образ непобедимого бойца, но здесь нет ничего общего с величавостью и изощренностью боевых псевдонимов сумотори. Прозвища должны быть жестокими, как сами боксеры: *Убийца, Палач, Костолом, Кувалда, Железный Кулак* и т. п. А если они образны, то предельно прозрачны. Так, быстроту ударов боксера передают сравнения *Ураган, Беглый Олень, Африканский Экспресс, Кровавый Экспресс, Вечный Двигатель, Скорострельный* или звукоподражания *Бум-Бум, Чоп-Чоп* и т. п. Установка на создание образа непобедимого бойца порождает и многочисленные сравнения с могучими животными от *Льва* и *Ягуара* до *Босфорского Быка, Черного Носорога* и даже *Тиранозавра*.

Но не все так однозначно. Боксеры – очень разные люди. И наряду со всеми этими «страшилками», можно даже сказать вопреки им, зафиксировано множество объективно-оценочных прозвищ, «по-человечески» характеризующих боксера, которые иногда свидетельствуют о тонкой наблюдательности и юморе. В них отражен весь боксерский мир: высочайшая оценка профессионалу – *Волиебник, Чародей Ринга, Несравненный*; высокие человеческие качества – *Настоящий Парень, Воин, Джентльмен, Лорд*; другие душевные качества и интересы – *Тихоня, Робкий Флойд* (один из лучших боксеров мира Флойд Паттерсон в жизни был робким и стеснительным человеком), *Туши Свет* (прозвище бывшего уголовника и наркоторговца, но блестящего боксера), *Ювелирная Лавка* (за любовь к драгоценностям); происхождение – *Канадский Дровосек, Звезда Давида*; красивая внешность – *Золотой Мальчик, Красавчик*; внушительные параметры – *Двухтонный Тонни, Большой Грузовик* и т. п. Короче говоря, прозвища профессиональных боксеров хорошо воспроизводят менталитет, среду и образ жизни этой весьма своеобразной группы профессиональных спортсменов. Понятно, что они трепетно относятся к своим прозвищам, нередко сами выбирают их, иногда меняют, а бывает, что имеют несколько прозвищ. Самый высокий боксер в мире россиянин Николай Валуев (215 см) известен под прозвищами *Никола Питерский, Скала, Человек-Гора, Большой Русский* (в Америке), *Кинг-Конг* и *Зверь с Востока*, а став чемпионом мира, переименовал себя в *Железный Занавес*.

Если рассматривать эволюционные процессы в ономастике в целом, то можно сделать вывод, что лишь экспансия числа – явление по существу новое. Все остальные тенденции ведут начало с древних времен. Но их активизация отнюдь не случайна. И понять это можно, если обратиться к ретроспективе имени.

Появление имени связано со становлением человека, с формированием его самосознания. Поэтому связь имени и человека первоначально была неразрывной. Имя и человек в сущности отождествлялись. Вот почему первобытные люди тщательно скрывали свои имена. Они полагали, что, воздействуя на имя, можно решить судьбу человека.

Поэтому и история человечества в определенном смысле является историей освобождения от тирании имени. Эта борьба отражена и в тех эволюционных процес-

сах, о которых шла речь. Человек, сам не сознавая того, учился управлять именем, сокращая его и перенося на другие объекты или используя для своего возвеличивания и унижения других. Имя постепенно утрачивало свою «материальную» связь с телом и становилось знаком личности. Поэтому неучи и шарлатаны, сочиняющие басни о воздействии имени на человека и его судьбу, по существу только возрождают первобытную тиранию имени, а соответственно, и невежество в его самой дикой форме.

* * *

Александр Константинович Матвеев – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ СИМПОЗИУМЫ

XXIII Международный конгресс по ономастическим наукам

С 17 по 22 августа 2008 г. при Йоркском университете в Торонто (Канада) проходил XXIII Международный ономастический конгресс. Йоркский университет с его более чем 50 000 студентов и 7 000 преподавателей и обслуживающим персоналом, является по приведенным показателям третьим в Канаде.

18 августа, после торжественного открытия конгресса, приступила к работе Секция А с ее шестью подсекциями: Имена бизнеса; Еврейские имена; Имена коренных народов; Личные имена; Топонимы, Канада; Иные имена. В этот же день прошло заседание Терминологической комиссии. Остановимся на отдельных докладах в этой секции.

Прежде всего следует упомянуть выступление *Ш. Тандербёрд* (Канада) «Мудрость веков: От Домов к Монстрам. Практика имянаречения у аборигенов побережья Тсимшиан». До контактов с европейцами у коренных народов Канады не было письменности, они руководствовались той «правдой», которую их предки передавали устно, исходя из тысячелетних наблюдений, знаний, мудрости и опыта. Культурные традиции коренного народа побережья Тсимшиан пронизаны глубоким уважительным отношением к природе, что нашло отражение во всей номенклатуре собственных имен. Например, обдуманное имянаречение способствует ускоренному продвижению человека к его наивысшему предназначению. Как результат, при рождении погодные условия, время года, роль семьи в жизни племени становятся основой выбора имени, а потому во всей Канаде коренные народы являются носителями традиционных индейских имен. Сам топоним *Канада*, по мнению докладчика, умогавков обозначает сообщество. Несколько слов о самой Ш. Тандербёрд. Будучи представителем индейского народа, живущего в Северной Британской Колумбии, она является создателем компании, которая с 1991 г. занимается сохранением истории и культуры коренных народов Канады. Ш. Тандербёрд – певица, рассказчица народных легенд, сочинительница песен. Она освятила конгресс на церемонии его открытия, а также вместе со своими родственниками принимала участие в банкете, знакомя участников конгресса с музыкой и пением индейцев.

Интересной является тема доклада *Ф. Мэтью* (Новая Зеландия) – «Меняющиеся формы имен спортсменов маори в Новой Зеландии, 1892–2007 гг.». С конца XIX в. 2 200 человек представляли Новую Зеландию в регби союзе, регби лиге и крикете, из них 310 были маори по происхождению.

Доклад *Х. Керфут* (Канада) был озаглавлен «Некоторые трудности признания имен: Совет по географическим именам провинции Онтарио, Канада, 2000–2007 гг.». Канада является одной из первых стран, в которой были созданы административные органы по топонимии, кроме того, страна принимала участие в работе ООН по стандартизации начиная с 1967 г. С тех пор ответственность за одобрение канадских географических имен возложена

на провинции. Например, Совет по географическим именам провинции Онтарио состоит из семи человек и включает представителя автохтонных народов, которых называют первыми нациями Онтарио (Ontario First Nations), а также представителей английского и французского сообществ. Совет рассмотрел свыше 380 имен, 300 из которых были одобрены.

П. Тан (Сингапур) в докладе «Имена зданий в Сингапуре: мультилингвизм иного вида» проанализировал имена, присваиваемые жилым зданиям. От названий улиц они отличаются тем, что не контролируются муниципальными советами и выражают отношение скорее финансовой, а не политической элиты. В контексте государственной идеологии мультилингвизма Сингапура, где четыре официальных языка: английский, малайский, китайский (мандарин) и тамильский, – а также мультирасовости, можно ожидать присутствия всех четырех языков в наименованиях зданий, однако здесь к ним добавляются французский и испанский.

Хотелось бы упомянуть еще один доклад в программе первого дня конгресса: «Реальная история проприального наименования в контексте появляющейся массовой продукции: британские железнодорожные локомотивы», представленный Р. Коатсом (Англия). Локомотивы издавна получали собственные имена, хотя, казалось, не существовало объективной причины в такого рода разграничении. В основе имен локомотивов оказываются атрибуты самих машин, реальные или мифологизированные, например *Пыхтящий Билли* или *Ракета*.

Тематика Секции Б на утреннем заседании 19 августа выглядела следующим образом: Имена в литературе; Еврейские имена; Имена коренных народов; Топонимы; Личные имена; Собственные имена в условиях социальных столкновений.

Внимания заслуживает тема, предложенная Я. Кларком (Австралия), – «Многоименность топонимии аборигенов в Западной Виктории, Австралия». Автор указывает на широко распространенные случаи наделения одного и того же объекта несколькими именами, самый простейший случай – это наличие двух имен у одного объекта. Такие дубликаты могут быть внутриязыковыми (*intralectal*) и межъязыковыми (*crosslectal*). Внутриязыковые представляют собой два имени для одного объекта в одном и том же языке, межъязыковые – в разных, при этом оба топонима могут обладать разной степенью мотивированности. В штате Виктория официально придерживаются политики двойного наименования, согласно которой признается неавтохтонное и автохтонное имя для одного объекта, однако еще предстоит принять многоименность географического имени аборигенов.

Интересным на этой секции был доклад Л. Балодэ (Латвия) «Ливский – язык коренного населения Латвии с ограниченной сферой речевого употребления и его топонимическое наследие». Финно-угорские народы, в частности прибалтийские финны, проживали совместно с носителями индоевропейских языков, особенно балтийских, на территории современной Латвии, начиная с первой половины II тыс. до н. э. Именно поэтому географические имена финно-угорского происхождения составляют значительную часть в системе латвийских топонимов. На территории Латвии существует 45 (105 с вариантами) названий озер, а еще больше – названий рек финно-угорского происхождения. Они локализованы в средней и западной частях республики, например: *Aga*, р.; *Agas valks*, рч; *Agas upe* < лив. *agùD* 'иголки', эст. *hagu* 'хворост'; *Emeru valks* < лив. *āmār* 'темный; сумерки', ср. фин. *hämärä* 'то же'; несколько речных имен *Jogla* и *Jugla* < лив. *jog, joig, jok* 'ручей, речка'.

Секция В начала работу перед полуднем приблизительно с такой же, как выше, тематикой. В докладе М. Гарвалика (Чехия) «Чешские топонимы иноязычного происхождения как свидетельство многокультурных контактов в Центральной Европе» говорилось о том, что территория современной Чешской республики всегда принадлежала к областям интенсивных контактов различных народов, что нашло отражение в чешских географических именах. Помимо старых топонимов, в основном гидронимов и оронимов, сохранившихся с досла-

вянской эпохи (*Morava, Odra, Labe, Jizera; Řip, Oškobrň*), есть более новые немецкие имена с разной степенью адаптации в чешском языке, которые отмечаются по всей территории республики; в Восточной Моравии встречаются румынские, реже итальянские и французские имена. В докладе отмечено, что топонимия Чехии обогатилась также за счет географических библейских имен (*Tábor, Oreb, Sión, Jordán*).

Секция Г, начавшая работу в этот же день после обеда, имела несколько видоизмененный формат, так как включала еще и подсекции, посвященные оронимии, именам в системе образования и библиографии ICOS'a.

20 августа все участники выехали на Ниагарский водопад.

21 августа утренние заседания состояли из двух секций (Д, Е), повторивших в общих чертах формат второго дня конгресса. Здесь следует отметить доклад *P. Koamca* (Англия) «Взгляд через грязное окно в неосвещенный дом: имена северо-западных европейских островов». Известно, что многие из островных имен архипелага, политически принадлежащего Ирландии и Соединенному Королевству, этимологически в высшей степени затемнены, например *Mull, Lewis, Bass Rock, Ynys Môn, Scilly, Rathlin, Oileán, Chléire, Aran* и *Arran*, – по мнению автора, пришло время их изучения лингвистами. Среди археологов и генетиков распространено мнение о повторном заселении этой территории с Пиренейского полуострова после последнего Ледникового периода, однако Р. Коатс придерживается несколько иной точки зрения, согласно которой афроазиатские языки, а также языки, предшествовавшие баскскому, оказали важное влияние на лексику, а также ономастику некоторых европейских языков.

Еще один доклад, заслуживающий внимания, – это «Изменения и следы айнских топонимов в контакте с японскими», прочитанный *А. Кагами* (Япония). По утверждению ученого, в Тохоку (северо-восточный округ Японии) отмечаются топонимы, структура которых напоминает географические имена Хокайдо, где и в настоящее время проживают айны.

Последний день работы конгресса (22 августа) состоял из двух секций (Ё, Ж), представления библиографии и заключительного заседания.

Хотелось бы также упомянуть авторов и темы выступлений, не вошедших в обзор, но, несомненно, заслуживающих внимания. Таковыми, на наш взгляд, являются доклады *М. Вальберг* (Швеция) «*Landskrona, Sibirien* и *Jeriko*. Заимствованные названия мест в Швеции, идущие через века», *Н. В. Васильевой* (Россия) «Собственные имена в ассоциативной сети русских слов», *Л. Вестни* (США) «Кулинарные топонимы: названия мест в рецептах Северной Америки», *Т. Гаск* (США) «Определенный артикль *the* в географических названиях США», *Л. Димитровой-Тодоровой* (Болгария) «Топонимы в ситуации болгарского билингвизма», *В. ван Лангендонк* (Бельгия) «Функции определенного артикля у собственных имен», *Ф. Мэтью, Р. Макки* и *Д. Макки* (Новая Зеландия) «Имена стран в языках жестов», *Н. Н. Парфёновой* и *В. В. Савиных* (Россия) «Оценка человека в русской апеллятивной антропонимии (на основе архивных источников Зауралья XVI–XIX столетий)», *Г. Смит* (США) «Этнические, классовые и трудовые характеристики личности в именах Шекспира», *К. Хаф* (Шотландия) «Найди леди: термин *леди* в английских и шотландских названиях мест».

Следует упомянуть и о составе заявленных участников: Австралия – 3, Австрия – 10, Англия – 2, Бельгия – 5, Болгария – 1, Венгрия – 7, Германия – 14, Израиль – 1, Испания – 6, Италия – 5, Канада – 17, Китай – 1, Латвия – 6, Литва – 1, Мексика – 1, Нигерия – 2, Нидерланды – 6, Новая Зеландия – 5, Норвегия – 4, Оман – 1, Польша – 3, Россия – 6, Румыния – 6, Северная Ирландия – 1, Сингапур – 1, США – 18, Украина – 6, Финляндия – 6, Франция – 5, Чехия – 4, Швейцария – 6, Швеция – 15, Шотландия – 3, Эстония – 6, Южная Африка – 4, Япония – 1. Естественно, что по разным причинам, в том числе материальным, не все, заявившие о своем участии, прибыли на конгресс.

Для участников конгресса была устроена выставка новейших публикаций по ономастике. Среди представленных книг их количеством в этот раз выделялась Польша.

К конгрессу в Торонто Италия сумела опубликовать все пять томов предыдущего XXII Ономастического конгресса в Пизе (2005). Книжное издание выполнено превосходно. Стоимость каждого тома приблизительно 50 евро. Организаторы XXIII Ономастического конгресса в Торонто обещают собрать материалы конгресса в виде CD и выслать их участникам через два года.

Следующий XXIV Ономастический конгресс состоится 4–10 сентября 2011 г. в Барселоне (Испания).

О. Т. Молчанова, д-р филол. наук,
проф. Щецинского ун-та (Польша)

О I Крымских Международных Михайловских чтениях «Собственное имя в русской и мировой литературе»

В рамках VI Международного симпозиума «Крым и мировая литература» 14–16 сентября 2007 года в г. Саки состоялась международная научная конференция «Собственное имя в русской и мировой литературе», посвященная проблемам литературной ономастики и приуроченная к 80-летию со дня рождения В. Н. Михайлова, автора первой в СССР кандидатской диссертации по литературной ономастике (1928–1993).

С вступительным словом об этом ученом, с именем которого справедливо связывают формирование литературной ономастики как лингвистической дисциплины, выступил *В. М. Калинин* (Донецк), рассказавший о личности В. Н. Михайлова, его биографии, научных интересах и достижениях. По его мнению, В. Н. Михайлов в своих трудах «с удивительной прозорливостью сумел высказать так много принципиальных и проницательных суждений, что его работы не только сохраняют непреходящую научную ценность, но и, что особенно важно, теоретическую актуальность». В заключение В. М. Калинин выразил надежду на то, «что Крымские Михайловские чтения вполне могут стать тем плацдармом, с которого начнется новый плодотворный этап проникновения в секреты Имени».

Продолжая тему, заданную В. М. Калинкиным, *М. В. Бувеская* (Донецк) в докладе «Роль В. Н. Михайлова в формировании поэтонимологической традиции» рассмотрела круг идей, сформулированных в работах В. Н. Михайлова и оказавшихся плодотворными для дальнейшего развития литературной ономастики.

В докладе *Н. В. Усовой* (Горловка) «В. Н. Михайлов о звучании собственных имен в художественных произведениях» речь шла о наблюдениях ученого над фонетическими качествами ономастических экспонентов, создающими на звуковом уровне экспрессию и формирующими у читателя общее оценочное представление о носителе имени. Автор доклада уверен, что, хотя «работы В. Н. Михайлова не содержат глубокого анализа фонетической стороны литературных онимов или теоретических обобщений на этот счет, значение их для изучения фонетического аспекта поэтонимов представляется чрезвычайно важным».

Е. С. Отин (Донецк) в докладе «Собственные имена литературного происхождения в коннотонимии русского языка» указал на значимость некоторых работ В. Н. Михайлова для изучения русских коннотонимов и процесса их генезиса. Обширный и разнообразный материал, приведенный в докладе, позволил автору проследить сложный процесс депозтонимизации

подобных имен и развития у них нескольких референтных значений, что влечет за собой трансформацию семантики литературных онимов и вследствие отрыва таких имен от своего текста-источника превращение их в коннотонимы – специфический слой лексики русского языка.

В докладе *Н. К. Фролова* (Тюмень) «О мотивации функций антропонимов в художественном тексте» сделана попытка рассмотреть функциональную парадигму литературного онима и выделить его важнейшие функции в языке и тексте, проиллюстрировав их примерами из русской классической литературы XIX и XX вв.

Н. В. Мудровой (Горловка) был прочитан доклад «Реализация смыслового потенциала имени персонажа в художественном тексте», посвященный анализу ономастических номинаций в произведении Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Исследовав цепочки кореферентных наименований персонажей, автор доклада сделала вывод, что «структурно-семантическая связь между частями художественного текста часто осуществляется посредством поэтонимов произведения, которые, реализуя замысел автора, служат средством номинации, характеристики и модальной оценки персонажей».

В докладе *В. И. Rogoziной* (Донецк) «Концепт “Европа” в ономастике поэзии В. Брюсова» были рассмотрены особенности семантического наполнения и специфика лингвистических средств реализации данного концепта, позволяющего выявить картину мира одного из виднейших поэтов-символистов.

А. А. Фомин (Екатеринбург) посвятил свой доклад «О смыслообразующем потенциале поэтонима *кысь*» исследованию лингвистических и семиотических механизмов формирования символического значения этого онима в одноименном романе Т. Толстой. По мнению автора доклада, основой его смыслообразующей активности являются фоносемантические качества экспонента и этимология окказионализма, определившие его ассоциативный фон и круг устойчивых мотивов, реализуемых данным поэтонимом в тексте. В результате размытия однозначной референтности имени оно превращается в символ с многообразной и нечеткой референцией, становясь ключевым словом и, как следствие, названием всего текста.

Три доклада были прочитаны на украинском языке. Доклад *Г. П. Лукаш* (Донецк) «Коннотонимы литературного происхождения» поддержал и дополнил тему изучения коннотонимии, поднятую Е. С. Отиным. В докладе *Т. Н. Винтонив* (Донецк) «Семантическая аура антропоэтонима *Мария* в поэме А. Пушкина “Полтава”» речь шла о различных семантических оттенках имени героини пушкинской поэмы. *О. И. Неймет* (Ужгород) выступила с докладом «Экспрессивный потенциал литературно-художественной антропонимии романа Ф. Мориака “Пустыня любви”», где была сделана попытка описать оценочно-характеризующий потенциал некоторых собственных имен в романе французского писателя и показать богатство ономастических приемов, организующих восприятие художественного образа.

К началу симпозиума был издан сборник материалов, куда вошли, помимо прочитанных на конференции докладов, также материалы исследователей, не имевших возможности лично присутствовать на заседаниях. В их число вошли следующие доклады: *В. Г. Бартенева* (Донецк) – «Поэтика онима *Стивен Дедал* в романе Дж. Джойса “Улисс”»; *В. Н. Галич* (Луганск) – «Топонимы в ономастическом мире публицистики Олеса Гончара»; *С. Е. Дворяничкова* (Донецк) – «Оксюморон как способ создания комического при взаимодействии сем поэтонима и контекста»; *В. Ю. Канна* (Мариуполь) – «Узуализация семантико-синтаксических позиций функционирования коннотативной топонимии как база и механизм образования топонимных перифраз»; *Г. Ф. Ковалёв* (Воронеж) – «Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях»; *Н. С. Колесник* (Черновцы) – «О статусе фольклорной ономастики»; *Э. А. Кравченко* (Донецк) – «Поэтика интертекстуальности онимов (В. Набоков “Приглашение на казнь”»); *Е. С. Литихина* (Тюмень) – «Функциональные

особенности антропонимов в детской литературе (на материале произведений Н. Н. Носова, С. Я. Маршака)»; *О. В. Оборнева* (Горловка) – «Лингвостилистическое исследование функционирования поэтонимов в пространстве чужой культуры»; *К. В. Першина* (Донецк) – «Онимы в произведениях И. Шмелёва: “Старый Валаам”»; *О. Д. Петренко* (Черновцы) – «Онимия произведения Роалда Дала “The Vicar of Nibbleswicke”»; *Л. И. Селиверстова* (Харьков) – «Концепты-поэтонимы украинской диаспоры»; *В. В. Фёдоров* (Донецк) – «Поэтическая функция собственного имени у Гоголя».

На последнем заседании были подведены итоги конференции, состоялся обмен мнениями о путях развития литературной ономастики и были намечены перспективы организации последующих ономастических конференций.

А. А. Фомин, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

О работе ономастической секции Всероссийской научно-практической конференции «Слово и текст в культурном сознании эпохи»

Вузы городов Русского Севера традиционно очень внимательны к вопросам ономастики, поэтому неудивительно, что ономастическая секция проводившейся в северной Вологде 13–15 октября 2008 г. конференции оказалась продуктивным разговором о судьбах русского ономастикона.

Внимание к двум наиболее «популярным» классам собственных имен – топонимии и антропонимии – закономерно отразили два секционных заседания. На первом из них, «топонимическом», в центре внимания оказались вопросы исторического развития топонимии Русского Севера. *Е. Н. Варникова* (Вологда) поделилась наблюдениями об отражении боярско-княжеской колонизации Вологодского края в местной ойконимии. *Е. В. Цветкова* (Кострома) посвятила свой доклад костромским дромонимам (названиям дорог). *Е. Н. Иванова* (Вологда) охарактеризовала типы посессиивных топонимов в деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в. Ряд топонимических этимологий для севернорусских топонимов предложил *А. Л. Шилов* (Москва). С любопытством ожидали участники конференции доклада *Р. М. Козловой* (Гомель, Белоруссия), обещавшей установить этимологическое родство белорусского *Пина* и севернорусских *Пинозеро*, *Пинега*. Топонимисты готовились к бурной дискуссии, однако она не состоялась – докладчица не приехала.

Своеобразной альтернативой докладам, основанным на историко-этимологическом рассмотрении топонимов, стал доклад *Т. В. Шмелевой* (Новгород) «Диминутивы в городском ономастиконе и медийных текстах», представившей аудитории парадоксы современной эрготопонимии.

Давно сложившаяся Вологодская ономастическая школа под руководством профессора Ю. И. Чайкиной всегда уделяла особое внимание проблемам исторического развития севернорусской антропонимии. Именно истории личных имен были посвящены доклады хозяев

конференции *Ю. И. Чайкиной* («Именования жителей Великого Устюга в деловых документах разных типов второй половины XVII в.»), *С. Н. Смольникова* («Проблемы функциональной типологии личных имен в исторической ономастике»). Антропонимия как памятник традиционной культуры стала объектом изучения вологодских ученых *Н. С. Дьяковой* («Культурологические аспекты изучения исторической антропонимики»), *Н. В. Комлевой* («Региональная антропонимия в этнолингвистическом аспекте»), а также московской исследовательницы *И. В. Бугаевой* («Агионимы в системе русского ономастикона»). Внимание *В. В. Кибиревой* из Архангельска привлекли проблемы севернорусского храмового ономастикона, *Н. С. Колесник* из Черновцов – жанровое своеобразие фольклоронимов.

Подводя итог выступлениям, участники конференции отметили повышение интереса к этнолингвистическому аспекту изучения собственных имен и усиление тенденции к взаимопроникновению традиционного и нового в формировании ономастических классов.

М. Э. Рут, д-р филол. наук,
проф. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Ономастическая проблематика на XII Международном симпозиуме «Дialeкты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками»

21–22 октября 2008 г. в Удмуртском государственном университете состоялся XII Международный симпозиум «Дialeкты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященный 80-летию доктора филологических наук, профессора УдГУ, Заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики и Российской Федерации *Ивана Васильевича Тараканова*. Симпозиум, организатором которого на этот раз была кафедра удмуртского языка и методики его преподавания, продолжает традицию проведения конференций по пермистике, начало которым было положено в 1986 г. в Ижевске.

Особенностью последнего симпозиума стало то, что в его рамках работала отдельная секция ономастики, на заседаниях которой было прослушано семь докладов. Кроме того, два доклада, также связанные с ономастикой, были прочитаны на других секциях.

Проблематика докладов была связана с изучением топонимии Удмуртии, Чувашии, Республики Коми, Ханты-Мансийского автономного округа. Более широкий круг онимов рассматривался в докладе *М. Г. Атаманова* (Ижевск) «Ономастикон в эпосе “Тангыра”». Доклад был посвящен собственным именам в удмуртском эпосе, собранном и изложенном в поэтической форме самим автором (*Эграпи Гавир Микаль*. Тангыра. Ижевск, 2008). Свое сообщение *М. Г. Атаманов* охарактеризовал как прелюдию к анализу жизни удмуртского общества – во всей его многогранности – через ономастику, отраженную в эпосе, поражающем своей масштабностью, где представлены сотни антропонимов (личные имена вождей, удмуртских богатырей, имена представителей других народов), многочисленные этнонимы, воршудные имена, топонимы территории проживания удмуртов и огромного пространства за ее пределами.

А. Г. Мусанов (Сыктывкар) в докладе «Субстратная топонимия юго-восточной части Республики Коми: к проблеме языковой идентификации» привел ряд примеров, свидетельствующих об отражении прибалтийско-финского влияния в топонимии региона. Были проанализированы основы топонимов субстратного происхождения, убедительно интерпретируемые на прибалтийско-финской почве: *Габоты* ~ фин. *haara* 'осина' (+ коми *ты* 'озеро'), *Калячой* ~ фин. *kallio* 'скала', 'гора' (+ коми *чой* 'гора'), и др.

В докладе Л. Е. Кирилловой (Ижевск) «Есть ли эпексегезис в удмуртской топонимии?» было показано, что данное явление (объяснительное расширение, в топонимии – использование детерминанта, дублирующего семантику деэтимологизированной основы топонима), широко известное в прибалтийско-финских языках, имеет место и в удмуртской топонимии, но представлено в значительно меньшей степени.

П. В. Корольский (Ижевск) выступил с докладом «Старообрядческие “воршуды” в русской топонимии Верхнекамья», в котором в действительности были рассмотрены русские названия старообрядческих деревень северной части Удмуртии, образованные семантическим способом от патронимов (*Доронята*, *Степанёнки* и т. п.).

В докладе А. А. Сосаевой (Чебоксары) «Функционирование финно-угорского компонента в топонимии Чувашии» анализировался пласт субстратных топонимов региона, имеющих марийское происхождение. В составе рассматриваемых топонимов были выявлены финно-угорские форманты и основы, объясняющиеся из марийского языка, в том числе форманты *-нер*, *-нар*, сопоставляемые с мар. *энгер* 'речка' (в отгидронимических ойконимах *Писенер*, *Шенер*, *Йаранар*, *Кяканар* и др.), основа *шем-*, соотносимая с мар. *шим*, *сим* 'черный' (в топонимах *Шемиеши*, *Шемиевеш*), и др.

В докладе М. А. Самаровой (Ижевск) «Гидроформанты в топонимии Удмуртии» рассматривались имеющие различное толкование форманты «гласный + м» (*-ым*, *-ам*, *-ум*, *-им*) в составе гидронимов субстратного происхождения на территории региона, а также не объясняемый из современного удмуртского языка древний формант *-чи*, *-жи*, который, по мнению автора, может восходить к финно-угорскому субстратному слову в значении 'водный источник'. Особое внимание в связи с этим было уделено этимологии гидронима *Чупчи*.

Большой интерес вызвал еще один доклад Л. Е. Кирилловой (Ижевск), основанный на материале относительно недалекого прошлого – на топонимах Удмуртии, отражающих события Крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева (в 2008 г. отмечалось 235-летие начала этого исторического события). Автору пока удалось обнаружить 13 таких топонимов и с помощью картографирования показать, как эти топонимы отражают направления пути движения войска Пугачева и его соратников. Как отметила Л. Е. Кириллова, выявление новых топонимов, а также установление их подлинности или мнимости требует дополнительных исследований.

В докладе Т. Н. Дмитриевой (Екатеринбург) «Об отражении коми-хантыйского взаимодействия в лексике и ономастике народа ханты» были охарактеризованы этапы миграции коми в Западную Сибирь и коми-хантыйского взаимодействия, имеющие разные результаты отражения в топонимии; рассмотрен ряд компонентов коми происхождения в хантыйской топонимии Казыма на примере географической терминологии, а также нарицательной и ономастической лексики, связанной с традиционным мировоззрением ханты. Автор обращает внимание на необходимость продолжения исследования этнических и языковых контактов коми и обских угров с привлечением лексического, топонимического и антропонимического материала.

Доклад Г. С. Васильевой (Чебоксары) «К изучению чувашской топонимии через Интернет (из собственного опыта)» продемонстрировал возможность использования компьютера как еще одного средства и источника сведений для изучения топонимии.

В ходе обсуждения докладов симпозиума было высказано мнение о необходимости координировать информацию относительно выходящей в свет литературы по проблемам финно-угроведения, в том числе и финно-угорской ономастики. С этой целью всем финно-угроведам предложено посылать данные о новых публикациях, вышедших в их научных центрах, на уже созданный в Удмуртском университете сайт <http://www.finno-ugry.ru>.

Следующий симпозиум по пермистике решено провести в 2010 г. в Сыктывкаре на базе ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН.

Т. Н. Дмитриева, д-р филол. наук,
проф. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

VIII Международная научная конференция «Славянские апеллятивно-ономастические омонимы в диахронии и синхронии»

22–23 ноября 2007 г., после долгого перерыва, в Люблине состоялась восьмая по счету научная конференция «Słowiańskie homonimy apelatywno-onomastyczne w diachronii i synchronii», инициатором которой выступил профессор, доктор наук Стефан Вархол (Stefan Warchol). Конференция была организована кафедрой славянского языкознания при участии кафедры украинской филологии Университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине (УМКС). Заявки на участие в конференции подали 28 ученых из Польши и зарубежья (Чехия, Литва, Латвия, Германия, Россия, Украина), однако за несколько дней перед ее началом несколько человек в силу объективных причин отменили свой приезд.

Конференция вызвала большой интерес, о чем свидетельствуют как доклады, сделанные на высоком уровне, так и активная дискуссия (более 60 выступлений). Наряду с докладчиками в конференции принял участие довольно широкий круг ученых, а также, что очень радует, студенты-слависты. Тематика конференции в равной степени касалась как вопросов теории языка, так и анализа языкового материала. Главная цель конференции заключалась в анализе имеющихся на настоящий момент работ по апеллятивной и ономастической омонимии, а также в рассмотрении нового материала и его интерпретации на основе исторических и современных языковых данных. В ходе конференции практически все выступающие отмечали отсутствие однозначного понимания связанной с омонимией проблематики. Эти замечания касались также соответствующей терминологии.

После торжественного открытия, которое провели декан гуманитарного факультета УМКС, проф. Генрик Гмитерек (Henryk Gmiterek), проф. Стефан Вархол, а также директор Института славянской филологии УМКС, доктор наук, проф. Феликс Чижевский (Feliks Czyżewski), начались пленарные заседания.

Первой выступила проф. *Александра Чесликова* (Aleksandra Cieślíkowa) с докладом «Омонимия в свете онимизации и апеллятивизации», затем слово взяла проф. *Наталья Аналиева* с докладом «Соотношение “омонимия – апеллятивизация” на примере отонимических апеллятивов в польском и русском языках». В обоих докладах, основанных на богатом апеллятивном и ономастическом материале, поднимались вопросы, которые до настоящего

времени или не поднимались вообще, или же рассматривались в минимальной степени. Авторами были подробно проанализированы различные способы образования омонимов. А. Чесликова отметила также проблематичность определения омонимичных структур как в диахронном, так и в синхронном аспекте.

Проф. *Мария Бёлик* (Maria Biolik) в докладе «Ономастические омонимы. Различные способы интерпретации» с опорой на семантические критерии выделила некоторые типы ономастических омонимов. В своих рассуждениях она прежде всего обратила внимание на компоненты значения представленных примеров в связи с происхождением последних. Автор подчеркнула, что обозначенные группы омонимов демонстрируют многообразие способов интерпретации проблемы омонимии в ономастике.

В следующем выступлении «Понятие омонимии в теоретико-терминологическом контексте лингвистики» проф. *Роберт Мрузек* (Robert Mrózek) представил обзор проблем, связанных с изучением как апеллятивной, так и ономастической омонимии. Автор, как и многие выступавшие в ходе дискуссии, отметил, что попытки определения сути этого явления, а также сфера функционирования омонимов порождают многочисленные сомнения, и это означает, что дискуссия по этой проблеме по-прежнему открыта, «теоретические основы омонимии не были даже намечены в ономастике». Докладчик обратил внимание на то, что в будущих исследованиях, особенно ономастических, необходимо придерживаться одной терминологии и следить за ее использованием относительно отдельных ономастических категорий.

Среди выступлений теоретического характера интересным представляется доклад проф. *Эвы Волнич-Павловской* (Ewa Wolnicz-Pawłowska) «Омонимия и полимотивированность имен собственных на языковых пограничьях». Опираясь на богатый иллюстративный материал, автор показала связи, существующие между омонимией и полимотивированностью омонимов на языковых пограничьях.

С большим интересом были выслушаны доклады гостей с Украины. Проф. *Дмитро Бучко* в докладе «Апеллятивно-ономастическая омонимия – признак архаичности или новизны ойконимии?» подверг подробному анализу ойконимы юго-западной Украины. В этой части Украины географические названия имеют большей частью апеллятивное происхождение. Эти ономастические структуры являются относительно новыми. Ойконимы могли также возникнуть в ходе трансонимизации. Д-р *Анна Бучко* в докладе «Омонимия в прозвищах Карпатского региона» указала, что лексической базой омонимичных украинских фамилий являются главным образом антропонимы, а также апеллятивные обозначения человека. Все антропонимы, образовавшиеся путем семантической деривации, можно, по мнению автора, считать омонимами. Проф. *Григорий Аркушин*, выступивший с докладом «Названия отдельных частей села на юго-западной Украины», провел словообразовательно-семантический анализ микропонимов двух видов: форм, образованных непосредственно от апеллятивов в результате семантической деривации, а также группы микропонимов, образованных от других микропонимов.

Проблему омонимии апеллятивов и микропонимов затронул д-р *Марек Олейник* (Marek Olejnik) в докладе «Апеллятивно-микропонимические омонимы на территории Влодавского повята». С опорой на богатый полевой материал автор установил, что наиболее часто встречающимися типами омонимов являются апеллятивно-анойконимические образования. Большая часть таких названий появилась после второй мировой войны. Реже встречаются микропонимы, образованные в результате трансонимизации. Особенно частотны омонимы, возникшие на базе диалектного и разговорного пластов апеллятивной лексики.

Проф. *Стефан Вархол* представил доклад «Современные славянские апеллятивно-зоонимические омонимы (избранная проблематика)». Это было единственное выступле-

ние, в котором рассматривались специфические способы формирования зоонимической омонимии в славянских языках. Объектом анализа были избраны клички волов в польском, украинском и болгарском языках. В докладе были проанализированы не только апеллятивно-зоонимические омонимы, но и сформированные в результате трансоимизации антропонимов, внимание уделялось как внутриязыковым, так и межъязыковым омонимическим образованиям. Автор приходит к выводу, что процессы омонимизации в рассмотренных языках сходны.

Проф. *Эва Шуловская* (Ewa Szulowska) в докладе «Омонимия имен собственных в судебных книгах XV–XVI вв.» показала различные способы образования имен собственных в памятниках письменности.

Несколько докладов касалось омонимии среди антропонимов. Д-р *Хальшка Гурны* (Halszka Górny) выступила с докладом «Апеллятивы со стертой семантикой в польских фамилиях». В докладе были подробно рассмотрены примеры слов со стершимся значением, извлеченные из антропонимов. Д-р *Петр Злотковский* (Piotr Złotkowski) в докладе «Апеллятивно-ономастические омонимы в именах шляхты Бельской земли на Подлясье в XVI–XVII вв.» на архивном материале описал способ образования этого типа омонимов на территории указанной части Подлясья. Д-р *Марцин Койдер* (Marcin Kojder) в докладе «Апеллятивно-антропонимические омонимы в городских книгах Хрубешова XVII–XVIII вв.» главным образом рассматривал происхождение антропонимических омонимов на польско-украинском языковом пограничье.

С интересом были встречены доклады гостей из Сербии. Проф. *Видан Николич* (Vidan Nikolić) представил доклад «Апеллятивная и топонимическая омонимия в сербском языке». Автор отметил большие возможности формирования омонимичных структур на базе апеллятивов и трудности, связанные с однозначным определением омонимов. В свою очередь проф. *Милослав Чаркич* (Miloslav Čarkić) сделал интересный доклад «Апеллятивная и антропонимическая омонимия в сербском языке», подчеркнув роль апеллятивов в формировании омонимичных антропонимов в сербском языке. Автор уделит внимание как диахронному, так и синхронному аспекту этого явления.

Проблема апеллятивизации была в центре внимания д-ра *Малгожаты Новак* (Małgorzata Nowak) и д-ра *Наталии Сосновской*. В докладе «О проблемах, связанных с апеллятивизацией (на материале современных словарей польского языка)» они привели весьма показательные примеры перехода исторических и современных антропонимов в апеллятивные структуры омонимического характера типа *Judasz > judasz* ‘иуда, лицемер, предатель’, *Herkules > herkules* ‘геркулес, силач’.

В первый день конференции под руководством А. Чесlikовой состоялось рабочее заседание Ономастической комиссии, на котором обсуждались текущие проблемы ономастических исследований в Польше.

Участие в конференции ученых из разных ономастических центров Польши и других стран позволило познакомиться с проводимыми в этих регионах исследованиями и установить более тесные контакты между институтами и отдельными учеными.

М. Олейник,
отделение украинской филологии
Университета им. М. Кюри-Склодовской
в Люблине (Польша);
пер. с польск. *Е. В. Шабалиной*

Краткая информация

В 2008 г. состоялись также следующие научные форумы – полностью или частично посвященные вопросам ономастики:

- **Международная конференция (V чтения памяти О. Н. Трубачева) «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» (Украина, Алушка, 24–25 сентября 2008 г.).** Организаторы: Комиссия по творческому наследию академика О. Н. Трубачева при Отделении истории и филологии РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН, ИНИОН РАН, Институт украинского языка НАНУ, Институт языкознания им. А. А. Потебни НАНУ и др. В рамках чтений – обсуждение широкого круга проблем, в том числе древнейшей ономастики и этимологии языковых реликтов Северного Причерноморья.

- **III Святогорские ономастические чтения (Украина, Святогорск, 16–19 октября 2008 г.).** Организаторы: Донецкий национальный университет, Лаборатория общего и прикладного языкознания Донецкого национального медицинского университета, Международный ономастический семинар. Материалы чтений публикуются в журнале «Λογος ονομαστικη». Адрес оргкомитета: ул. Калужская, 6а, к. 213, 83003, Донецк; тел. (062) 297 86 03, 304 31 88; e-mail: laboratory.medical_lexicography@dsmu.edu.ua, kalinkin.valeriy@dsmu.edu.ua.

РЕЦЕНЗИИ

Лабунец Наталья Вадимовна. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта / Ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеев. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2007. – 180 с. – ISBN 978-5-88081-684-2.

Одна из актуальных проблем, решаемых современной наукой, связана с выявлением механизма формирования, принципов организации словарного состава русского языка и восстановлением на этой основе в полном объеме словарного состава русского языка на всем протяжении его развития. Эта проблематика приобретает особую актуальность при изучении русских говоров, функционирующих в иноязычной среде в условиях межэтнических языковых контактов. В современной науке все более четко осознается значение и роль этноязыковых связей, языковых контактов, протекающих на уровне живой разговорной речи, в формировании структуры и состава лексики отдельных диалектов. В настоящей работе проблема русских говоров в иноязычном окружении исследуется на материале одной тематической группы – народной географической терминологии одного большого сибирского региона – Тюменской области, на территории которой в XVI–XVII вв. русские говоры переселенцев пришли в соприкосновение с местными обско-угорскими и тюркскими диалектами. В центре внимания автора проблема формирования системы народных географических терминов старожильческих говоров в условиях многообразных этноязыковых контактов, динамика этноязыковых процессов с начала освоения Сибири, изменения в характере взаимодействия русских говоров и коренных диалектов Сибири.

Впервые столь последовательно и всесторонне исследуется механизм формирования географической терминологии большого сибирского региона. При выборе объекта исследования учитывалась специфика данного фрагмента словаря. Народная географическая терминология является той частью словаря, в которой наиболее полно проявляются особенности языковой ситуации, эта лексика несет информацию об этнической, коммуникативной, языковой структуре ситуации взаимодействия в синхронии и диахронии. В связи с этим особое значение приобретает проблема выявления в изучаемом регионе всего многообразия этноязыковых ситуаций, определивших взаимодействие диалектов в разных этносоциальных условиях, процессы заимствования, интерференции, этноязыковой ассимиляции и т. п. Географическая терминология напрямую связана с топонимией, которая является важным и надежным источником информации о процессах, протекавших в том или ином языковом континууме.

Исследование Н. В. Лабунец идет в русле идей Уральской ономастической школы, возглавляемой чл.-корр. РАН А. К. Матвеевым. Труды А. К. Матвеева, его учеников и последователей обогатили науку новыми идеями, открыли новые аспекты в исследовании ономастики и тем самым существенно продвинули, вывели на качественно новый уровень эту область

науки. Разработанные А. К. Матвеевым методы топонимических исследований, специальные приемы выявления и этимологического анализа субстратной лексики прочно вошли в методологию науки и определили подходы к изучению этноязыкового взаимодействия. Одно из важных направлений, активно разрабатываемых уральскими учеными, ориентировано на исследование топонимов в условиях взаимодействия русского языка с языками и диалектами финно-угорской, тюркской групп, на выявление слоя субстратной топонимии Русского Севера. Высокая информативность исследуемого материала имеет особое значение при решении собственно лингвистических вопросов и вопросов историко-лингвистического, лингвоэтнического характера.

Выделение тюменского региона в качестве самостоятельной территории исследования важно во многих отношениях. В условиях длительных межэтнических контактов в формирующейся на этой территории географической терминологии закрепились практика освоения русскими переселенцами нового пространства. Этот регион, сильно удаленный на восток от метрополии, априорно относится к зонам консервации архаичных явлений, и данное обстоятельство существенно в плане изучения словарного состава русского языка. В исследовании Н. В. Лабунец на основе всестороннего анализа народной географической терминологии впервые воссоздана картина бытования географических терминов большого сибирского региона в синхронном плане и в плане исторического взаимодействия с коренными языками Сибири.

Исследование построено на материале народных географических терминов, функционирующих в русских старожильческих говорах, а также терминов, отмеченных в русской речи западносибирских татар и обских угров. Основную часть исследуемого материала составляют собственные полевые записи автора, результаты изучения речи сибирских крестьян-старожилов, проживающих в 200 сельских населенных пунктах 22 районов Тюменской области, а также русской речи сибирских (тобольско-иртышских) татар, проживающих в 18 деревнях Тюменской области. Исследуемый материал стал результатом 25-летних полевых экспедиций автора. В числе источников – лексическая картотека Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания), начало которой положено в 1960 г., а также картотеки Тюменского университета (кафедра общего языкознания), формирование которых относится к середине 1950-х гг. Объем полевого материала составляет более 40 000 единиц хранения. В работе использованы данные региональной письменности, архивные материалы XVII–XIX вв., хранящиеся в 9 исторических фондах (Российский государственный архив древних актов, Государственный архив Тюменской области, Государственный архив Омской области и др.), историко-лексикографические и топографические источники, работы краеведческого характера (труды С. У. Ремезова, Г. Ф. Миллера, М. А. Кастрена и др.). В работе проанализировано около 1 200 географических названий, многие из них впервые вводятся в научный оборот.

Работа Н. В. Лабунец представляет собой многоплановое исследование, в котором на большом фактическом материале ставятся и решаются проблемы, актуальные для современной науки. Внимание автора направлено на изучение изменений в характере этноязыковых отношений, вызванных культурно-историческими и социальными причинами, на выявление динамики языковых процессов, приводящих к интерференции, смешению диалектов или смене языкового кода. Подчеркивается, что «по своей сути контактология является лингвистической дисциплиной исторического характера». Интерес к диахронии определяет и методику исследования. В основу исследования положена традиционная методика, основанная на сочетании приемов научного описания, идеографической классификации, этимологического анализа, лингвогеографического описания и т. п.

В вводной части определяются задачи, цели, на решение которых ориентирована работа, получает обоснование методика исследования, характеризуются источники материала, подробно освещаются условия, позволяющие отнести географические названия к исходному лексическому фонду старожильческих говоров. В числе важных проблем, освещаемых в исследовании, – проблема соотношения топонима и апеллятива, проблема реконструкции словарного состава говора по совокупности всех доступных источников, современных и исторических.

В исследованиях по ономастике наряду с решением теоретических проблем остается весьма актуальным выявление материала, позволяющего восстановить по данным топонимии ту часть словаря, которая утрачена или слабо сохранилась в языке. При отсутствии четких границ, отделяющих и противопоставляющих имя собственное и название географического объекта, топонимия дает материал для поиска новых фактов, для реконструкции географических терминов, утраченных, сохранившихся лишь в топонимическом употреблении. Особая роль отводится разработанному в уральских экспедициях методу направленного поиска лексем, методу, позволяющему «оживить» память информанта, воссоздать условия функционирования географического термина.

Другое, не менее важное направление исследования связано с использованием исторических материалов в качестве источника географических терминов. На основе сравнительного анализа старых письменных источников и материалов, предоставляемых современными говорами, в географической номенклатуре Тюменского края прослеживаются различия формального и семантического характера у терминов, имеющих раннюю письменную фиксацию. Однако используемые в этой части работы формулировки не всегда точны и потому дают основание для не совсем верных толкований. При характеристике географических названий, общих для современных говоров и текстов XVII – начала XX в., автор выделяет группу названий, у которых при общности значения наблюдаются расхождения формального порядка. Из материала, иллюстрирующего это положение (совр. *искорь*, *искорёнок* ‘яма, образовавшаяся на месте вывороченного с корнем дерева’ ~ истор. *высперь*, *выскур*, *дыскур* ‘углубление или яма, образовавшаяся на месте сваленного с корнем дерева’), трудно понять, идет ли речь о разных словах или об этимологически тождественных образованиях, расхождения между которыми обусловлены поздними фонетическими процессами. На наш взгляд, приведенный материал требует более подробного анализа, поскольку в одной плоскости оказались явления того и другого порядка. В случае *искорь*, *высперь* можно говорить о разных словах с разными этимологическими истоками: *искорь*, *искорёнок*, а также *выскур*, вероятно, с вторичным преобразованием вокализма, связаны с *корень*, а *высперь* соотносится с глаголом *переть*, т. е. то, что выпирает, торчит из земли. Особняком стоящее название *дыскур* напрямую не связано ни с *искорь*, ни с *высперь*. Вполне возможно, что это результат контаминации названия с корнем *кор-* и местного нерусского названия, форма которого остается неясной.

В первой главе, предваряющей практическую часть исследования, освещаются теоретические вопросы историко-контактологического изучения географической терминологии. Обозревая литературу на эту тему, автор характеризует понятия и категории, концептуально значимые для исследования, особо останавливается на понятии языкового контакта, на характеристике факторов, определяющих тип, структуру этноязыкового взаимодействия (способ установления контакта, длительность и устойчивость контакта, генетическая и структурная близость, характер протекания языкового взаимодействия, степень его интенсивности и т. п.), подчеркивается влияние языковых, этнокультурных, социальных и других факторов на формирование языковой ситуации. Лексическое взаимодействие определяется в терминах «заимствование», «интерференция» (изменения во вторичном языке билингва под влиянием

первичного), «интеркаляция» (изменения в первичном языке билингва под влиянием вторичного). Признавая ключевым для исследования понятие «языковая ситуация», автор вслед за другими исследователями рассматривает языковую ситуацию как двухуровневую организацию, включающую уровень коммуникации (речевого поведения) и уровень языка. Исследование строится на разграничении двух типов языковой ситуации: экzogлоссной, в которой участвуют два языка или более, и эндоглоссной, в которой функционируют подсистемы одного языка. Соответственно в составе географических терминов выделены пласты экzogлоссной и эндоглоссной лексики. В русский сегмент языковой ситуации включается русская речь русских и русская речь нерусских. Подчеркивается, что при изучении ситуации языкового контакта необходимо учитывать различные подходы – интралингвальный, предполагающий исследование генетических стратов русского языка, и интерлингвальный, ориентированный на выявление механизма межъязыковых взаимодействий в гетерогенном социуме. Завершается первый раздел графическим представлением основных типов языкового взаимодействия на территории Тюменской области.

В двух последующих главах («Русская географическая терминология в эндоглоссии» и «Русская географическая терминология в экzogлоссии») исследуются две группы географических терминов – термины исконного происхождения и иноязычная лексика, в составе которой древние заимствования и слова, проникшие в словарь старожильческих говоров из местных языков Сибири. В этих главах, однотипно построенных, народная географическая терминология, бытующая на территории вторичного заселения, исследуется в самых разных аспектах. Разрабатываются параметры, позволяющие провести разграничение терминов исконного происхождения и заимствований, выявить условия, при которых тот или иной термин может быть отнесен к исконной части словаря, определить степень дифференциации лексики, идеографические особенности терминологии, соотносимой с объектами окружающей природы, охарактеризовать словообразовательную и семантическую структуру терминов, этимологические истоки терминов и т. д. Одна из важнейших задач, решаемых в этих главах, связана с установлением диалектной основы народной географической терминологии Тюменского края.

По данным исторических источников и современных диалектов проводится хронологическая стратификация материала. В составе исконной географической терминологии, функционирующей в тюменских говорах, выделяются термины, восходящие, по выражению автора, к «славяно-русскому» – основному, «корневому» – словарному фонду, а также заимствования, унаследованные от предшествующих эпох, и новые заимствования, определяемые как «квазизаимствования», пришедшие из литературного языка в ситуации диглоссии. Используемые автором применительно к первой группе определения «славяно-русский», «корневой» представляются несколько устаревшими и потому не вполне точно передающими процессы, о которых идет речь в работе. Думается, что в данном случае уместен другой, широко используемый в современной науке термин «праславянский». Этот термин распространяется на ту часть словаря, которая унаследована из древнейшей эпохи, называемой праславянской. Словарный состав праславянского языка включает исконные образования и адаптированные к законам праславянского языка заимствования разного времени – заимствования, унаследованные из эпохи индоевропейского праязыка, заимствования из языков эпохи самостоятельного развития праславянского языка (германизмы, иранизмы и т. д.). Кроме того, надо иметь в виду, что к исконной части словаря относятся и лексемы, сложившиеся на восточнославянской почве, и собственно русские образования. Как справедливо замечает автор, выявление древнейшего слоя заимствований сопряжено с большими трудностями. В работе определяются условия, при которых интерпретация лексики, функционирующей в условиях этноязыковых отношений, в наибольшей степени соответствует реальным процес-

сам: взвешенный, трезвый подход к оценке языковых фактов, исключая субъективизм и тенденциозность, особое внимание к собственным, внутренним ресурсам языка, учет вариативных написаний географических названий в разных источниках (ср. гидронимы *Локоть*, *Локти*, *Локт*), соблюдение законов адаптации для заимствованной лексики и т. п.

Результаты всестороннего анализа лексического материала получают статистическую обработку: исконно русский пласт географических названий включает около 800 единиц (из 1 200), т. е. 75 % общего состава; 96 % названий относится к так называемым славяно-русизмам и древнейшим заимствованиям; на долю новых заимствований приходится всего 4 % общего фонда географических названий, число древнейших заимствований незначительно – всего 3 %.

В работе проблема лексического взаимодействия предстает во всей сложности. Особым вниманием автора пользуются случаи, когда в процессе языковых контактов, принимающих различные формы, заимствованное слово формально сближается с исконной лексикой, и в результате стираются границы между словами исконными и заимствованными, возникают, по выражению А. Е. Аникина, «спорные зоны». В ситуации, когда трудно определить направление заимствования, сложно установить, какой язык является донором, какой реципиентом, этимологический критерий оказывается основным. Однако существует немало случаев, когда нет условий, позволяющих верифицировать результаты этимологического анализа. Чем глубже во времени, тем более зыбки, условны границы между словами родственными и заимствованными. Этноязыковые процессы, процессы взаимодействия языков сильно затменены в диахронии. В подтверждение своей мысли автор ссылается на балто-славянские языковые отношения. Приводится высказывание С. Б. Бернштейна о том, что многие общие элементы в славянских и балтийских языках не могут быть отнесены к общему индоевропейскому наследию, они «были заимствованы в период общности и позже славянами у балтов и балтами у славян».

Интерпретация языковых фактов, особенно применительно к древней эпохе, нередко упирается в понимание исходной лингвоэтнической ситуации, а именно: обязаны ли эти факты воздействию субстрата, являются ли они результатом культурно-языкового обмена, или сложились в условиях диалектной общности, совместной жизни на общей территории в условиях взаимопроникновения диалектов разных языковых групп? Если обратиться к упоминаемому в работе балто-славянским языковым отношениям, то в зависимости от понимания исходной лингвоэтнической ситуации по-разному решается вопрос о характере связей этих двух языковых групп, ср.: теория независимого, самостоятельного развития славянских и балтийских языков с признанием большей архаичности праславянского языка по отношению к прабалтийскому (ср. разработку соответствующего материала О. Н. Трубачевым на страницах ЭССЯ); теория балто-славянского праязыка (В. А. Дыбо); теория балто-славянской диалектной общности в эпоху, предшествующую формированию праславянского языка (С. Б. Бернштейн); теория происхождения, производности праславянского языка от западно-балтийских диалектов (В. В. Иванов, В. Н. Топоров). Проблематика балто-славянских языковых отношений не имеет прямого отношения к работе Н. В. Лабунец. В сближениях балтийских и славянских языков, о которых пишет А. Е. Аникин, автор видит лишь пример «спорной зоны», когда отсутствуют условия для определения характера языковых отношений. Попутно заметим, что при отсутствии четких критериев в литературе принято говорить в данном случае о балто-славянских соответствиях или родстве лексем балтийских и славянских языков.

С учетом размытости границ между словами исконными и заимствованиями автор относит к исконной части словаря неясные в этимологическом отношении лексемы *колок*, *кулига*, *рёлка*, отмечая, что «пограничный характер такой группы слов – между “славяно-русизмами” и древнейшими заимствованиями – очевиден». Это положение требует, на наш

взгляд, более развернутого обоснования. Остаются нераскрытыми признаки, по которым эти слова могут быть отнесены к исконной части словаря. Не принимается во внимание финно-угорская этимология для *кулига* С. А. Мызникова [Мызников, 2004, 178], оставлена без внимания версия собственно славянского происхождения рус. *колок* (< **kъlъ*) [ЭССЯ, 13, 193]. Что касается диал. *рёлка*, то все попытки этимологизации этого слова на индоевропейской почве [Фасмер, III, 467] трудно признать убедительными.

Географическая терминология относится к устойчивому фонду словаря, однако эта устойчивость детерминирована не только непрерывной культурно-исторической традицией, как пишет автор, но и особенностями данной тематической группы, напрямую связанной с природной средой. В самом членении окружающего пространства, в выборе лексем для обозначения объектов находят отражение восприятие человеком окружающего природного ландшафта, ментальные ценности, история, культура народа. Язык выделяет и маркирует то, что жизненно важно, значимо для человека. Наглядное представление о членении пространства, в котором протекает жизнь переселенцев, дает идеографическая классификация терминов. Выделено 10 идеографических классов, объединяемых темами *лес, болото, река, озеро, ручей, яма, овраг, гора, поле, дорога*. В работе получает детальную разработку номенклатура каждого из топографических объектов. Из приведенного материала и комментариев автора следует, что наиболее разработана, наиболее дифференцирована лексика, используемая для обозначения болота, реки, леса (243 лексемы), причем класс «лесных» обозначений включает 6 групп, 15 подгрупп с еще более дробным разветвлением. Наименее дифференцированной оказывается лексика в группе *ручей, овраг* (17 лексем).

Центральное место в исследовании занимает проблема диалектных истоков старожильческих говоров Сибири. По совокупности данных, предоставляемых историко-культурным материалом, получает обоснование идея о преобладании севернорусского компонента в составе сибирских старожильческих говоров. Сибирские говоры исследуются в плане сравнения с севернорусскими и территориально близкими уральскими говорами. В работе выделены две группы: 1) географические термины, имеющие широкий ареал бытования, включая севернорусский и уральский, и 2) термины, для которых не наблюдаются продолжения на этой территории. В работе прослеживаются сходство и различие в форме и семантике тюменских и севернорусских терминов. Те небольшие семантические различия, которые наблюдаются у тюменских терминов по сравнению с севернорусскими, объясняются процессами расширения или сужения значения слова. Так, автор усматривает расширение значения в тюмен. *валёжник* 'поваленное дерево; место в лесу, болоте, заваленное упавшими деревьями' при сравнении с сев.-рус. *валёжник* 'поваленное дерево', ср. также *колесница* 'колесо' и 'дорога, по которой ездили на телегах' и т. п. (с. 144). Возможно, что в подобных случаях речь идет не столько о расширении значения, сколько о названии объектов, имеющих сходные характеристики.

Важным аспектом исследования является анализ структуры географических терминов в плане сравнения с литературным языком. Собственные полевые наблюдения помогли автору выявить диалектные особенности сибирских говоров (фонетические и морфологические), получившие отражение в народных географических названиях Сибири (оканье / еканье, 'е < 'а под ударением, и на месте h, взрывное z, развитие протетического в в анлауте и т. п., окончание -у в род. и предл. п. ед. ч. у существительных м. р. и т. д.). Тщательно проанализированы основные словообразовательные средства, отличительно характеризующие народные термины, формальные различия, обусловленные фонетическими процессами сибирских говоров и т. п. Результатом анализа стало разграничение диалектизмов по различиям в словообразовании (ср. *быстрина* – *быстронь* – *быстроть*), в фонетическом оформлении слова

ср. *густарник* – *кустарник*), в акцентологии, семантике (ср. *белизна* ‘окно чистой воды в болоте’, *омут* ‘топкое место в болоте; трясина’) и т. д.

Один из разделов второй главы посвящен этимологическому анализу древнейших терминов (слав. **bolt-*, **bor-*, **brod-*, **gor-*, **(j)ezer-*). Предметом специального этимологического рассмотрения стали названия с основами **bolt-*, **dъlb-*, **pag-/bag-*, **losk-*, **kъrk-*. Этимологический подход позволяет шире, полнее представить особенности развития семантики в разных ареалах, уточнить географию слова. Однако при знакомстве с этим разделом возникает желание внести коррективы в понимание некоторых вопросов.

Так, при характеристике структуры, семантики лексем с основой **bolt-*, особо отмечается отсутствие в спектре этимологического гнезда **bolt-* значения ‘дорога, идущая через болото’, представленного на Русском Севере и на Урале. По мнению автора, это значение утрачивается, поскольку на заболоченной территории сибирских хвойных лесов, кроме звериных троп, никаких дорог не существовало. Как можно понять из этого высказывания, автор связывает отсутствие того или иного значения в исследуемых говорах с процессом утраты, выпадения одного из звеньев в общем семантическом спектре продолжений слав. **bolt-*. Поскольку в этом и других случаях самим автором признается влияние внешних факторов на развитие семантических отличий, представляется некорректным говорить об утрате значения. Выявляемый для какой-либо лексемы на всей русской территории набор значений может, но не должен совпадать с семантическим наполнением этой лексемы в отдельных говорах, поскольку система семантических отношений формируется индивидуально, но, естественно, не без влияния внешних факторов.

В этой части представляет большой интерес обнаруженное автором продолжение слав. **bag-* в тюменских говорах (*багно* ‘болото’). Наличие данного слова в тюменских говорах придает надежность фактам фиксации лексемы на уральской территории и является новым подтверждением архаичности уральских и зауральских говоров, занимающих периферийное положение по отношению к метрополии. Отметим, что некоторые сомнения вызывает сближение *багно* и диал. *пага, паги* ‘болото’, отмеченное лишь в одном районе (Вагайском) и неизвестное на остальной русской территории. Признавая неубедительными поиски истоков тюмен. *пага* в обско-угорских и тюркских диалектах, автор в своих выводах о возможном исконно славянском происхождении слова опирается на форму *bagi* ‘болота’, засвидетельствованную в нижнелужицком языке. Автор полагает, что именно нижнелужицкие данные дают основание думать, что в тюменских говорах сохранилась древнейшая форма *pag(u) < *bag(u)*, которая в значении ‘болото’ практически неизвестна на восточнославянской территории, но имеет соответствия в говорах западной Славии. Непроизводное, бессуффиксальное н.-луж. *bagi* интересно тем, что оно позволяет с полной определенностью квалифицировать **-n* в **bagnu* как суффикс, что подтверждается и индоевропейскими соответствиями: ср. герм. **bakki* (и.-е. *< *bhagnī-*), нем. *Bach* ‘ручей’ [ЭССЯ, 1, 126]. Однако сближению тюмен. *pag(u)* и н.-луж. *bagi* мешают расхождения не только в анлауте, которые, возможно, вызваны влиянием тобольско-иртышского татарского диалекта. Н.-луж. *bagi* представляет форму мн. ч. – ‘болота’, а тюмен. форма *pag(u)* определяется как ед.ч., в таком случае не совсем понятен показатель *u* в тюменской форме. Пожалуй, самый серьезный довод в пользу заимствования – распространение слова в очень ограниченном регионе, в зоне интенсивного обско-угорско-тюркского контактирования.

В исконной части географических терминов выделяется особая группа заимствований – так называемые квазизаимствования, к которым отнесены древнейшие и новые «культурные» заимствования. Этимологическому анализу подвергнуты древние заимствования, унаследованные из ранней эпохи развития праславянского языка. Заметим, что географические названия с основами *вишин-*, *конопл-*, *чаиш-*, *холм-*, истоки которых уходят в глубокую древ-

ность, а также заимствования из европейских языков (ср. *канава*, *кедр* и т. п.) прочно вошли в словарный состав русского языка на всей территории его распространения, поэтому представляется излишним и неоправданным с точки зрения заявленной темы обращение к этимологическому анализу слов, явившихся результатом контактов с языками разных языковых групп в разные эпохи, задолго до появления русских переселенцев в Сибири. Эта лексика не осознавалась и не осознается как чужая носителями русского языка.

Далеко не все этимологические выводы автора убедительны. Так, вслед за В. Ягичем и другими исследователями Н. В. Лабунец сближает и признает этимологически тождественными слова *холм* и *шелом*. В современной науке эти слова определяются как древние германизмы с разными истоками: *холм* < др.-герм. **hulma-*, *шелом* < др.-герм. **helmaz-*. Скорее всего, речь идет о переносе названия *шелом* на природный объект по признаку сходства формы.

В третьей главе, посвященной анализу русской географической терминологии в экзоглоссии, хронологическая стратификация материала подводит автора к выделению нескольких пластов лексики, появление которых обусловлено языковыми контактами, протекавшими в разное время. Это – пласт досибирской уральской лексики, появление которого обусловлено контактами с северными диалектами хантов, манси и, возможно, самодийцев по пути следования переселенцев в Сибирь – с Русского Севера через Северный Урал на Обь, Иртыш; пласт лексики, появление которого отражает ситуацию непосредственного взаимодействия формирующихся сибирских говоров с языками автохтонов этой территории – обско-угорскими и тюркскими, слой поздних тюркизмов, адаптированный русским языком в условиях двуязычия. Раскрывая проблему этноязыкового взаимодействия, автор избегает прямолинейных оценок при характеристике иноязычной лексики, специально отмечает, что в той разнообразной языковой ситуации, которая складывалась при освоении русскими колонистами Сибири, в условиях взаимных многоступенчатых языковых связей трудно провести грань между лексикой, обязанной воздействию субстрата или адстрата, и заимствованиями. Допускается выделение особого субстратного слоя, так называемого адстратного субстрата (термин С. А. Мызникова), который появляется в условиях, когда ассимиляция нерусского населения происходит быстро в относительно позднее время. Отмечается, что наибольшую устойчивость и непрерывность во времени сохраняют названия жизненно важных объектов, к числу которых можно отнести названия водных артерий, по которым осуществлялись торговые и военные экспедиции. К этим названиям, не отражающим реального языкового взаимодействия, применяется введенный А. К. Матвеевым термин «квазисубстрат».

Характеристика заимствованной географической терминологии, активно функционирующей в старожильческих говорах, дается по тем же параметрам, которые использовались при рассмотрении исконной терминологии. О дробности, степени дифференциации заимствованной терминологии можно судить по идеографической классификации, включающей 10 тематических классов – лес, болото, река, озеро, овраг, яма, гора, поле, дорога. К таблицам приложен комментарий, из которого следует, что наиболее расчлененной является группа «болотных» обозначений (125 лексем), на противоположном полюсе находятся названия ручья (всего 8 названий), отмечается большой и разнообразный состав «лесных» обозначений. При знакомстве с таблицами возникают сомнения в правильности отнесения некоторых «лесных» названий к заимствованиям.

Так, среди заимствований в группе названий леса по качественным характеристикам находим *кремнёвый лес*, *кремнистый лес*, **кремь*. С такой характеристикой трудно согласиться. В этимологической литературе [Фасмер, II, 371; ЭССЯ, 12, 117–118] эти названия, а также *кремлёвый* ‘крепкий, прочный (о строительном лесе)’, тобол. *кремлёвая сосна* ‘сосна на опушке леса (на сухой почве)’ признаются родственными словам *кремль* ‘крепость’, *крёмень*, *кромá*, *кромка*.

Точно так же, на наш взгляд, лишено оснований отнесение к заимствованной части словаря лексемы *долоба́* 'лесная тропа'. Эта лексема, известная по данным СРНГ [8, 113] уральским, донским говорам в значении 'узкая (точно выдолбленная) тропинка', имеет широкий круг славянских соответствий, основным для которых является значение 'паз, выемка, выдолбленное отверстие' (ср. болг. *длаб* 'желоб, углубление в дереве, сделанное долотом', макед. *длаб* 'выемка', чеш. *dlab* 'паз, отверстие, выдолбленное в дереве, выемка' и т. д.). В этимологической литературе слав. **dolba* определяется как производное с корневым вокализмом -о- от **dylbati*, **delbti* (рус. *долбать*) [ЭССЯ, 5, 60].

Нет полной уверенности в том, что термин *чапыжник*, обозначение труднопроходимого леса, может быть отнесен к неисконной части словаря. В словаре В. И. Даля *ча(е)пыжник* 'частый кустарник; непроходимые заросли' соотносится с глаголом *чапать*, *чепать* 'хватать, цапать' [Даль², IV, 582], имеющим широкий ряд славянских соответствий [ЭССЯ, 4, 16 и след.]. Есть основания думать, что и *челтан* 'островок, бугор', известное также украинским говорам, относится к той части словаря, которая сложилась на славянской почве. М. Фасмер склоняется к тому, что это – расширение с помощью -р- основы, родственной *чело*, лит. *kėlti* 'поднимать' [Фасмер, IV, 329].

Ареальные связи перенесенных досибирских заимствований также подтверждают вывод автора о севернорусской основе тюменских старожильческих говоров. Отмечено, что из 400 слов около 300 по форме и значению соотносятся с севернорусскими и уральскими говорами. Интересно наблюдение автора о том, что для заимствований в сфере географических названий сибирского периода характерно распространение с запада на восток, в отличие от досибирских, которые относятся к региональным или локальным явлениям, что в первую очередь обусловлено привязанностью названий к конкретным природным условиям.

Продолжая и развивая традиции изучения иноязычной лексики, нашедшие отражение в работах Г. Ф. Миллера, С. К. Патканова, М. А. Романовой, А. К. Матвеева и других исследователей, Н. В. Лабунец обосновывает необходимость конкретного этимологического анализа с целью выявления в составе тюменской географической терминологии названий финно-угро-самодийского и тюркского происхождения. По подсчетам автора, заимствования распределяются по 85 этимологическим гнездам, из них 60 традиционно относятся к досибирским заимствованиям. Попутно заметим, что на страницах исследования можно встретить выражения «этимологическое гнездо с вершиной *рям*-», «этимологическое гнездо с вершиной *беликас*-» и т. п. В практике современных исследований принято использовать другую терминологию: говорят об этимологическом гнезде с основой *рям*- и т. п.

На основе этимологического анализа в составе досибирских заимствований выделен слой заимствований из уральских языков (**ворга*, ***кальча*, *лупч*-, *пошвар*-, *-рям*-, *сор*-, *яморин*-), из алтайских языков (ср. *баярак*-, *елань*-, *сакм*-, *тагой*, *урема* и т. д.), заимствования сибирского периода. В составе сибирских заимствований разграничены диалектизмы широкого (**булун*, ***бурян*-, *карагай*-) и локального распространения (*беликас*-, *ирмак*, ***казык*-, *калым*, *кармак*, ***конырка*, *марай*, *начиб*-, *тайгыз*-, *теньга*, *уткарма*). В этой части исследования особо хотелось бы выделить предложенное автором истолкование термина ***конырка* 'небольшая речка, ручеек' на основе народноэтимологического сближения и контаминации угорского заимствования и собственно русских образований с архаичным префиксом *ка*- /*ко*- и *ныр*(ять). В результате анализа автор приходит к выводу о том, что основную часть лексики составляют заимствования с финно-угорскими истоками, которые были перенесены русскими переселенцами с севернорусской и уральской территории, меньший по объему пласт терминов обязан воздействию обско-угорских и тюркских диалектов тюменского региона.

В четвертой главе «Географическая терминология в языковом пограничье» прослеживаются способы адаптации иноязычного слова в русских говорах Сибири, степень интегра-

рованности слов, имеющих длительную традицию употребления во времени, характеризующихся большой частотностью, и локальных заимствований, проникших в русские говоры уже на территории Сибири. Интересны наблюдения автора о различиях в оформлении заимствований, принесенных переселенцами в Сибирь, и заимствований-сибиризмов. В ходе анализа автор показывает, что в старых заимствованиях суффиксация выполняет роль адаптора, вводящего иноязычные слова в состав исконной лексики. К числу продуктивных формантов отнесены суффиксы *-ин*, *-ник* (*-няк*), переводящие заимствования в идеографический класс со значением 'место, отдельный участок', 'место, участок, поросший растениями'. Наименее продуктивен префиксальный способ оформления заимствований (ср. *подрям*, *поливка*, *сурымка* и т. п. – всего 10 примеров). Напротив, заимствования, относящиеся к сибирскому периоду, лишены словообразовательной маркированности, что свидетельствует о меньшей степени их интегрированности в словарь старожильческих говоров. Другая особенность таких заимствований – вариативность (ср. *начиба* / *начибай* / *начибей* / *начибий* и т. п.). В условиях неполной адаптации иноязычного слова роль своеобразного аффикса выполняет флексия. Заимствования грамматически оформляются по классу основ на гласный, на согласный, ср. *согра*, *дуван* и т. п. Оформление иноязычных слов, прослеживаемое по памятникам письменности, позволяет судить о степени продуктивности словообразовательных формантов в разное время, и, следовательно, о тенденциях в развитии языковых процессов в тюменских говорах.

Специально Н. В. Лабунец останавливается на процессе семантической адаптации заимствования, сопровождающейся контаминацией слов, близких по форме и значению, или семантическим калькированием. Далеко не во всех случаях можно согласиться с предлагаемой автором интерпретацией языковых фактов. Так, автор полагает, что слова *култубажина*, *кулчебажина* демонстрируют семантику ('место соединения двух оврагов'), выходящую за рамки славянских корней **dьlb-* (не **dьlb-!*) и **kьrk-*. Именно в этом значении названные слова обнаруживают скорее связь с тюркизмами (ср. тюрк. *kultuk* 'залив, угол'), нежели со словами исконно славянского происхождения. Автор полагает, что термин *култук*, по-видимому, тюркский по происхождению, на фоне дериватов этимологического гнезда **dьlb-* и **kьrk-* начинает восприниматься как его составляющее, уподобляясь исконно русским формам типа *колдобина*, *колдобина*, *колдубага*, *колдубажина*, *култубажина*, *кулчебажина* и др. Но при этом оставлено без объяснения, что служит основанием для сближения названия с корнем *култ-* и продолжений слав. **dьlb-* и **kьrk-*. Мысль о том, что одно из значений выходит за рамки славянских корней **dьlb-* и **kьrk-*, вытекает из априорного признания исходного семантического тождества соотносимых названий, что едва ли правомерно. Как нам представляется, здесь в одном ряду оказались названия с разными этимологическими истоками. Названия с корнем *колд-* имеют в качестве исходной форму **ka-dьlb-* [ЭССЯ, 9, 113]. В диалектах происходит оформление *колдобина* по модели экспрессивно окрашенных производных образований на *-ага*, одно из названий оформляется как сложение с отглагольным именем *бой-*. Что касается названия *култубажина*, то можно предположить, что оно уподобляется названию *колдубажина*. Вероятно, гибридным образованием является и название *кульчебажина*, первая часть которого допускает сближение с диал. *колч* 'бугры, ухабы' [ЭССЯ, 13, 184]. Взаимодействие и сближение самостоятельных и гибридных названий, оформленных по модели русских образований, несомненно, приводит к стиранию исходных семантических различий, обусловленных внутренней формой слов.

В пятом разделе «Географическая терминология в языковом пограничье» на большом материале подвергнуты анализу процессы интеграции, инкорпорирования, интернизации в языковом пространстве Тюменского региона. Прослеживается влияние обско-угорских и реже татарских диалектов в фонетических особенностях старожильческих говоров южной тайги: ср.: фонемы *о* и *а* в безударной позиции передаются как *о*, мена шипящих и свистящих и т. п.

Сравнение терминологии исконной и заимствованной позволило выявить сходство и различия в лексическом и семантическом наполнении идеографических классов, определить доминирующее положение в составе тех и других терминов лексической группы со значением 'болото' (лексемы с корнем *болот-* и *рям-*). Интересны наблюдения автора о некотором различии признаков, маркируемых в исконной лексике и заимствованиях, соотносимых с одними и теми же тельмографическими объектами – болотом, лесом, рекой и т. п. Эти различия особенно ярко проявляются в «лесной» и «болотной» терминологии, ср.: в локальных сибиризмах доминируют значения 'сырое болотистое место; топкое место в болоте; кочковатое болото', тогда как в семантике русских названий маркируется признак протяженности в пространстве – 'большое, протяженное болото'. Носитель русских говоров ориентирован на обозначение того, что положительно, полезно для него в окружающем мире, тогда как в заимствованиях маркирован признак 'плохой, редкий лес' и т. п. Мировосприятие русского переселенца, осваивающего новую для него природную среду, находит отражение в лексических группах со значением 'ближайшее пространство', 'отдаленное пространство', 'дальнее пространство'. Скрытым классификатором оказывается оппозиция «свой – чужой».

Большой интерес представляют наблюдения автора о процессах лексического взаимодействия в зоне языкового пограничья в условиях билингвизма. С учетом социолингвистического аспекта на основе материалов полевых исследований изучается географическая терминология, во-первых, в русской речи татар, русской речи хантов и, во-вторых, в системе этнодиалектов автохтонов – в татарской речи татар и хантыйской речи хантов. Анализ показал, что специфика русско-татарского контактирования, обусловленная ареальными и хронологическими факторами, состоит в постепенном сокращении тюркизмов в составе географических терминов и нарастании русизмов, что свидетельствует о высокой значимости русского языка как средства межнационального общения. Анализируя русскую речь татар и представляя результаты исследования в виде таблицы, в которой материал распределен по 9 идеографическим группам, автор отмечает преобладание терминов исконного происхождения, характерное для этой лексики сужение значения, функционирование термина в одном значении, близком значению литературного языка. Вместе с тем в русской речи татар отмечается интерферирующее воздействие татарского языка на русский в области фонетики, морфологии.

В заключительном разделе работы отмечены основные тенденции во взаимоотношениях русских и нерусских диалектов в изучаемом регионе: переход от дивергенции к конвергенции русских говоров юга и севера; в условиях межэтнических отношений постепенный переход «чужого» в разряд «своего»; создание общерегионального лексического фонда; ограничение сферы употребления языка «меньшинств»; усиление роли русской народной речи, а с середины XIX в. – усиление влияния литературного языка.

Как приложение к работе следует рассматривать «Словарь народных географических терминов Тюменской области (южные районы)» (Тюмень, 2003), который определяется как словарь синхронный, словарь, составленный по дифференциальному принципу. Словарь фиксирует живую речь сибирских крестьян, носителей архаического окающего говора севернорусского типа. Словарь составлен по материалам собственных записей автора, а также лексических картотек Уральского, Тюменского университетов и письменных источников, в которых зафиксирована живая речь старожилов во второй половине XX в. (диалектные словари, статьи, диссертации и т. п.). В целом материал, включенный в словарь, относится к 1970-м – 1990-м гг. и соотносится с северной, центральной и юго-западной зонами изучаемого региона. О богатстве исконной лексики, в частности, свидетельствует тот факт, что многие географические названия, включенные в словарь, не отмечены другими источниками на Русском Севере (ср. Словарь говоров Русского Севера): *всплывень* 'островок торфа, мха, плавающий

на поверхности болота, озера', *вязник* 'густые заросли кустарника', *дрязі́на* 'труднопроходимое место в лесу, на болоте, заваленное деревьями', *живу́н* 'родник, ручей', *жирово́й лес* 'лес из деревьев, содержащий в древесине много смолы' и т. д. Даже беглое сравнение материалов СГРС и Тюменского словаря позволяет выявить немало примеров семантических различий: ср. *вытяг* тюмен. 'исток ручья или речки, берущих начало в болоте' и сев.-рус. 'прорубь для вытаскивания невода при зимнем лове рыбы' [СГРС, II, 270], *дрягз* тюмен. 'труднопроходимое место в лесу, на болоте, заваленное деревьями' и сев.-рус. 'мусор, отбросы', *дрябь* тюмен. 'кочковатое болото, низина' и сев.-рус. 'густые, труднопроходимые заросли леса, кустарника', 'топкое место, зыбун' и т. д. Материалы словаря позволяют шире, полнее представить состав, семантику и структуру народных географических терминов.

В целом работа Н. В. Лабунец, представляющая во всем богатстве и многообразии географическую терминологию большого сибирского региона, обогащает и расширяет наши знания о географической терминологии, вносит много нового в понимание этноязыковых и этимологических связей терминов. В исследовании разработаны подходы к реконструкции географической лексики, функционирующей на территории одного сибирского региона начиная с XVI в. Значение работы мы видим и в том, что привлеченный к исследованию большой конкретный материал обогащает и наполняет новым содержанием вопросы, обсуждаемые в теории языковых контактов. Работа Н. В. Лабунец представляет собой масштабное, комплексное исследование, в котором с исчерпывающей полнотой прослеживаются современное состояние и динамика этноязыковых процессов в рамках одного фрагмента словаря, охватывающего народную географическую терминологию Тюменского региона. Всем строем исследование подчинено решению проблем, обсуждаемых в современной науке. За этим исследованием стоит большой труд, многолетний опыт изучения народной географической терминологии в живом общении с информантами, авторское видение ситуации этноязыкового взаимодействия в разных частях обширной тюменской территории. Исследование обогащает науку не только новым материалом, но и новым, углубленным пониманием конвергентно-дивергентных процессов, вносит много нового в понимание тех тенденций, которые определяют современную этноязыковую ситуацию. Исследования такого рода стимулируют интерес к изучению других регионов Сибири. Разработанные автором подходы к изучению межэтнических и межязыковых связей дают надежные ориентиры, закладывают фундамент будущих исследований.

Даль² – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говора Северо-Запада.

Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–... . Т. I–... .

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1966–... . Вып. 1–... .

Фасмер М. Этимологический словарь славянских языков / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. редактор О. Н. Трубачев. М., 1974–... . Вып. 1–... .

Л. В. Куркина, д-р филол. наук, вед. науч. сотр.
отдела этимологии и ономастики
Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва)

Имя: Семантическая аура / Институт славяноведения РАН; Отв. ред. Т. М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 360 с. – (ИМЕНОСЛОВ/ИМЯ: Филология имени собственного). – ISBN 5-9551-0163-2.

Рецензируемый сборник является первым выпуском материалов, подготовленных Институтом славяноведения РАН в рамках новой неперIODической серии «ИМЕНОСЛОВ/ИМЯ». Концепция издания связана с научным освоением феномена, которому составители сборника дали метафорическое название – «семантическая аура» имени. Под это общее обозначение, как следует из совокупного содержания опубликованных материалов, подводятся компоненты непонятной семантики собственных имен (антропонимов), в том числе этимологическое значение, культурные коннотации, фоновая информация, производная от употребления именных знаков в текстах различной жанровой и тематической направленности.

Аспекты научного рассмотрения «семантической ауры» имени в настоящем издании можно представить следующим перечнем.

Во-первых, «семантическая аура» исследуется в глубокой диахронической ретроспективе. В этом случае вскрываются связи собственных имен с мифопоэтическими представлениями и архаичными мифологемами, осколки которых с разной степенью экспликации сохраняются в фольклорных текстах и текстах, восходящих к ритуальным действиям.

Во-вторых, «семантическая аура» имени анализируется с точки зрения ее исторической динамики в меняющемся культурном контексте и в контуре переменных ценностных координат.

В-третьих, «семантическая аура» получает объяснение в связи с участием именных знаков в формировании пространства художественного текста. Его внутренняя структура, как показывают материалы конкретных наблюдений, может расширяться и усложняться за счет интертекстуальных и метатекстовых проекций, актуализируемых собственными именами. Оцениваемое с этих позиций, имя выступает носителем сложного семантического «шлейфа» и своеобразным ключом к обнаружению смыслов, скрытых в художественной ткани.

При многообразии тем и проблем, к которым обращаются авторы сборника, четко вырисовывается единство научной платформы, обеспечивающей цельность и связанность всего издания. Оно основано на использовании общих принципов антропо- и культуроцентризма в подходе к изучению семиотической специфики имени, на рассмотрении семантики, синтактики, прагматики знака сквозь призму его «жизнедеятельности» в текстах культуры.

Уникальная способность собственных имен к собиранию и трансляции культурных смыслов была отмечена еще гуманитарной отечественной наукой второй половины XX в. и прежде всего исследователями Московско-Тартуской семиотической школы, поэтому программный характер носит посвящение сборника памяти выдающегося ученого, филолога, слависта, этимолога, одного из основателей Московского семиотического круга – Владимира Николаевича Топорова.

Многие работы В. Н. Топорова вошли в классический фонд отечественной ономастики. Однако многогранность научных интересов и энциклопедичность познаний исследователя предопределили выход его научных построений на качественно иной уровень. Горизонты, которые открылись в связи с семиотической трактовкой имени, позволили увидеть в нем не только языковой знак, но и уникальный инструмент для обнаружения тончайших семиотических цепочек в историческом движении культуры.

Настоящее издание содержит ряд статей В. Н. Топорова, опубликованных в последней трети прошлого столетия в журналах и сборниках малотиражного формата. Последнее обстоятельство сделало эти работы практически недоступными для современного читателя, поэтому включение их в новый академический сборник можно назвать подарком научной читательской аудитории.

Есть еще один повод отметить ценность повторной публикации: статьи В. Н. Топорова в общем текстовом массиве определяют тот продуктивный идейный фундамент, на который опираются изыскания дня сегодняшнего. Отдаленные 40–30-летней ретроспективой, эти работы не перестают удивлять смелостью научных рассуждений, широтой привлекаемой доказательной базы и почти завораживающей глубиной исследовательского погружения в материал.

Открывающая первый раздел сборника статья В. Н. Топорова «От имени к тексту» посвящена теофорным древнерусским именам, которые рассматриваются в контексте славяно-индо-иранских языковых и культурных контактов. Идея, направляющая движение авторской мысли, заключается в допущении, что теофорные имена, а также религиозные и мифологические тексты принадлежат к полю единых концептов и потому семантически поддерживают друг друга.

Имена-кальки с индо-иранского – *Дажьбогъ* и *Стрибогъ* – комментируются с точки зрения их вероятного прикрепления к религиозным текстам, подобным индо-иранским религиозным гимнам. В силу двойной принадлежности к своей и к чужой культуре калькированные имена, по мнению В. Н. Топорова, способны отсылать не только к «своему», но и через «свой» – к «чужому» тексту. Отсюда следует значимость их использования в качестве инструмента для семантической реконструкции древних текстов и одновременно средства для контроля получаемых результатов.

Еще одну сферу славяно-индо-иранских связей, «концентрирующихся вокруг теофорного имени», автор определяет как «митраический комплекс». В культуре славян, особенно славян восточного ареала, он отражается в виде многочисленных признаков влияния индо-иранского мифологического персонажа Митры (собирателя, соединителя людей) на «социализированные» мифологические представления славян и обозначения социальной общности, ср.: *собирать мир, сходиться миром, идти миром* и др.

Процедура сопоставления индо-иранского образа Митры в гимнах «Ригведы» с русским миром в той его трактовке, которая складывается по текстам пословиц, поговорок, речений из собраний Даля, Прыжова и других словарных источников, дают основание вывести обширный перечень совпадающих мотивов: 1. Митра объединяет людей. – Мир един. 2. Митра удерживает землю и небо. – Мир землю держит, до небес достает. 3. Митра несет всех богов. – Мир всех несет. 4. Митра не смыкает очей. – Мир никогда не спит, все видит. 5. Кто почитает Митру, того не настигает беда. – Мир не знает беды, и т. д.

Так, на ряде блестяще развернутых примеров утверждается тезис об особой роли имени в связи с проблемой широкой семантической реконструкции. «При должном внимании исходя из имени собственного, – резюмирует автор, – можно прийти к элементарным сочетаниям элементов и фрагментов текста в его языковой форме, наконец, к сложным идеологическим концепциям и их “подоснове”».

В сходном семиотическом аспекте решается проблема этимологизации др.-греч. *Πύθων* и сербохорв. *Бадњак* в статье В. Н. Топорова «ΠΥΘΩΝ, *ĀHI BUDHNYĀ*, *БАДНЬАК* и др.». Отправным материалом для этимологического анализа названий мифологических персонажей служат данные «надъязыковых знаковых систем» – семантические «доли» ритуалов, обрядов, фольклорных текстов, в которых проступают рефлексy индоевропейской мифологемы о змее у корней мирового древа, поражаемом огнем и/или другим оружием Громовержца. Действие мифологемы приурочено к рубежному времени – переходу от Старого года к Новому году, «когда в соответствии с циклической картиной, концепцией времени Космос возвращается к своему прежнему, недифференцированному состоянию, к Хаосу, и особый ритуал перехода должен был заново воссоздать из Хаоса Космос».

В семантическую схему основного мифа укладываются образы индоевропейских персонажей: это ведийский «Змей Глубин» *Ahi Budhnyà*, ассоциируемый с низом и водами и в то же время причастный к небу и земле, горам, растениям и животным, и греческий *Πύθων* – чудовищный змей, убитый Аполлоном. Близость функциональной нагрузки позволяет установить синонимичный им образ в южнославянской мифологии. У сербо-хорватов он носит имя *бадњаћ*, у болгар называется *бъдник* и воплощается «рождественским поленом», пнем или веткой, сжигаемыми в сочельник с особыми ритуальными действиями. Характерные черты ритуала в сербской традиции дают основание для гипотезы о том, что сожжение Бадняка в конце старого года эквивалентно поражению огнем змея, воплощающего нижний мир и вредоносное начало, и знаменует начало нового сезонного цикла с обильным урожаем и умножением скота.

Нельзя не отметить виртуозность, с которой применяется в этой работе техника герменевтического описания: родственный характер мифологических образов устанавливается при помощи смысловых компонентов вербального и неязыкового свойства, а родственные связи соответствующих словесных обозначений подкрепляются, в свою очередь, содержательными элементами мифа. Взаимное проникновение двух встречных объяснительных потоков превращает этимологизацию в процедуру комплексной семантической реконструкции. Выводное суждение о том, что имена всех трех персонажей тем или иным образом восходят к и.-е. **Budh-* < **Budhn-* (восстанавливаемому имени мифологического противника Громовержца), хорошо подтверждает эффективность применения широкой семиотической «оптики» в сравнительно-историческом изучении языковых и культурных фактов.

Обратимся к еще одной работе из цикла статей В. Н. Топорова в рецензируемом издании – «Скрытое имя в русской поэзии» и представленному в ней новому ракурсу семиотической интерпретации имени. Речь идет о знаковой природе техники анаграммирования и способности расчлененной и рассредоточенной по тексту внешней оболочки имени к обозначению некоего концептуального содержания, важного для художественного восприятия и отражения мира.

Интерес к анаграмме как средству тексто- и смыслопорождения подтверждают многие работы В. Н. Топорова. Указанная статья примечательна, с нашей точки зрения, тем, что в ней сформулированы положения, принципиальные для авторской точки зрения на прием анаграммирования и его семиотический «субстрат» в памяти культуры. Отметим некоторые из них. 1. Позиция поэта есть позиция творца, демиурга, создающего собственную художественную вселенную. 2. Поэт – установитель имен: немую, бездеятельную до него вселенную он сотворил в слове, собрав ее по частям, которым он придал значение и выразил его в звуке. 3. Имя – «самый краткий и точный итог, квинтэссенция изображаемого в поэтическом тексте, и потому оно – главное в тексте. Не случайно именно оно становится объектом анаграммирования, а сам факт имяположения, становления имени знаменует вхождение в мир новой сущности, новых сил и энергий». Трактующий в таком свете феномен анаграммы предстает как «сверх-знак», открывающий возможности для мифопоэтической интерпретации художественного слова.

Хотя ключевое для текста анаграммированное имя не произносится в своей целостности, его звуковая форма, разлитая в словах, служит инструментом для «собирания» глобального образного смысла и для выражения нового, приращенного содержания. Это суждение всецело подтверждается анализом интертекстуальных и внутритекстовых связей, скрытых за анаграммами в произведениях Вяч. Иванова, А. Белого, М. Кузьмина.

Однако если в русской поэзии начала XX в. анаграммы в наиболее ярких своих проявлениях строятся намеренно и выступают частью изощренной поэтической техники, то для поэзии XIX в. вопрос о сознательном или бессознательном, интуитивном применении звуковых

повторов окончательного решения, по мнению В. Н. Топорова, еще не имеет. Поэтому искусно выполненный анализ з-повторов в стихах А. А. Фета, связанных с образом Марии Лазич, умершей возлюбленной поэта, завершается выводом, что «осторожнее видеть в подобных примерах не столько анаграмму имени, сколько отсылку к некоему его соответствию, его знаку, его звуковой теме».

Статья дает повод для дальнейших размышлений об архетипе анаграммирования, о поиске критериев для выявления анаграммы, о вариациях применения приема в разные эпохи, в разных культурно-языковых и поэтических традициях, у разных авторов.

Тема исторической динамики «семантической ауры» имени продолжена в статье Н. Н. Запольской «Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры». Автор выделяет в идеосемантике антропонима основной, этимологический, константный семантический компонент и дополнительный, культурно отчуждаемый, переменный компонент, который, собственно, и задает оппозиции и сближения имени с другими именами собственными и не-именами. Идеосемантика имени, таким образом, зависит от меняющихся во времени и пространстве культурных доминант, что делает имена собственные ценностным культурным ориентиром и предметом постоянной напряженной идеологической и филологической рефлексии.

Развернутым доказательством заявленной точки зрения служит подробный анализ исторических изменений в рефлексивах, отраженных учебно-нормативными текстами, — от богословской интерпретации имени в границах конфессиональной культуры к светскому восприятию антропонима и далее — в рамках культуры обмирщенной — к размыванию возвышенного аксиологического «ореола» имени.

Лаконичным и ярким примером культурно-исторической динамики в рецепции имени человека служит описание семантических подвижек в трактовках имени *Петр* при включении его в тексты грамматик разных исторических периодов. В парадигме религиозной христианской культуры имя *Петр* принадлежало библейскому антропонимическому репертуару и определяло функциональный статус апостола Петра в библейской истории. Посредством, например, соположения имен *Петр* и *Анна* в грамматиках могла актуализироваться идея прославления Христа в духовном и реальном времени.

Изменение отношений государственной и церковной власти привело к смене в нормативной лингвистической литературе библейского антропонимического репертуара на исторический — имена библейских персонажей стали трактоваться как имена исторических лиц — именно так в XVIII в. употребляются имена *Петр* и *Анна*.

В «Грамматике» Н. И. Греча, выпущенной в 1827 г., уже отмечается сокращение «нормативной» антропонимической пары до одного имени — *Петр*. Далее, в первой половине XX в., в свете действующих государственных императивов исторический репертуар меняется на литературно-художественный. Например, в грамматиках русского языка 1940–1950-х гг. собственные имена предпочтительно иллюстрируются именными формулами *Александр Сергеевич Пушкин, Максим Горький, Илья Муромец*.

«Дальнейшая демократизация общества и упрощение культурно-ценностных ориентиров, — пишет Н. Н. Запольская, — мотивировали снижение аксиологии имен, что проявилось в замене литературно-художественного антропонимического репертуара бытовым, т. е. деактуализацией не только основного, этимологического, но и дополнительного семантического компонента имени. Антропонимическое поле академической “Русской грамматики” 1980 г. снова включает имя *Петр*, но оно уже представлено в обиходно-фамильярной форме *Петя*, которая указывает на бытовой характер репертуара собственных имен».

Не подвергая сомнению значимость полученных результатов, позволим себе не соглашаться с отдельными положениями работы. Прежде всего, недостаточно логично, на наш

взгляд, выведена формула идеосемантики имени с этимологическим значением в функции основного компонента. Условный характер процессов мотивировки препятствует включению этимологической семантики в главное, понятийное содержание имени. Кроме того, неизбежно встает вопрос о глубине этимологизации: к примеру, то же греческое имя *Петр* значительно древнее, нежели христианская традиция. В свете обсуждаемой в статье проблематики, быть может, правильнее было бы ограничиться лишь рассмотрением большей яркости либо приглушенности культурных коннотаций и/или фоновой информации, сопутствующей имени собственному.

Другое наше размышление касается необходимости разграничивать культуру метаязыкового описания, которая явлена в грамматиках, словарях и учебниках, и более широкий культурный фонд, отраженный в текстах разной содержательной направленности. Личный опыт наблюдений над материалом художественных текстов и авторефлексией носителей современного языка по поводу собственных имен убеждает в том, что «религиозные» коннотемы сохраняются в языковом сознании и могут оживляться, если в действие вступает соответствующий ракурс осмысления именной лексики.

К проблемам восприятия и речевого применения имени в специфическом культурном контуре обращена статья *И. А. Седаковой* «Новая прагматика архаических моделей: имена неоязычников». В субкультуре неоязычников антропониму возвращаются свойства знака, который особым образом связан с личностью и духовной практикой своего носителя. «Символика имени строится на буквальном или метафорическом его прочтении. Стремление к прозрачности имени, нередко идентичному прозвищу, кличке, продиктовано верой, что имя отражает важнейшие индивидуальные свойства последователя Традиции, его идеологические и религиозные воззрения, практические интенции», — отмечает *И. А. Седакова*.

Об усиленном внимании к личному имени со стороны адептов нового славянского язычества свидетельствуют поведенческие стереотипы — специальные ритуалы и обряды, сопровождающие наречение; выбор имени или его сотворение с установкой на максимальную индивидуализацию и самовыражение; активное рефлексирование по поводу именованных на Интернет-сайтах «своего круга» и т. п.

Интересны наблюдения автора над искусственной архаизацией внешней формы неоязыческих имен, которая проявляет себя в смешении восточнославянских и южнославянских корней; над псевдофольклорностью и лингвистической пестротой дискурса «последователей Традиции», где наряду со славянскими элементами фигурируют новейшие заимствования (лексика новых технологий, терминология НЛП, американизмы и пр.). В целом разносторонне и подробно описанный материал позволяет рельефно представить эклектичность языковой культуры приверженцев нового языческого движения.

Тема мифопоэтического потенциала имени, открытая в сборнике статьями *В. Н. Топорова* («*ΜΑΚΑΡ, ΜΑΚΑΡΙΟΣ* и др.», «Об одном архаическом переживании: похороны Сидора Карповича»), продолжает свое развитие в филигранной работе *Т. В. Топоровой*, посвященной сопоставительному рассмотрению древнеисландского оронима *Hnit-björg* «Сталкивающиеся горы» и русского выражения *горы толкучии*, репрезентированного в текстах русских духовных стихов и былин. Историко-культурный комментарий и детальный анализ семантических компонентов сравниваемых обозначений дает веские аргументы для выводов об их далеко идущем сходстве. Оно обнаруживает себя в целом ряде показателей: в восприятии двух гор как сдвоенного объекта и неделимого целого, в ассоциациях со стихией хаоса, в синтаксической функции субъекта, в наличии в образах признаков одушевленности, в общем мотиве, связанном с прохождением героем гор, что имеет непосредственное отношение к сфере познания.

За глубинным сходством, в свою очередь, усматривается наличие архаичного мифологического образа, который предположительно восходит к эпохе индоевропейской общности, а также неких общих фигур поэтического языка древнеисландского и русского ареалов.

Второй раздел сборника объединяет магистральная тема поэтики имени собственного в художественном тексте.

В статье *Т. М. Николаевой* «Князь Звездич и баронесса Штраль – кто они такие?» из антропонимического свода драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад» на первый план выведены образы двух неглавных героев, которые, тем не менее, выступают носителями и движущими силами основной интриги. Семантическая корреляция между именами персонажей – *звезда* (Звездич) и *луч* (Strahl), инокультурный характер антропонимов, сходство в поведенческой линии героев (бесчестные поступки и запоздалое раскаяние) становятся отправной точкой для углубленного филологического анализа сложных и тонких аллюзий, которые, согласно исследовательской гипотезе, соединяют лермонтовскую драму с романом французского писателя XVIII в. Шодерло де Лакло «Опасные связи». Именно к протагонистам французского романа – маркизе де Мертей и виконту де Вальмону, полагает Т. М. Николаева, восходят образы князя Звездича и баронессы Штраль.

Литературные аллюзии антропонимов раскрываются и в статье *М. А. Дмитровской* «Об отношении искусства к действительности, или Почему майор Петр Лавренов убил Элизу Прево», посвященной интертекстуальной природе рассказа Юрия Буйды «Чужая кость». Собственные имена наряду с другими строевыми элементами применяются писателем для того, чтобы «ввести» в повествование предшествующие литературные тексты (претексты) и таким образом сформировать особую смысловую плоскость – назовем ее металитературной, поскольку именно здесь отражается авторский взгляд на вечный вопрос об отношении искусства к действительности.

Знаки интертекстуальности обильно рассыпаны в рассказе Ю. Буйды. Имя главного героя Петра Лавренова анаграмматически перекликается с именем французского богослова, философа и поэта Пьера Абеляра (книга последнего симптоматично упомянута в интервьюерном описании).

Имя героини рассказа Элизы также прозрачно отсылает читателя к роману Абеляра о трагической истории его любви к Элоизе Прево. Одна из вариаций имени – *Лиза* – напоминает о «бедной Лизе» из повести Н. М. Карамзина, и тем самым акцентируется мотив жертвенности, свойственный «трактатам о любви» в сентиментальной русской литературе и предшествующей французской литературной традиции.

Еще одна значимая литературная аллюзия задана паронимической аттракцией фамилий майора П. Лавренова и писателя Б. Лавренева, автора рассказа «Сорок первый», в котором на пронзительных нотах прозвучала тема искусства и реальности.

Прорисовку литературного фона, окружающего имена персонажей, М. А. Дмитровская соединяет с препарированием композиционных особенностей, деталей сюжета и текстовых фрагментов рассказа Ю. Буйды, тем самым убедительно проясняет художественно-философское содержание произведения.

Перекличка собственных имен находится в фокусе исследовательского интереса *Ф. Н. Двинатина* («Из заметок о поэтике имени»). В эскизных зарисовках автор комментирует частные примеры именных соотношений и дает свое видение лежащей в их основе мотивировки. Для имен тесно связанных персонажей повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» Катерин и старика Мурина указывается объединяющая производящая основа – название церкви св. Екатерины в Мурино, располагавшейся в окрестностях Петербурга. (Хотя не ясно, как это согласуется с демонизированными образами самих героев?)

Для собственных имен в эпиграммах Вас. Курочкина, построенных на травестийных «перепевах» пушкинских текстов, в качестве прототипов указаны одинаково рифмуемые антропонимы в исходных пушкинских строках, ср.: для фамилии *Самарин* Курочкин выбирает пушкинскую рифму на *Флюгарин* и т. д.

Не все версии можно принять безоговорочно, поэтому вопрос о надежности критериев, позволяющих отнести сближение в чем-то подобных звуковых оболочек к закономерностям текста, остается открытым.

Предметом изучения в работе *А. Б. Пеньковского* («Пушкинский текст и текст культуры») являются особенности семантического пространства повести А. С. Пушкина «Гробовщик». Роль стержневого организующего начала здесь выполняет оппозиция категорий «жизнь – смерть», развернутая в игровую, парадоксальную плоскость. Она пронизывает все сюжетно-композиционные, образные, цитатно-паремнологические, мифологические и иные средства повести. Имена собственные, вплетенные в нарратив, также подчиняются центральному противопоставлению. Ярким подтверждением тому служат имена двух протагонистов – гробовщика Адриана Прохорова и Петра Петровича Курилкина, отставного гвардии сержанта, явившегося гробовщику в пьяном сне вместе с другими покойниками.

В имени живого Адриана Прохорова анаграммирована идея смерти: *Прохоров – Прохорович – похороны*, тогда как в именовании мертвеца Курилкина, напротив, заключена идея жизни. Она поддерживается, во-первых, прозрачной отсылкой к русской поговорке «Жив, курилка» (используемой в отношении того, кого ошибочно считали умершим, но кто на самом деле жив); во-вторых, – мифологемой, связанной с древней языческой обрядовой игрой «Жив, жив, Курилка!». (*Курилка* – «головенька из спички, дымящаяся лучинка и самая игра, в которой спичка переходит из рук в руки, с приговоркою “жив, жив курилка!”» [Даль]).

Еще одна антропонимическая оппозиция – *Готлиб Шульц – Адриан Прохоров* также укладывается в семантическое поле категорий жизни и смерти. «В имени первого парадоксально записана “милость, любовь бога”, тогда как имя второго – *Адриан* – анаграмматически (ср.: ад) и вместе с упоминаемым в тексте почтальоном А. Погорельского, персонажем повести “Лафертова маковница”, отсылает читателя к потустороннему миру преисподней».

Разбирая в подробностях смысловую архитектуру пушкинского текста, А. Б. Пеньковский приходит к выводу, что «в языковой системе этого времени “Личное” и “Предметное”, “Живое” и “Неживое” не были еще противопоставлены с той степенью жесткости и последовательности, как это имеет место в современном языке».

Знаковое отсутствие имени в художественном тексте обсуждается в статье *Н. В. Васильевой* «Поэтика безымянности». Не будет преувеличением назвать эту работу новаторской и поставить в заслугу автору разработку новой текстовой категории, меняющей наши представления о функционировании имени в тексте. Н. В. Васильева характеризует лики безымянности (неимение имени, незнание имени, анонимность) в оппозиции к именованию, точнее, в динамике вариантов превращения одного в другое в процессе развертывания текста, при этом каждый переход знаменует собой рождение нового смысла.

Исследовательские задачи решаются на материале романов Милана Кундеры – писателя, чья художественно-речевая манера отмечена своеобразными провокациями в диалоге с читательской аудиторией. Особенности искусной игры с читателем Н. В. Васильева раскрывает через описание дискурсивных стратегий, организуемых разными видами отношений «безымянности ↔ имени».

В рамках дискурсивной стратегии «неимение имени ↔ имя» отмечается склонность писателя к уклончивому именованию героев через кличку, псевдоним, цитацию. Динамика преобразования безымянности от «незнания имени» к «какому-либо называнию» часто реализуется с помощью неопределенной дескрипции, вынуждающей читателя собирать ин-

формацию о персонаже из предыдущего текста. Переход «от анонимности к имени» служит приемом исходной загадки, за которой может последовать раскрытие, разоблачение.

В противоположных стратегиях – от именованности к вариантам безымянности – также обнаруживается специфическое наполнение. Движение «от имени к его отсутствию» вскрывает архетипическую модель восприятия имени как символа жизненной силы человека, поэтому для героев М. Кундеры страх потерять имя равносителен страху утраты своей идентичности. Текстовая динамика «от имени к его незнанию» связывается с забвением, «затуханием» имени в ткани повествования. Наконец, вариация обозначения через категорию анонимности, сознательного сокрытия антропонима, например за аббревиатурой или астериском, с последующими версиями расшифровки, создают напряженность текстовой интриги.

Теоретическая и методологическая значимость работы Н. В. Васильевой выходит за пределы анализа дискурса отдельного писателя, и едва ли дальнейшее освоение ономастики художественного текста сможет проводиться без учета предложенной концептуальной динамической модели.

В замыкающей сборник статье *Е. В. Душечкиной* «Культурная история имени Светлана» на значительном фактическом и текстовом материале сделана попытка проследить социальную и литературную судьбу женского имени, отсутствующего в церковных святцах.

Имя *Светлана* стало популярным у русской образованной публики в XIX в. благодаря романтическому образу, созданному в балладе В. А. Жуковского. Имя и типаж милой и кроткой девушки начали использоваться в литературных, драматических, оперных, балетных произведениях. Однако крестить новорожденных девочек под именем *Светлана* вплоть до революции 1917 г. было практически невозможно. Только с освобождением от диктата святцев имя постепенно утвердилось в официальном антропонимиконе. В условиях социалистического строя произошло его частичное переосмысление – имя получило дополнительную «советскую» окраску, согласуясь с новой символикой понятий «свет» и «светлый». В середине XX столетия в связи с ростом частотности имя *Светлана* утрачивает свою особенность и превращается в обычное, немаркированное. В последней трети прошлого века имя характеризуется как высоко частотное, и это обстоятельство создает ощущение его банальности, заурядности.

В литературной биографии антропонима прослеживается историческая траектория от *Светланы* к *Свете* и *Светке*, от номинации русской барышни с чуткой душой – к называнию энергичной участницы социалистического строительства. В литературе конца XX в. *Светка* – имя-типаж для вульгарной, малообразованной, не обремененной моральными принципами девицы.

Наиболее ценной по фактографии и объяснительной глубине нам представляется первая часть статьи, обращенная к дореволюционному прошлому имени. Что же касается версии литературной судьбы имени в XX в., то она кажется излишне схематизированной. Возможно, привлечение разнообразных в жанровом и тематическом отношении текстов позволит обогатить ее новыми деталями.

Завершая обзор материалов сборника, выражаем уверенность, что он займет достойное место в ряду авторитетных филологических изданий. Продуктивность результатов, полученных при освоении нового направления – текстовой семантики имени собственного – позволяет высоко оценить научный потенциал книги и рекомендовать ее филологам и специалистам в области семиотики культуры.

М. В. Голомидова, д-р филол. наук, проф. УГТУ–УПИ
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

Младенова Дарина. Звездното небе над нас: Етнолингвистично изследване на балканските народни астроними. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2006. – 420 с. – ISBN-10: 954-322-049-2, ISBN-13: 978-954-322-049-6.

Астронимические исследования – *rara avis* в ономастике, и появление каждого научного труда, рассматривающего названия объектов звездного неба, не может не вызывать большого интереса и пристального внимания. Книга болгарского ономатолога Дарины Младеновой, несомненно, вносит существенный вклад в изучение одного из древнейших классов собственных имен.

Закономерно избрание автором этнолингвистического аспекта исследования – трудно представить себе более актуальный аспект в изучении названий звезд и созвездий, поскольку для них представления и верования народов становятся необходимым «строительным материалом», порождая нередко не только названия, но и сами объекты, выделяемые культурной традицией на ночном небе. Еще более закономерна и «балканская» постановка вопроса – тому «виной» и сами Балканы, где языки и культуры различных этносов тесно переплелись, и, конечно, исследуемый материал, в котором типологические параллели, генетические продолжения и явные взаимовлияния присутствуют в изобилии.

Несомненно, одной из самых сильных сторон книги является богатейший астронимический материал, представленный по всем отмеченным на Балканах объектам звездного неба. Разнообразие мотивирующих образов для каждого из созвездий и наблюдаемых небесных тел превращает разделы работы в красочные картины, нарисованные воображением балканских народов и бережно донесенные до читателя автором.

Материал организуется естественным для астронимии образом: по номинативным моделям (есть некоторые отступления от общего принципа, но они единичны и обычно связаны с внутренним членением групп). Данные балканских народов подаются по отдельности, в конце каждого раздела подводятся краткие итоги сопоставительного характера.

Прежде всего рассматриваются названия Венеры – несомненно, самой известной планеты в европейской астронимии. Автор отмечает три фактора, определяющих разнообразие связанных с Венерой астронимов: время появления планеты на небе; физические характеристики светила (величина, яркость); интерпретацию Венеры в народной традиции (с. 69). Большинство моделей, связанных со временем появления на небе («утренняя / вечерняя звезда» и т. п.), можно назвать типологически общими не только для балканских, но и для всех европейских народов. Д. Младенова отмечает и заимствования, например пришедшее из турецкого в болг. *Сабайльдза* и его варианты, дословно «утренняя звезда» (ср. тур. *Sabah yildizi*) или восходящее к греческому болгарское *Траанарката*, по мнению автора, производное от греческого же заимствования *трахана* «обрядовое мучное изделие», съедаемое при появлении Венеры на небе (с. 48–49). Кстати, здесь трудно не вспомнить рус. пск. *Блинница* «утренняя Венера», т. е. звезда, восходом своим указывающая рыбакам на Чудском озере, что женщины уже напекли блинов и можно возвращаться домой [ПОС, 2, 42]. Среди названий, связанных с народными преданиями, наиболее интересны астронимы, отражающие легенду о брате и сестре, наказанных за инцест (поэтому они стали «утренней» и «вечерней звездой», чтобы никогда не встречаться на звездном небе – оригинальное соединение «разведенности» двух ипостасей Венеры и понимания того, что это все же один и тот же объект), а также восходящие к арабскому, но ставшие общебалканскими названия Венеры, разрабатывающие идею «каравана» – восход утренней Венеры служит для караванщиков сигналом отправиться в путь. Впрочем, перечень действительно интересных и наводящих на размышления названий можно продолжать бесконечно.

В разделе, посвященном названиям Большой и Малой Медведицы (последние малочастотны и, как правило, вторичны, т. е. дублируют названия Большой Медведицы), выделяются общеевропейская модель «повозка», тюркская по происхождению модель «разбойники», романская «волопась», греческая «корабль», сравниваемая также с португальскими данными. Научное «медведица» представляется автору книжным (с. 88), с чем следует, очевидно, согласиться, однако ведь именно это название отражало когда-то народные мифологические представления древних греков.

Поскольку Полярная звезда входит в созвездие Малая Медведица, автор в этом же разделе приводит весьма малочисленные в балканской астронимии названия этого объекта – здесь обращает на себя внимание несколько курьезное болг. *Попул 'арнѣтъ звездѣ* (с. 87) как не лишённая смысловой обработки переделка научного астронима. Можно упрекнуть автора, что не все названия Полярной звезды оказались собраны вместе – ведь мотивация даже совпадающих названий у различных объектов может быть различна. Например, астронимы, образованные от *керван*, *караван*, *караван* для Венеры мотивированы идеей ориентации во времени, для Юпитера связаны с путаницей объектов, приводящей к гибели караванов, а для Полярной звезды могут объясняться использованием ее для ориентации по странам света (ср. с. 63–66). Представляется, что рассмотрение всех мотивов отдельно по объектам создало бы более целостное представление о моделях астрономии. (Оговоримся, что этот упрек касается только Полярной звезды. Однако можно было бы добавить, что Полярная звезда заслуживает рассмотрения как особый объект, а не только как звезда в созвездии Малой Медведицы. Принятое автором решение кажется закономерным только для тюркских названий.)

Разнообразны именованья Плеяд. Наиболее подробно рассматриваются астронимы, основанные на общеевропейском (возможно, восходящем к арабскому) образе курицы (с цыплятами), и названия, в славянских языках образованные «от основы *влас-*» (с. 101 и след.) – в эту группу Д. Младенова включает весьма распространенный ряд в той или иной степени созвучных отмеченному звукокомплексу названий, которые могут соотноситься и с другими объектами звездного неба. Детально разобрав сильные и слабые стороны существующих версий истолкования астронимов этой многочисленной группы, автор останавливается на предположении о первичности для них праслав. **volъsъ* ‘волос’ (с. 108), признавая, что при всей естественности такого образования, остается еще немало «темных» мест в конкретных поисках исходного образа для названия.

Пожалуй, наибольший спектр образов связан с названиями Ориона и его частей: «плуг», «сверло», «весы», «аршин», «девушка с коромыслом», «три косаря», «трое святых», «три волхва», «три царя» и др. Интересно, что при всем разнообразии образов все они могут быть признаны универсальными для европейской астронимии – в частности, все они присутствуют в русских названиях Ориона.

Исключение, пожалуй, составляет образ сверла. О нем – несколько подробнее. В русской астронимии названий, воплощающих такой или аналогичный ему образ, не обнаружено. Однако в русских памятниках письменности отмечается несколько астронимов, реализующих идею кружения, вращения, связывающую их с балканским *Свридел* для Ориона – это названия *Кружилие* и *Кружилица*. (О различных догадках относительно этих названий подробно см. [Рут, 2006]). Интересно также наличие астронимов, восходящих к апеллятиву «сверло», в хантыйском и мансийском языках [см. об этом, например: Erdödi, 1970, 58; см. также ТЭ].

Млечный Путь на Балканах прежде всего отождествляется с рассыпанной соломой – это явная реминисценция тюркского «соломенный путь», «путь соломенщика», и здесь нельзя не согласиться с выводом Д. Младеновой о болгарском «авторстве» модификации тюркского названия в астронимы, связанные с легендой о краже соломы (*кумова слама* и под.) (с. 164).

Как для указанных, так и для прочих названий Млечного Пути интересно прослеживаются особенности взаимодействия астронима и легенды (с. 182–183).

Отдельный небольшой раздел работы посвящен астронимам, соотнесенность которых с теми или иными объектами звездного неба либо не поддается установлению, либо очень вариативна: это прежде всего достаточно многочисленные названия, основанные на образе креста (с крестом может быть сопоставлено весьма значительное количество созвездий; кроме того, вполне правдоподобны предположения о том, что в народной традиции крестообразные созвездия составляются и вне определенного астрономией круга астрообъектов). Крайне интересен список уникальных названий – это своеобразная лаборатория народной фантазии, с одной стороны, и информация к размышлению для ономотолога – с другой. В частности, болгарские астронимы заставляют вспомнить русские, ср. болг. *Бърдото* – рус. *Кочка*; болг. *Лъжицата* – рус. *Ложка*, *Поварешка*; болг. *Седмосьбци* – рус. *Семерка*, *Седмица*, *Семизвездие*; болг. *Ъгъла* – рус. *Кут*.

Завершающие каждый из разделов выводы результируют номинативные типы и пути взаимодействия болгарской, турецкой, греческой, румынской и других астронимических моделей. В заключении представлена детально прокомментированная убедительная схема взаимодействия астронимических образов на Балканах. Подробнейшие примечания на с. 209–292 не только дополняют основной текст, но и являются отдельным кропотливым, тщательно документированным исследованием. Зоны распространения астронимов по исследуемой территории проиллюстрированы картами (можно лишь пожалеть, что они не цветные и потому не всегда безусловно наглядны). Обширный список литературы и удобные для использования индексы – еще один положительный штрих в оценке этого капитального труда.

Книга Д. Младеновой интересна и научно значима не только как достойный итог серьезной работы, но и как систематизированное собрание редких сведений для дальнейшей работы в области астронимии.

ПОС – Псковский областной словарь. Л., 1967–1990. Вып. 1–8; СПб., 1994–... . Вып. 9–... .

Рум М. Э. В кругу мотивационных гипотез: Об одном славянском названии Ориона // *Ad fontes verborum: Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006. С. 329–336.*

ТЭ – Материалы Топонимической экспедиции Уральского государственного университета. *Erdödi J. Uráli csillagnevek és mitológiai magyarázatuk. Budapest, 1970.*

М. Э. Рум, д-р филол. наук, проф.,
зав. кафедрой русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

ОБЗОРЫ

Ономастика в Австрии

В австрийской ономастике наука о географических названиях с давних пор находится на переднем плане, тогда как антропонимам не уделяется значительного внимания. Одной из отличительных особенностей австрийской ономастики является также ее многоязычная направленность, так как сменяющиеся на протяжении истории народы и языки оставили многочисленные следы в онимии.

Ономастические исследования с самого начала велись и сейчас ведутся в непосредственной связи с диалектологией. Связь диалектологии и ономастики методологически была обоснована в работах Иоханна Нагла и Зиимуллера. В 1911 г. в Австрийской Академии наук была учреждена «Комиссия по созданию австрийско-баварского словаря и изучению диалектов». Важную часть работы этой комиссии составляли сбор и изучение ономастического материала.

Антропонимия, «вытесненная» на периферию австрийской ономастики, изучается «локально», местными исследователями, только лишь в Тироле работы по антропонимике имеют некоторую непрерывность: здесь история имен документировалась в некоторых существенных антропонимических исследованиях и словарях. В 1905 г. Людвиг Штоиб стал трактовать, отчасти в научно-популярной форме, верхненемецкие фамилии, тогда же Христиан Шнеллер в «Именнике города Инсбрук» этимологизировал все зарегистрированные фамилии, правда без документальных свидетельств [Schneller, 1905]. В 1923 г. Джозеф Тарнеллер написал книгу «Тирольские фамилии» [Tarneller, 1923]. Список тирольских фамилий был пополнен Карлом Финстервальдером, который, кроме того, обобщил имеющиеся сведения о них, сначала в книге «Фамилии в Тироле и в соседних областях», затем в «Тирольском ономастиконе» [Finsterwalder, 1994]. Во второй из этих книг подробно, с привлечением документальных свидетельств и на высоком научном уровне освещается происхождение и развитие личных имен, фамилий и названий усадеб начиная со средневековья и до настоящего времени. Аналогичным образом Леопольд Циллер рассмотрел зальцбургские фамилии [Ziller, 1986]. Единственным в своем роде является исследование «Именование в Южном Тироле», проведенное инсбрукским германистом Ахимом Массером [Masser, 1992]. В перечне работ по антропонимике следует также упомянуть исследования Иоханна Ноймана «Чешские фамилии в Вене» [Neumann, 1972] и Герберта Яндаурека «Западноавстрийские фамилии в 1823–1830 гг.» [Jandaurek, 1947].

Важной целью современных антропонимических исследований по-прежнему является составление региональных и межрегиональных словарей личных имен и фамилий, в которых будут тщательно обработаны источники. Актуальным является изучение «моды» на те или иные имена [Reutner, 1999]. Насущной потребностью остается описание форм имени, а также способов употребления антропонимов в определенных ситуациях и видах текста.

«Австрийская ономастика, – пишет Петер Визингер, – не носит характер учреждения, а поддерживается лишь отдельными личностями» [Wiesinger, 1995, 145]. Австрийские ономасты объединены «Австрийским обществом ономастики», которое было основано в 1973 г. славистом Отто Кронштайнером. В рамках общества Рональд Цванцигер впервые опубликовал часть библиографии по австрийской ономастике [Zwanziger, 2006], к сожалению, неполную и далее не продолженную. С 1989 г. председателем этого общества и издателем ежегодного журнала «Австрийская ономастика» («Österreichische Namenforschung») является Хайнц Поль, славист, профессор Института языкознания Университета Клагенфурт. Х. Поль, кроме того, один из организаторов ежегодной ономастической конференции, проводимой в местечке Калс (о профессоре Поле, его работах, проводимых им конференциях и издаваемом журнале можно получить информацию на сайте: <http://members.chello.at/heinz.pohl.htm>).

В Институте австрийской диалектологии и ономастики Австрийской Академии наук в Вене под руководством доктора Изольде Гауснер начиная с 1989 г. ежегодно издается «Старонемецкий словарь имен собственных», в котором обрабатываются все источники, в которых зафиксированы названия населенных пунктов в Австрии и Южном Тироле до 1200 г. Другой проект, над которым работают сотрудники Института, – «Славянские имена в средневековых источниках Австрии и Словении». В нем собран ценный ономастический материал, дающий возможность изучения славянского субстрата, а также немецко-славянских языковых контактов и антропонимического взаимодействия. Это имеет значение и для изучения средневековых славянских имен нынешней словенской территории, которая образовывала в средневековье общую культурную область с Австрией.

Два исследовательских проекта: «Альпийская культура – культурно-исторические имена» и «Население и культура» (последний еще находится в стадии становления) связаны с именем Петера Анрайтера, проф. Института языкознания Университета Инсбрук, автора большого количества работ, посвященных изучению различных типов онимов в диахронии и синхронии [см., в частности: Anreiter, 2004; 2005; Anreiter, Ender, 2006]. Данные проекты объединены целью проведения лингвистического анализа восточнотирольских названий, как тех, которые извлечены из исторических документов, так и тех, которые фиксируются в устном употреблении. Территория восточного Тироля выбрана неслучайно: это зона бывших контактов между тремя большими языковыми группами – романской, славянской и германской. Эти проекты могут стать основой дальнейшего культурно-исторического исследования всего альпийского пространства. В рамках этого масштабного исследования пригодятся имеющиеся материалы основного каталога баварского диалекта в Австрии и опыт междисциплинарных исследований, накопленный ономастическими отделениями институтов различных австрийских университетов.

П. Анрайтер является также издателем ежегодно публикуемых «Инсбрукских докладов по ономастике» («Innsbrucker Beiträge zur Onomastik»). В Институте ежегодно функционирует также совет по именам, куда обращаются работники загсов для получения подтверждения о существовании тех или иных иностранных имен при регистрации детей иностранцев, а также выдаются свидетельства о происхождении и этимологии немецких фамилий.

В Австрии ежегодно проводятся лингвистические конференции, в программу которых традиционно входит работа ономастической секции. В 2006 г. такая конференция проходила в Клагенфурте, в 2007 г. – в Инсбруке (подробнее о них см. на сайтах: <http://members.chello.at/heinz.pohl/Startseite.htm>, <http://www.onomastik.at>).

Anreiter P. Heraldik und Onomastik. Edition Präsens. Wien, 2004.

Anreiter P. Zur Methodik der Namendeutung. Mit Beispielen aus dem Tiroler Raum. Innsbruck, 2005.

- Anreiter P., Ender A.* Vom Nutzen umfangreicher onymischer Belegsammlungen. Edition Präsens. Wien, 2006.
- Finsterwalder K.* Tiroler Namenkunde. Sprach- und Kulturgeschichte von Personen-, Familien- und Hofnamen (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Germanistische Reihe 4). Innsbruck, 1994.
- Jandaurek H.* Oberösterreichische Familiennamen um 1823–1830 // Oberösterreichische Heimatblätter 1. 1947. P. 60–71.
- Masser A.* Tradition und Wandel. Studien zur Rufnamengebung in Südtirol. Heidelberg, 1992.
- Neumann J.* Tschechische Familiennamen in Wien: Eine namenkundliche Dokumentation. Wien, 1972.
- Reutner R.* Einführung in die synchrone Sprachwissenschaft, Herausgegeben von Peter Ernst, Wien, 1999.
- Schneller C.* Innsbrucker Namenbuch. Innsbruck, 1905.
- Tarneller J.* Tiroler Familiennamen. Viertausend Geschlechtsnamen, die tirolischen und voralbergischen Hofnamen entsprossen sind. Bozen, 1923.
- Wiesinger P.* Namenforschung in Österreich // Eichler E. u. A. Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. B. u. N. Y.: de Gruyter, 1995.
- Ziller L.* Die Salzburger Familiennamen. Ihre Entstehung, Herkunft und Bedeutung (Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde, Erg.–Bd. 11). Salzburg, 1986.
- Zwanziger R.* Bibliographie der Namenforschung in Österreich 1 (Österreichische Namenforschung, Sonderreihe 3). Wien, 2006.

Ф. Ш. Пашаева, канд. филол. наук,
доц. кафедры общего и русского языкознания
Бакинского славянского университета
(Азербайджан)

НОВЫЕ КНИГИ*

2006

Актуальные вопросы славянской ономастики. Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах: Материалы III Междунар. науч. конф., 6–7 октября 2006 г. / Отв. ред. Р. М. Козлова. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – 369 с. – ISBN 985-439-212-0.

Сборник «Актуальные вопросы славянской ономастики» содержит материалы III Международной научной конференции «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах», состоявшейся 6–7 октября 2006 г. в Гомеле. В конференции приняли участие ученые из Белоруссии, Украины и России.

Большая часть материалов конференции посвящена изучению топонимии в различных аспектах: парадигматическом, лексикографическом, этимологическом, контактологическом, когнитивно-ономастическом и др. Второй по популярности ономастический разряд, получивший отражение в материалах конференции, – антропонимия: в статьях рассматриваются как антропонимические системы определенной местности или периода, так и отдельные имена. Современная ономастическая ситуация отражена в статьях, посвященных урбонимии и системе доменной номинации в Интернете.

В отдельный блок выделены статьи по проблемам ономастики художественных текстов и фольклора, кроме этого, рассматривается функционирование личных имен в текстах, принадлежащих разным стилям украинского языка и фразеологизмы библейского происхождения с ономастическим компонентом.

А. А. Макарова

Onomastica: Pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu oraz innym nazwom własnym. Rocznik LI / Red. A. Cieślíkowa. – Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2006. – 391 s. – ISSN 0078-4648.

Очередной выпуск польского ежегодника «Onomastica» посвящен К. Рымуту, ушедшему из жизни в 2006 г.

Раздел «Статьи и материалы» начинается статьей *Р. Шрамека* (Чехия) «Ономастическая теория в славянской ономастике». В статьях *Э. Жетельской-Фелешко* и *А. Чесликовой*

* Аннотации составлены сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург): канд. филол. наук *С. О. Горяевым*, магистранткой *А. А. Макаровой*, – а также старш. преп. кафедры русского языка и культуры речи Рос. гос. проф.-пед. университета, канд. филол. наук *Т. И. Киришевой*; также использована информация из Интернет-ресурсов (сайтов книжных магазинов и издательств).

речь идет о процессах глобализации в топонимии славян. Тему глобализации продолжает *Л. Димитрова-Тодорова* (Болгария) в статье о болгарских и польских фирмонимах (названиях фирм). В аспекте интеграции поликультурного и поликонфессионального общества рассматривает деривацию личных имен *В. Пянка*. В поле внимания авторов оказываются имена собственные разных хронологических уровней (см. статью *М. Графа* и *М. Кожневской-Гошенецкой* о наиболее популярных именах самых молодых жителей Познани и статьи *А. Нарушевич-Духлиньской* и *И. Матушак* об оттопонимических фамилиях жителей разных районов Польши XVI–XVIII вв.), функционирующих как на территории Польши, так и за ее границами (см. в частности, статьи *М. Й. Кюнслера* об особенностях дальневосточной топонимии и *Б. Гринкевич-Адамских* об именах и прозвищах севера России конца XV–XVI вв.). Особое место занимает публикация *Х. Гурного*, в которой рассматривается употребление имен собственных в апеллятивной функции на материале памятников XIX – начала XX в.

Основную часть раздела «Рецензии, обсуждения и полемика» составляют рецензии на новые книги по ономастике (в первую очередь, по топонимии и гидронимии), вышедшие в Польше, Германии, Болгарии и России. Также рецензируются периодические издания по ономастике, выходящие в Чехии («Acta onomastica»), Германии («Namenkundliche Informationen») и России («Вопросы ономастики»).

В заключительном разделе «Состояние ономастических исследований» опубликована статья, посвященная главному редактору журнала А. Чесlikовой. Другая статья данного раздела посвящена 100-летию со дня рождения С. Роспонда. Здесь же опубликован отчет о двух ономастических конференциях, состоявшихся в Польше в 2006 г. – XV Общепольской ономастической конференции (Краков, 21–23 сентября 2006 г.) и конференции «Регион в свете имен собственных» (Ополе, 1 декабря 2006 г.).

А. А. Макарова

***Shaw Trevor. Names From The Past In Postojnska Jama (Postojna Cave). Imena iz preteklosti v Postojnski jami).* – Ljubljana: Založba ZRC, 2006. – 151 p. – ISBN 961-6568-78-7.**

Автор книги составил перечень всех наименований рудника Постойнская Яма (в большинстве случаев сохранившихся в трех и более языках) вместе с указанием их местоположения и периода, когда имя было в употреблении. Список составлен с опорой на планы рудника, чертежи, записки путешественников, неопубликованные архивные источники и изображения, больше половины из них появилось до 1900 г. Книга написана на английском языке.

2007

Имена московских улиц: Топонимический словарь / Сост. Р. А. Агеева, Г. П. Бондарук, Е. М. Поспелов, Т. П. Соколова, А. Л. Шилов. – М.: ОГИ, 2007. – 608 с. – (Московская библиотека).

Эта книга – новейший справочник о происхождении названий московских улиц, в котором учтены последние достижения в области исследования московской топонимики. Кроме названий улиц, в книге дается системное описание московских топонимов – названий городских районов, мостов, станций и линий метро, железнодорожных вокзалов и станций, речных пристаней, рек, ручьев, прудов, холмов.

Климова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира / Науч. ред. И. А. Ширшов. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

В монографии описывается микротопонимия нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья. Она рассматривается как система микротопонимических комплексов, в ста-

тическом и динамическом аспектах, как средство формирования и выражения знаний сельских жителей о мире, его концептуализации (концепты «пространство», «время», «человек», «число», «сакральность»).

***Olga Molchanova. From words to Altai place-names (Topography cognition and semantics).* – Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2007. – 323 с. – ISBN 978-83-7241-596-7, ISSN 0860-2751.**

Монография посвящена комплексному изучению топонимии горного Алтая. На обширном материале (около 7 400 названий) автором рассмотрены как самые общие вопросы ономотологии (специфика имен собственных как класса лексики, проблемы номинации, факторы, обуславливающие номинацию, семантика топонимов, этнолингвистическая информативность географических названий), так и более конкретные (лексико-семантическая характеристика тюркских топонимов на территории горного Алтая). Исследователем также предпринята попытка сравнить различные топонимиконы (алтайский, монгольский, азербайджанский, русский и английский) и выявить частотность использования определенных лексико-семантических групп слов в образовании географических названий.

Т. И. Киришева

Топонимический словарь этнической Бурятии / Сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. – 190 с.

В словаре рассматриваются названия населенных пунктов, рек, озер, гор и других географических объектов этнической Бурятии. Всего включено около 5 000 топонимов. Дается краткая физико-географическая характеристика топообъектов, объясняется происхождение их названий.

Хвесько Т. В. Дихотомия апеллатив / онома в языке и речи (на материале русского и английского языков): Монография. – Тюмень: Сити-пресс, 2007. – 192 с.

Монография представляет собой сравнительно-историческое описание русской и английской топонимии. Представлена лексико-семантическая классификация, определены типовые топонимы и продуктивные топоформанты, описаны способы топонимобразования в русском и английском языках. Разные виды анализа и методы исследования позволили автору выявить отличительные и универсальные тенденции в формировании национальных ономастиконов, причем топонимические универсалии рассматриваются на более широком материале: привлекаются данные финно-угорских, тюркских и индоевропейских языков. Исторический аспект рассмотрения позволил описать топонимические системы в их становлении, а этимологический – особенности лингвоэтнических контактов и специфику адаптации иноязычных названий.

Т. И. Киришева

Студії з ономастики та етимології. 2007 / НАН України. Ін-т укр. мови. Ред. кол.: В. П. Шульгач (впдп.ред.) та ін. – Київ: Університетське видавництво ПУЛЬСАРИ, 2007. – 436 с. – ISBN 978-966-02-4236-4.

Сборник посвящен актуальным проблемам славянской ономастики и этимологии. Здесь опубликованы тексты докладов, сделанных на очередном ономастическом семинаре (24–25 мая 2007 г.). Большую часть раздела «Ономастика» занимают статьи, посвященные изучению ойконимии в различных аспектах: стратиграфия украинских ойконимов, взаимодействие ойконимов и других разрядов имен собственных (антропонимов и микротопонимов), проблемы

фонетической адаптации, особенности онимизации апеллятивов в процессе ойконимообразования, характеристика процессов переименования населенных пунктов, ареальная дистрибуция некоторых типов ойконимов и пр. Второй раздел содержит этимологические интерпретации апеллятивной лексики. В заключительной части опубликованы рецензии на новые ономастические издания, приводятся списки прозвищ жителей нескольких сел Львовской области, собранных преподавателями и студентами вузов.

Т. И. Киришева

Петкова Юлианна. Топонимията на Новозагорска околия. – София: ТЕМПТО, 2007. – 395 с. – ISBN 978-954-9566-42-0.

Работа, выполненная в традиционном для болгарской топонимики ключе, посвящена географическим названиям бывшей Новозагорской околии (территории вокруг г. Нова Загора). Материал для работы – 5 520 топонимических единиц – был собран в результате полевых исследований, а также из архивных и иных источников.

Во введении к работе приводится историко-географический очерк региона, особое внимание уделяется истории этнического освоения территории и ее отражению в субстратных языковых элементах. Имена с субстратными элементами типологизированы в структурном плане. По топонимическим данным автор реконструирует формирование системы населенных пунктов региона, указывая два основных фактора воздействия – военно-стратегическую роль поселения и род хозяйственной деятельности его жителей.

В первой главе рассматриваются в алфавитном порядке населенные пункты с географической, исторической и лингвистической точек зрения, в частности приводятся исторические названия поселения, производные от современного ойкодомонима названия местных жителей и топонимы для прилежащих к поселению территорий. Статью о каждом отдельном поселении завершает раздел «языковая археология», в котором автор сопоставляет археологические и топонимические данные, что позволяет во многих случаях сделать вывод о преемственности исторического развития поселения или ее отсутствии. В этом же разделе рассмотрены языковые особенности топонимов: количество и характер заимствований, диалектные черты, случаи народной этимологии и др.

Вторая глава посвящена собственно языковому анализу всего материала в фонетическом, грамматическом, структурном и семантическом аспектах.

Третья глава представляет собой словарь топонимов. В общий алфавитный порядок топонимов включены отдельными статьями топонимические термины. Такая статья содержит отсылки к топонимам, которые содержат в своем составе соответствующий термин.

Работа сопровождается списком литературы (порядка 250 позиций, в том числе работы российских топонимистов), списком сокращений и списком информантов, с указанием их возраста и рода занятий.

С. О. Горяев

Łuc Izabela. Nazwy własne w literaturze dziecięco-młodzieżowej Małgorzaty Musierowicz. – Katowice, 2007. – 180 s. – ISBN/ISSN 978-83-226-1614-7.

В монографии Изабеллы Луц «Собственные имена в литературе для детей и молодежи Малгожаты Мусерович» производится всесторонний анализ имен, функционирующих в текстах автора. В этом исследовании описываются способы номинации и создания вариантов имен, фамилий и прозвищ, и далее их мотивация. Автор выделяет и характеризует имена аутентичные и неаутентичные (согласно классификации А. Вилконя), указывая функции, которые они выполняют в отдельных текстах.

Onomastica: Pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu oraz innym nazwom własnym. Rocznik LII / Red. A. Cieślíkowa. – Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2007. – 416 s. – ISSN 0078-4648.

В новый выпуск польского ежегодника «Onomastica» вошли публикации ученых из Польши, Болгарии, России и Германии.

Раздел «Статьи и материалы» открывается двумя публикациями теоретического характера: исследование *М. Руткевич-Ханчевской* посвящено узальной номинации и типологии ономастических игр; статья *К. Сковронек* представляет собой попытку рефлексии по поводу методологии ономастики и ономастического дискурса в научных текстах. Среди работ по топонимии обращают на себя внимание статья *Е. Якус-Борковой* и *К. Новик* – о создании словаря и индекса ойконимов Польши, *Р. Сребранова* (Болгария) – о болгарско-польских топонимических параллелях в общеславянском контексте. В статье *М. Пеньковской* сравниваются польские и французские названия улиц и способы их перевода. Объектом анализа ряда публикаций стали антропонимы. *А. Палка* исследует крестные имена по данным метрических книг прихода св. Андрея Апостола в Олькуше за 1727–1837 гг. и 1985–1990 гг. *К. Заводиньская-Буковец* предлагает классификацию конспиративных имен поляков во время Второй мировой войны. Статья *Р. Кухарчика* посвящена изучению мотивационных и народноэтимологических связей диалектных названий птиц и личных имен. Опубликована вторая часть исследования *Б. Гринкевич-Адамских* об отапельлятивных именах и прозвищах севера России конца XV – XVI в. (первую часть см. в предыдущем выпуске). Раздел замыкают статья *П. Дудека* об именах собственных в повестях И. Виткевича и две статьи по эргонимии: *Е. Палинчуц* произведена историко-культурная интерпретация названий ресторанов, кафе и клубов краковского Казимежа, *М. Шелевский* исследует названия служб безопасности и производителей систем оповещения.

В следующем разделе опубликованы рецензии на новые книги, сборники и словари по топонимии, антропонимии, зоонимии, общей и литературной ономастике, вышедшие в Польше, Германии, Чехии и Словакии. Рецензируются ведущие ономастические сборники и журналы, издаваемые в Чехии («Acta onomastica»), России («Вопросы ономастики»), Италии («Rivista Italiana di Onomastica»), Хорватии («Folia Onomastica Croatica») и Словении («Jezikoslovni Zapiski»).

В разделе «Состояние ономастических исследований» опубликована статья о *Й. Доманьском*, ушедшем из жизни в 2007 г., и отчет о двух конференциях: «Имена как потенциальный конфликт в европейском контексте» (Регенсбург, 11–13 апреля 2007 г.) и «Славянские апеллятивно-ономастические омонимы в диахронии и синхронии» (Люблин, 22–23 ноября 2007 г.).

А. А. Макарова

Acta onomastica. Ročník XLVIII. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 2007. – 282 s. – ISSN 1211-4413 a ISBN 80-86496-36-8.

Очередной выпуск «Acta onomastica» содержит статьи, посвященные различным проблемам ономастики, среди которых семантика, прагматика и синтактика имен собственных, особенности процесса номинации и, в частности, детского имятворчества, этимология и формирование разрядов онимов, специфика национального ономастикона и проблема восприятия иноязычных имен, ономастическая лексикография. Ученые-ономатологи проводят свои исследования на разнообразном материале: топонимах (включая библейские географические названия), антропонимах (именах, фамилиях, прозвищах, старочешских именах), этнонимах, наименованиях транспортных средств. Также в ежегоднике представлены традиционные разделы дискуссии, рецензий, хроники, новостей, новых изданий и ресурсов.

Т. И. Киришева

НОВЫЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ (2005–2008)*

2005

1. *Булбулишоев У. Т.* Микропонимия р. Шахдары в этнолингвистическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2005. 18 с.
2. *Васильева Н. В.* Собственное имя в тексте: интегративный подход: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М., 2005. 46 с.
3. *Дерябина М. Ю.* Особенности передачи английских имен собственных на русский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сев.-Осет. гос. ун-т им. М. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2005. 22 с.
4. *Жилетежев Х. Ч.* Грамматические особенности собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т. Нальчик, 2005. 23 с.
5. *Зиннатуллина Г. Х.* Поэтическая ономастика прозы Амирхана Еники: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2005. 25 с.
6. *Иванова А. С.* Типология чувашских гидронимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2005. 23 с.
7. *Исакова А. А.* Специфика переключения языковых кодов при адаптации прагматонимов английского происхождения в русском рекламном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2005. 25 с.
8. *Кожин А. А.* Художественный потенциал имени собственного в русской прозе второй половины XIX в.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Лит. ин-т им. А. М. Горького. М., 2005. 38 с.
9. *Кузнецова Т. Б.* Русский ономастикон Ставропольского края как фрагмент языковой картины мира (на материале антропо- и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2005. 18 с.
10. *Меркулова Н. В.* Французская эстетическая ономастика и ее функции в художественном тексте и интертексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2005. 26 с.
11. *Мирхайдарова А. Х.* Семантико-стилистическое пространство антропонимии в художественной прозе А. К. Занкиева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2005. 23 с.

* Указатель составлен сотрудником кафедры русского языка и общего языкознания Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького, канд. филол. наук *К. В. Пьянковой* на основе разных источников, в том числе Летопись авторефератов диссертаций: Государственный библиографический указатель Российской Федерации. М., 2005. № 1–12; М., 2006. № 1–12; М., 2007. № 1–12; М., 2008. № 1–12.

² Список авторефератов диссертаций за 2005 г. дополняет собой перечень, опубликованный в журн.: *Вопр. ономастики*. 2006. № 3. С. 154.

12. *Новожилова Т. А.* Номинация современных коммерческих предприятий (на материале рус., англ. и нем. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рост. гос. пед. ун-т. Ростов н/Д, 2005. 16 с.
13. *Оганнисян Г. А.* Функционирование армянских антропонимов в русской речевой среде (на материале художеств. текстов XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2005. 22 с.
14. *Пискайкина Т. С.* Топонимия в мировосприятии и жизнедеятельности этносов мордовского края: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. Саранск, 2005. 18 с.
15. *Сидоренко Г. Ю.* Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка (на материале памятников деловой письменности XVII в. г. Тобольска: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2005. 18 с.
16. *Соловьев А. Н.* Смоленская антропонимия конца XVI–XVII вв. (личные имена): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смол. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2005. 22 с.
17. *Татаркин В. Е.* Антропонимия Орловского края XVI–XVII вв. (на материале памятников официально-деловой письменности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2005. 18 с.
18. *Токмашев Д. М.* Антропонимы в шорском героическом эпосе (сравнит.-ист. аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Том. гос. пед. ун-т. Новокузнецк, 2005. 22 с.
19. *Фазлутдинов И. К.* Топонимические предания и легенды татар Башкортостана: исторические основы и идейно-эстетические функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова Респ. Татарстан. Казань, 2005. 25 с.
20. *Хонинов В. Н.* Калмыцкие топонимы Астраханской области (семантика и структура): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. М., 2005. 24 с.

2006

1. *Азнабаева А. Ф.* Современное состояние и тенденции имянаречения в полиэтническом социуме (на материале рус., башк., татар. и нем. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баш. гос. ун-т. Уфа, 2006. 25 с.
2. *Альдингер О. П.* Фразеонимическая картина мира в «Пословицах русского народа» В. И. Даля: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смол. гос. ун-т. Смоленск, 2006. 24 с.
3. *Баранов О. В.* Гидротопонимы в системе искусственных опознавательных единиц языка и речи (на материале соврем. англ. языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. М., 2006. 37 с.
4. *Бондаренко Т. А.* Антропонимия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2006. 23 с.
5. *Бурмистрова Е. А.* Названия произведений искусства как объект ономастики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2006. 20 с.
6. *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли (исслед. деантропоним. названий на общеслав. фоне): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т лингвист. исслед., РАН. СПб., 2006. 29 с.
7. *Васильева С. П.* Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2006. 40 с.
8. *Врублевская О. В.* Названия торжественных мероприятий: прагмалингвистический аспект (на материале рус. и нем. номинаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгоград, 2006. 24 с.
9. *Габровская Н. Б.* Онимные и отонимные новообразования в современных массмедийных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Адыгейс. гос. ун-т. Майкоп, 2006. 21 с.

10. *Гасимова С. И.* Историко-лингвистический анализ татарских прозвищ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2006. 23 с.
11. *Голева С. А.* Лингвокультурологический и ономастический компонент концепта «город» в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. М., 2006. 26 с.
12. *Горланова И. Б.* Топонимия города Костромы (структура, семантика и функционирование в синхрон.-диахрон. аспекте): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т. Ярославль, 2006. 20 с.
13. *Грибанова О. Д.* Региональное своеобразие зауральских топонимических преданий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2006. 17 с.
14. *Гришина И. И.* Функционирование имени собственного в кроссвордной логике английской волшебной сказки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Иркут. гос. лингвист. ун-т. Иркутск, 2006. 21 с.
15. *Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2006. 50 с.
16. *Киришева Т. И.* Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2006. 19 с.
17. *Косиченко Е. Ф.* Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 2006. 23 с.
18. *Кушнерук С. Л.* Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2006. 22 с.
19. *Лебедева Е. А.* Ономастикон произведения Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»: структурный, семантический и функциональный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т. Ростов н/Д, 2006. 23 с.
20. *Леонтьева А. А.* Русские личные имена в чувашском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2006. 21 с.
21. *Луговая Е. А.* Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпосов Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2006. 22 с.
22. *Марченкова Ю. Ю.* Фамилии Рославльского края (синхрон. и диахрон. аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смол. гос. ун-т. Смоленск, 2006. 24 с.
23. *Минюшова О. Н.* Топонимы-логоэпистемы в коммуникативном пространстве носителей русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 2006. 20 с.
24. *Никитина Н. В.* Ономастическое пространство поэзии А. Т. Твардовского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смол. гос. ун-т. Смоленск, 2006. 23 с.
25. *Пашкевич А. А.* Прозвища и клички в системе номинативных средств английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2006. 22 с.
26. *Подымова Ю. Н.* Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Адыгейс. гос. ун-т. Майкоп, 2006. 25 с.
27. *Попадинец Р. В.* Прецедентные имена в сознании носителя русского языка (эксперим. исслед.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Курс. гос. ун-т. Курск, 2006. 21 с.
28. *Рузиева Л. Т.* Становление таджикской и русской антропонимии (сравнительно-сопоставительный анализ). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2006.

29. *Сайдимова Э. Р.* Именник тобольских татар мусульманского происхождения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2006. 24 с.
30. *Сотникова Е. А.* Ономастическое пространство названий парфюмерной продукции в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. Елец, 2006. 22 с.
31. *Степанова Ф. В.* Русский женский антропонимикон в культурологическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2006. 19 с.
32. *Сулейманова Р. А.* Антропонимы современного башкирского языка и тенденции их развития: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баш. гос. ун-т. Уфа, 2006. 25 с.
33. *Топоркова И. В.* Гидронимы Тамбовской области в ономастическом пространстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2006. 22 с.
34. *Трифопова Е. А.* Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале рус. и англ. эргонимов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2006. 20 с.
35. *Тюкалова Н. Е.* Имя собственное во французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2006. 24 с.
36. *Уразуметова А. В.* Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц (на материале англ. и фр. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2006. 22 с.
37. *Устарханов Р. И.* Метафтонимия в английском языке: интерпретационно-когнитивный анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. Пятигорск, 2006. 21 с.
38. *Хуснуллина З. М.* Историко-лингвистический анализ татарских фамилий г. Казани: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2006. 22 с.
39. *Шеминова Н. В.* Особенности функционирования антропонимов в современной испанской прессе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2006. 24 с.
40. *Шокина И. М.* Словообразовательная номинация на базе антропонимов в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 2006. 25 с.
41. *Яковлева О. Е.* Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. 21 с.

2007

1. *Алтаев В. В.* Концептуальные основы формирования английских христианских топонимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2007. 21 с.
2. *Ворошилова Е. В.* Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2007. 19 с.
3. *Вязовская В. В.* Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2007. 19 с.
4. *Гильфанова Ф. Х.* Этнолингвистическое исследование антропонимии Тарских и Барабинских татар (на материале русских архивных документов XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2007. 32 с.
5. *Гончарова Н. А.* Ономастическое пространство как проявление языковой личности автора (на материале произведений С. Н. Сергеева-Ценского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тамб. гос. ун-т. им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2007. 22 с.
6. *Денисова Т. Т.* Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумяч. и Ершич. р-нов Смол. обл.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смол. гос. ун-т. Смоленск, 2007. 22 с.

7. Дьякова Н. С. Изменения в системе наименований жителей г. Устюжины Железнопольской в XVI–XVII вв. (по материалам сотных 1567, 1597 и 1626 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2007. 23 с.
8. Дьяченко В. В. Субстратные антропонимы в английском и русском языках (контрастивн.-социолексикол. аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. Пятигорск, 2007. 15 с.
9. Дюжеева М. Б. Лингвокультурологические аспекты англоязычных названий музыкальных групп: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2007. 22 с.
10. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере назв. делов., коммерч., культур., спортив. объектов г. Уфы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баш. гос. ун-т. Уфа, 2007. 23 с.
11. Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. М., 2007. 23 с.
12. Замалутдинова Л. Г. Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар нижнего течения р. Тура 2-й половины XX в. (на материале Тюмен. р-на Тюмен. обл.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Tobol. гос. пед. ин-т. Тюмень, 2007. 24 с.
13. Зобнина О. А. Концепт «Oxbridge» в английской лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2007. 18 с.
14. Киртичева О. В. Ономастикон рекламного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2007. 22 с.
15. Ковшикова Г. А. Топонимия Устюженского края XVII века (на материале памятника письменности «Писцовая книга станов и волостей Устюжины Железопольской 1628–1630 гг.»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Череповец. гос. ун-т. Череповец, 2007. 18 с.
16. Мерцалова Г. Н. Односложные ойконимы стран немецкого языка как объект фонологического исследования (в сравнении с односложными апеллятивами современного литературного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 22 с.
17. Мусукаев Б. Х. Балкарская ономастика в парадигме современной лингвистики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. Нальчик, 2007. 42 с.
18. Носенко Н. В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2007. 22 с.
19. Образцова О. А. Личные имена поунженской деревни начала XX века (на материале произведений Е. В. Честнякова и живых кологривских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2007. 23 с.
20. Олейникова С. Д. Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2007. 23 с.
21. Патенко Г. Р. Русская антропонимия романического пространства Д. И. Стахеева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кемер. гос. ун-т. Елабуга, 2007. 22 с.
22. Пронченко С. М. Интертекстовые ономастические структуры в произведениях О. Э. Мандельштама: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2007. 20 с.
23. Рагулин А. А. Обозначители водного пространства как относительно закрытая группа искусственных слов-наименований (на материале соврем. англ. языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова. М., 2007. 24 с.
24. Ражина В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рост. гос. пед. ун-т. Краснодар, 2007. 19 с.

25. *Скуридина С. А.* Ономастикон романов Ф. М. Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2007. 21 с.
26. *Соснин А. В.* Средства вербализации компонента «Лондон» в английском культурном пространстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 2007. 23 с.
27. *Сулайманова Л. С.* Лингвистический анализ народных географических терминов в топонимии Кыргызстана: Автореф. ... канд. филол. наук / Ин-т языкозн. НАН Кыргызск. Респ. Бишкек, 2007. 24 с.
28. *Сьянова Е. И.* Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронеж. Прихоперья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. И. А. Герцена. СПб., 2007. 23 с.
29. *Хазиева Г. С.* Историко-лингвистический анализ мужских личных имен: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2007. 23 с.
30. *Хамитова Л. М.* Поэтический ономастикон в татарских детских стихотворениях (на материале художеств. текстов Ш. Галиева и Р. Миннуллина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Елабуга, 2007. 24 с.
31. *Хисматуллина Г. Р.* Фамилии в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баш. гос. ун-т. Уфа, 2007. 17 с.
32. *Хомутская Е. Ю.* Особенности отношения к собственному имени в различных возрастных и гендерных группах молодежи: Автореф. дис. ... психол. наук / Самар. гос. пед. университет. Самара, 2007. 24 с.
33. *Черникова Е. М.* Эвфемизация теонимов и демонимов в некоторых индоевропейских и афразийских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2007. 21 с.

2008

1. *Артемова Л. А.* Особенности функционирования антропонимов в немецких медийных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2008. 23 с.
2. *Верховых Л. Н.* Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2008. 20 с.
3. *Горбачева О. Г.* Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2008. 23 с.
4. *Климова Л. А.* Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2008. 65 с.
5. *Ловянникова В. В.* Ономастическая фразеология в лингвокультурологическом аспекте (на материале нем. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. Нальчик, 2008. 24 с.
6. *Мордвинова Н. Г.* Словесные товарные знаки алкогольных напитков (на материале русского, чувашского, французского, итальянского, испанского, немецкого и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2008. 28 с.
7. *Новожилова А. А.* Функциональная нормативность относительных хронимов (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2008. 21 с.
8. *Пенская И. Е.* Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 2008. 24 с.
9. *Сычалина Е. В.* Немецкая топонимия Поволжья: социолингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2008. 21 с.

ДИССЕРТАЦИИ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

2005

1. Булава Н. Ю. Сучасні українські прізвища північної Донеччини: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2005. 20 с.
2. Бушаков В. А. Історична топонімія Криму: Автореф. дис. ... д-ра філол. наук / Ін-т сходознавства ім. А. Кримського НАНУ. Київ, 2005. 42 с.
3. Марченко Н. В. Північнонімецькі топоніми слов'янського походження: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Київський нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ, 2005. 19 с.
4. Реммер С. А. Хрононіми як особливий розряд власних імен: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Донецький нац. ун-т. Дніпропетровськ, 2005. 19 с.
5. Реммер С. А. Хрононіми як особливий розряд власних імен: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Донецький нац. ун-т. Дніпропетровськ, 2005. 18 с.
6. Романюк М. І. Соціально зумовлені інновації в ономастиконі закарпаття кін. ХХ – поч. ХХІ ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ужгородський нац. ун-т. Чернівці, 2005. 17 с.
7. Сосніна Л. В. Адаптація англійської онімної лексики в російській мові другої пол. ХХ – поч. ХХІ ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Донецький нац. ун-т. Дніпропетровськ, 2005. 19 с.
8. Філатова Е. В. Структура і функції конотативної сфери поетонімів та досвід їхньої лексикографічної інтерпретації: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Донецький нац. ун-т. Донецьк, 2005. 20 с.
9. Шкляєва Н. В. Народна топонімічна проза Західного Полісся: синхронічний аспект: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Львівський нац. ун-т ім. Івана Франка. Львів, 2005. 19 с.

2006

1. Бражнік Л. М. Процеси освоєння німецьких топонімів у російській мові ХVІІІ ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Горлівський педінститут іноземних мов ім. Н. К. Крупської. Дніпропетровськ, 2006. 20 с.
2. Іваненко О. В. Походження назв населених пунктів Сумської області: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ін-т української мови НАН України. Київ, 2006.
3. Петренко О. Д. Ономастика дитячих творів Роалда Дала: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2006. 17 с.
4. Свистун Н. О. Динаміка антропонімікону м. Тернополя ХІХ–ХХ ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Тернопільський нац. пед. ун-т ім. Володимира Гнатюка. Чернівці, 2006. 20 с.
5. Усова Н. В. Фонетичні засоби виразності онімів у звуковому ладі поетичного твору: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Донецький нац. ун-т. Донецьк, 2006. 20 с.
6. Усова О. О. Ономастикон художніх творів Миколи Хвильового: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Донецький нац. ун-т. Донецьк, 2006. 16 с.
7. Шестопалова Л. Д. Специфіка антропонімів у химерній прозі (на матеріалі творчості В. Г. Дрозда): Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ізмаїльський держ. гум. ун-т. Одеса, 2006. 19 с.
8. Шотова-Ніколенко А. В. Онімний простір романів Ю. І. Яновського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2006. 21 с.

2007

1. Бабій Ю. Б. Прізвища сучасної Середньої Наддніпрянщини: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Миколаївський держ. ун-т ім. В. О. Сухомлинського. Одеса, 2007. 22 с.
2. Лесовець Н. М. Ергонімія м. Луганська: структурно-семантичний і соціально-функціональний аспекти: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Луганський нац. пед. ун-т ім. Тараса Шевченка. Луганськ, 2007. 20 с.

3. *Музя Є. М.* Топонімічна лексика і методи її опису в англomовних словниках: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Запорізький нац. ун-т. Одеса, 2007. 20 с.
4. *Сокіл Н. В.* Мікротопонімія Сколівщини: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Львівський нац. ун-т ім. Івана Франка. Львів, 2007. 23 с.

2008

1. *Ляшенко Р. О.* Мікротопонімія Кіровограда: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Кіровоградський держ. пед. ун-т ім. Володимира Винниченка. Харків, 2008. 19 с.
2. *Федотова Н. М.* Сучасні прізвиська Луганщини: когнітивна прагматика творення тексту оніма: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Луганський нац. пед. ун-т ім. Тараса Шевченка. Харків, 2008. 22 с.
3. *Яцук Л. В.* Антропонімія Житомирщини XVI–XVII ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ін-т української мови НАН України. Київ, 2008. 20 с.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях географических объектов

губ.	губерния
кладб.	кладбище
пок.	покос
пр.	приток
рч.	речка
руч-к	ручеек
с.	село
сц.	сельцо

В названиях языков и диалектов

авест.	авестийский язык
алан.	аланский язык
аром.	аромунский (македонско-румынский) язык
арх.	архангельские говоры русского языка
балкар.	балкарский язык
вепс.	вепсский язык
вод.	водский язык
ворон.	воронежские говоры русского языка
вост.-роман.	восточнороманские языки
вост.-саам.	восточные диалекты саамского языка
вост.-слав.	восточнославянские языки
вят.	вятские говоры русского языка
галльск.	галльский язык
дигор.	дигорский диалект осетинского языка
дон.	донские говоры русского языка
др.-герм.	древнегерманские языки
др.-греч.	древнегреческий язык
др.-инд.	древнеиндийский язык
др.-ирл.	древнеирландский язык
др.-норв.	древненорвежский язык
др.-перс.	древнеперсидский язык
др.-польск.	древнепольский язык
др.-прус.	древнепруссский язык
др.-рус.	древнерусский язык
др.-серб.	древнесербский язык
др.-слав.	древнеславянский язык
друм.	дакорумынский (румынский) язык
иллир.	иллирийский язык
индоарийск.	индоарийский язык
иркут.	иркутские говоры русского языка
кельт.	кельтский язык
кильд.	кильдинский диалект саамского языка
киммер.	киммерийский язык
кимр.	кимрский язык

костром.	костромские говоры русского языка
лив.	ливский язык
лтг.	латгальский диалект латышского языка
люд.	людиковский диалект карельского языка
мегл.	мегленорумынский язык
моск.	московские говоры русского языка
н.-луж.	нижнелужицкий язык
новг.	новгородские говоры русского языка
патс.	саамский диалект Патсйоки
перм.	пермские говоры русского языка
полес.	полесские говоры украинского языка
праиран.	праиранский язык
пракрит.	пракритский язык
праслав.	праславянский язык
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
прус.	прусский язык
пск.	псковские говоры русского языка
саам. сев.	северносаамские диалекты
саам.	саамский язык
сарм.	сарматский язык
сев.-рус.	севернорусские говоры русского языка
сербохорв.	сербохорватский язык
сиб.	сибирские говоры русского языка
скиф.	скифский язык
согд.	согдийский язык
ср.-греч.	среднегреческий язык
ср.-ирл.	среднеирландский язык
ср.-урал.	среднеуральские говоры русского языка
татар.	татарский язык
твер.	тверские говоры русского языка
тобол.	тобольские говоры русского языка
тохар.	тохарский язык
тюмен.	тюменские говоры русского языка
урал.	уральские говоры русского языка
фрак.	фракийский язык
хетт.	хеттский язык
южнорус.	южнорусские говоры русского языка
яросл.	ярославские говоры русского языка

Прочие

м. р.	мужской род
соверш.	совершенный вид
суфф.	суффикс

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2008. № 6

Редакторы	<i>Е. Ф. Васюта</i> <i>Л. А. Феоктистова</i>
Редактор перевода	<i>В. В. Алпатов</i>
Корректор	<i>Л. А. Феоктистова</i>
Компьютерная верстка	<i>К. В. Пьянкова</i>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-0310 от 15.07.05.
Учредители: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

План выпуска 2008 г., поз. 39.
Подписано в печать 24.12.2008. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,48. Усл. печ. л. 12,0. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СТАТЬИ

- Васильев В. Л.* Архаическая топонимия с перфиксом *po-/na-* на Русском Северо-Западе
Кабина Н. В. Субстратная гидронимия бассейна реки Немнюга (Мезенский район Архангельской области)
Алпатов В. В. Признак «предназначение» в английских названиях полей
Иванова Е. Э. «Маршрутный» топонимический словарь
Атрошенко О. В. О проекте «Словаря русских народных хрононимов»
Ефименко И. В. Мужские именованья черниговцев и новгородцев в памятниках письменности XVII в.
Бардакова В. В. «Говорящие» имена в детской литературе
Фомин А. А. Всегда ли «литературная ономастика» тождественна «поэтической ономастике»?

СООБЩЕНИЯ

- Коларжик Й.* Легенда и реальность в названиях деревень в окрестностях курорта Лугачовице
Шилов А. Л. Еще раз о названии реки *Выг*

МАТЕРИАЛЫ

- Назаров А. И.* Именник старообрядцев-поповцев земли уральского казачьего войска и его место в общерусском именнике

ТРИБУНА ОНОМАТОЛОГА

- Матвеев А. К.* Тенденции и практики в современной российской урбономинации

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы

- XI Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (*Р. В. Разумов*)

Рецензии

- Летова И. А.* Рец. на: Горпинич В. А. Антропонимия древнегреческого языка (Днепропетровск, 2006)

Новые книги

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или электронной почтой) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта – 14-й, сноска – 12-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (установка через меню: *Формат – Абзац – Отступ – Первая строка 0,7*).
- Примечания – подстрочные, нумерация сквозная.
- Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это прямая цитата) в квадратных скобках.
- При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.
- Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются одинарные кавычки (‘’), при цитировании – угловые («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.
- Объем статей – до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).
- Резюме на русском и английском языках (от 500 до 1 000 знаков, считая пробелы).

Оформление библиографических ссылок

Оформление ссылок с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

- Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, 28]; [Мамонтова, Муллонен, 1991, 52].
- Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, 101].
- Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе – сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 81], [ААЕ, 9].
- Архивные материалы: [ГАО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] – курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, опись, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.
- Карты, словники, картотеки и т. п. – с помощью сокращенного названия: [КСГРС].
- Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, 270].
- Перечень библиографических ссылок дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

Общие правила

- К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии – электронный адрес).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение за публикацию не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

- 620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
Филологический факультет, редакция журнала «Вопросы ономастики».
Электронный адрес: fasmer@yandex.ru.
- Электронная версия журнала размещается на сайтах:
Института русского языка им. В. В. Виноградова – <http://www.ruslang.ru/agens.php?id=onomastica>,
научной библиотеки УрГУ – <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/786>.